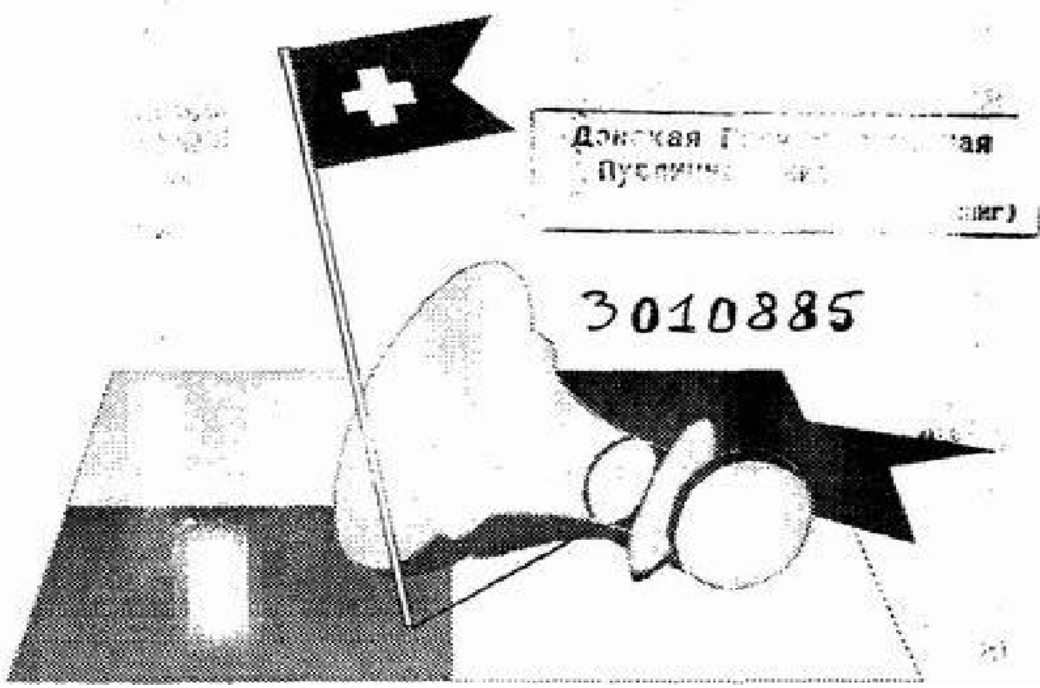
ВИКТОР КОРЧНОЙ

ЗАПИСКИ ЗЛОДЕЯ

АНТИШАХМАТЫ

ВОЗВРАЩЕНИЕ НЕВОЗВРАЩЕНЦА



3010885

SHOUT
SHARE
IT

- Антишахматы. Записки злодея. Возвращение невозвращенца
  -
  - К МОИМ БЫВШИМ СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ
  - Рудольф ЗАГАЙНОВ, профессор Я ЖДАЛ ЭТОЙ ВСТРЕЧИ ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ
  - ЗАПИСКИ ЗЛОДЕЯ
    -
    - Олег СКУРАТОВ ОХОТА НА ВОЛКОВ
    - «ХОЧУ ЖИТЬ ПО СОВЕСТИ!»
    - ПЕРВЫЕ УРОКИ
    - ЗАПРЕЩЕНО!
    - ГЛАВНЫЙ ПОРОК
    - «КАК ЗА-ГОНЯТЬ СКОТ...»
    - ЧП В КОМИТЕТЕ
    - Роковой год
    - НАКАЗАНИЕ
  - АНТИШАХМАТЫ
    -
    - Владимир БУКОВСКИЙ «СЕРЫЕ НАЧИНАЮТ И ВЫИГРЫВАЮТ»
    - «НЕВОЗВРАЩЕНЕЦ»
    - ТРОЙНОЙ ЗАСЛОН
    - КАК МЫ ПОПАЛИ В БАГИО
    - ДОМАШНИЕ ХЛОПОТЫ
    - ПЕРВЫЕ СТОЛКНОВЕНИЯ
    - СЮРПРИЗЫ НА СТАРТЕ
    - ОБСТАНОВКА НАКАЛЯЕТСЯ
    - «ПРОТЯНУТУЮ РУКУ НАДО ПОЖАТЬ!»
    - ПСИХОЛОГ ИЛИ ПАРАПСИХОЛОГ?
    - ПЕРЕЛОМ
    - ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ В МАНИЛЕ
    - ЧУДЕСА В РЕШЕТЕ
    - БУРНЫЙ ФИНАЛ
    - «Последний и решительный...»
    - ПОСЛЕ МАТЧА
    - ЗАКЛЮЧЕНИЕ
  - ВОЗВРАЩЕНИЕ НЕВОЗВРАЩЕНЦА
    -
    - Эмануил ШТЕЙН (США) КЕНТАВРОВЫ ШАХМАТЫ
    - Анатолий КАРПОВ ЗАЧЕМ НУЖЕН ПСИХОЛОГ
    - Виктор МАЛКИН, доктор медицины КТО ВЫ, ДОКТОР ЗУХАРЬ?

- Эм. Штейн. Открытое письмо А. Карпову
- В ЗАЩИТУ СЕМЬИ КОРЧНОГО
- Лев АЛЬБУРТ (США) ПОЦЕЛУЙ ВОЖДЯ
- Гарри КАСПАРОВ ПАМЯТНИК СТАРОМУ РЕЖИМУ
- Виталий СЕВАСТЬЯНОВ КАРПОВ, КАКИМ МЫ ЕГО ЛЮБИМ
- «Толин миллион» (процесс Карпов— Юнгвирт)
- Леонид ЖУХОВИЦКИЙ КАК МЫ ДОШЛИ ДО ЖИЗНИ ТАКОЙ?
- Виталий МЕЛИК-КАРАМОВ ИГРА БЕЗ ВАРИАНТОВ
- ВОЗВРАЩЕНИЕ НЕВОЗВРАЩЕНЦА?

СОДЕРЖАНИЕ

Литературно-художественное издание

notes

1

2

Антишахматы. Записки злодея. Возвращение невозвращенца

В книге «Антишахматы» и автобиографических «Записках злодея» выдающийся шахматист современности Виктор Корчной рассказывает о своей драматической судьбе. В центре повествования — многолетнее единоборство с Анатолием Карповым, преследования со стороны советских властей, вынужденное бегство за рубеж, борьба за справедливость в шахматном мире. Книга дополнена уникальными документами и свидетельствами.

Рассчитана на широкий круг читателей.

Корчной В. Л.

К МОИМ БЫВШИМ СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ

Поиски правды жизни могут завести далеко. Будучи на Западе, я познакомился с известными правозащитниками Андреем Амальриком и Владимиром Буковским. Великолепные, кристально честные люди! правду — и стали борцами за свободу. Кто знает, что случилось бы

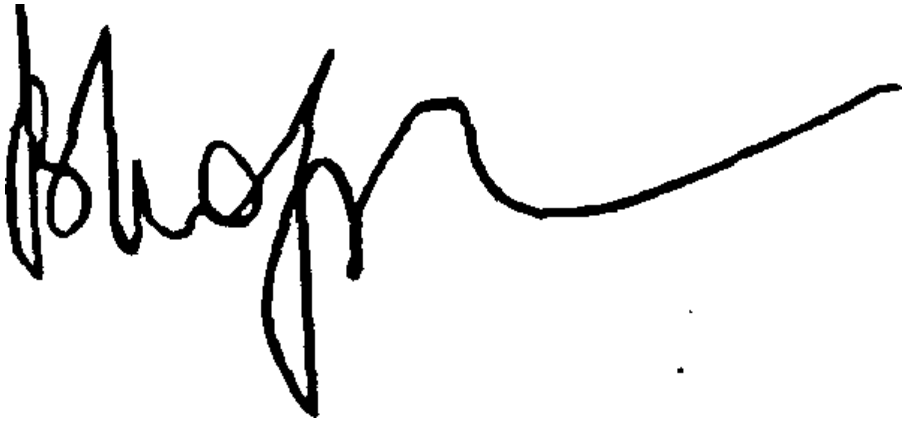
Они не были воспитаны диссидентами в семье, они только искали со мной, не будь у меня шахмат — этого ирреального мира, куда можно спрятаться от грязи жизни. Как однажды метко и цинично заметил один мой хороший приятель: «У вас, шахматистов,— важная миссия. Футболисты, хоккеисты — они нужны, чтобы люди поменьше водку пили, а вас показывают народу, чтобы он поменьше Солженицына читал!»

Долго, слишком долго страна жила в тисках тоталитарной идеологии. Слава Богу, дьявольское наваждение наконец рассеивается, страх уходит, народ очнулся. Люди всего мира, без преувеличения (Кастро и его клика не в счет), желают вам полного успеха в ваших исторических начинаниях. Хотя, на мой взгляд, окончательная победа демократии в России возможна лишь с полным уходом из активной (политической, общественной, экономической, культурной) жизни поколений, воспитанных при Сталине. В их перевоспитание я не верю. Мне самому, несмотря на исключительно удачные условия, пришлось пройти долгий, мучительный путь переосмысления жизненного опыта. Об этом вы прочитаете в первой части книги — «Записках злодея», написанных мною в 1990 году.

Во второй части вас ждут «Антишахматы» — рассказ о том, что мне довелось испытать уже в роли «невозвращенца». Книга была издана на Западе в 1981 году на нескольких европейских языках. Написанная по горячим следам моего матча с Карповым на Филиппинах, она, естественно, грешила излишней резкостью — чего я стремился избежать в новом издании. В конце концов, сейчас, по прошествии стольких лет, важнее не эмоции, а факты.

В работе над текстом мне помогли московские журналисты Сергей Воронков и Дмитрий Плисецкий. Кроме того, они дополнили книгу различными документами и свидетельствами, а также материалами, дающими представление о развитии некоторых сюжетных линий «Антишахмат» в 80-е годы.

Виктор КОРЧНОЙ



Швейцария, 1992

Виктор Львович КОРЧНОЙ. Выдающийся шахматист современности. Родился 23 марта 1931 года в Ленинграде (ныне Санкт-Петербург). Окончил исторический факультет Ленинградского университета. Гроссмейстер с 1956 года. Четырехкратный чемпион СССР. Победитель десятков крупных международных турниров. Один из лучших матчевых бойцов за всю историю шахмат. Многолетний претендент на мировую шахматную корону. За его плечами три поединка с А. Карповым —-в Москве (1974), Багио (1978) и Мерано (1981). Всегда отличался независимостью суждений и резким, прямым характером. После московского матча с Карповым власти начали травлю Корчного. В 1976 году он попросил политического убежища на Западе. Был лишен на родине всех званий, а затем и советского гражданства (возвращено лишь в августе 1990 года). Ныне гражданин Швейцарии.

Автор нескольких книг. Самая знаменитая из них — долгие годы запрещенные в СССР «Антишахматы (с предисловием В. Буковского).

Рудольф ЗАГАЙНОВ, профессор Я ЖДАЛ ЭТОЙ ВСТРЕЧИ ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ

В 1974 году я был психологом Виктора Корчного в финальном матче претендентов с Карповым. С тех пор и до победы Гарри Каспарова жил с клеймом «психолог Корчного», чем втайне и не втайне (что могут подтвердить многочисленные слушатели моих лекций) гордился. Тем не менее десяток лет я был невыездным, и руководители спорткомитетов, как и тренеры отдельных спортсменов и команд, старались не афишировать факт моего участия в совместной работе.

Времена изменились. И вот июнь 1990 года. Испания, город Мурсия, где проходят большой международный турнир по «быстрым» шахматам и ассамблея Ассоциации гроссмейстеров. Здесь-то мы и встретились с Корчным.

После 1974 года информация о спортсмене, с которым я вместе пережил тот трудный матч, поступала только из редких газетных заметок, слухов о написанном в его книгах, сообщений единственного в то время шахматного корреспондента Рошаля об очередных «выходках» Корчного в матчах с чемпионом мира.

Судя по всему, он оставался таким же, каким был всегда,— резким в оценках людей, непримиримым с теми, с кем не нашел общего языка в прошлом, по-прежнему ищущим конфликта, находя в нем источник своего вечного боевого духа, ярко выделяющего его этим качеством из многих других.

Не буду скрывать, я ждал этой встречи и как человек, и как профессионал. Как человек — поскольку всегда любил таких, оголенных в реакции на все окружающее людей. Да, нам было что вспомнить из нашего общения, вспомнить и посмеяться. Как профессионал — в связи с тем, что до сегодняшнего дня не имел ответов на некоторые вопросы, и они, как белые пятна на карте, манили меня своей тайной. Что было в Багио? Почему, сравняв счет, он сразу же проиграл 32-ю партию и матч? И почему таким беспомощным был в Мерано? И что, кстати, случилось в Москве, в том самом 1974 году, когда после двух побед при счете 2:3 вдруг «кончился» тот самый боевой дух и, более того, после возвращения на матч его жены он впервые противился моим попыткам мобилизовать его волю?

...Портье набирает его номер, и я слышу хорошо знакомый голос.

— Виктор Львович? Вас беспокоит человек, с которым вы не виделись шестнадцать лет.

Слышу его смех и затем слова:

— Я понял. Но я принимаю душ. Вы могли бы подождать минут десять?

Двери лифта прямо передо мной. Представляю, как он выйдет сейчас в холл и сразу недоверчиво посмотрит по сторонам, как делал всегда, входя в новое помещение. И лицо его будет готово мгновенно преобразиться, и уже через секунду выражение настороженности трансформируется в ироническую улыбку или в злую гримасу, в зависимости от того, что и кого увидит он перед собой. Но это, я знаю, всегда будет на сто процентов искренне, будет точной копией его сиюминутного состояния, какой-либо лжи или недосказанности нет места в его самовыражении.

...Третий час идет наш разговор, завтра ему играть, и надо бы ограничиться, но он увлечен разговором, получившимся уходом в прошлое, и жаль прерывать горение его монолога, жаль возвращать его в настоящее, в Испанию. И я отказываюсь от этой мысли и снова полностью включаюсь в разговор. Он мгновенно чувствует это изменение во мне и в ответ зажигается с новой силой, повышает голос и усиливает жестикуляцию — артистический тип человека!

— Вот вы говорили, что я могу вернуться. Но как возвращаться, если Карпов как был председателем Фонда мира, так и остался председателем Фонда мира, да еще и стал депутатом! Где она — ваша перестройка, где? Кто эти люди, которые кричат о перестройке?

Пауза затянулась. Корчной смотрел в пол, склонившись вперед, обхватив колени руками. Потом поднял голову и тихо произнес:

А вы действительно думали, что я могу вернуться? Почему?

Потому что у вас было больше болельщиков, чем у других. И друзей.

Корчной снова смотрел в пол и еще тише, словно самому себе, сказал:

— Да, это потому, что я всегда говорил то, что думал. Он снова замолчал, потом резко выпрямился и громко заговорил:

Нет. Это невозможно. Скучают не по месту, а по людям. А люди моего поколения никогда не перестроятся. Так получилось в моей жизни, что я оказался в ссоре со своим поколением. Петросян, Геллер, Таль, Полугаевский — они все предали меня. Все работали с Карповым против меня.

В последнее время Россию посещают те, кто эмигрировал в те

же годы, что и вы. Писатели Максимов, Владимов говорили в своих интервью, что они могли бы вернуться, но их никто не зовет. А если бы позвали вас?

Его ответ прозвучал мгновенно:

— Это невозможно!

И снова задумался. Я тихо, боясь спугнуть его думу, спросил:

- Не скучаете по Ленинграду?

- Нет,— к моему удивлению, спокойно ответил он.— Я же сказал, что скучают не по месту, а по людям. Но я не скучаю. Я сказал себе в 1976 году: «Я уезжаю навсегда!» Это очень важно: сказать себе эти слова — «уезжаю навсегда»!

Но и многие другие говорят себе эти слова, а потом выясняется, что где-то внутри, в подсознании, они не готовы к тому, чтобы не тосковать.

Да, я знаю таких людей. Тот же Сосонко. Теперь у него дом в Амстердаме, но живет он по-прежнему Россией, выписывает русские газеты. Это страшное раздвоение.

Он резко откинулся на спинку кресла, ослабил завязь галстука, расстегнул ворот рубашки и замер на несколько секунд. Взгляд остановился, он ничего не видел сейчас — распознать это было нетрудно. Он формулировал какую-то очень важную для себя мысль, и я с нетерпением ждал продолжения его монолога. Диалог давно перешел в монолог, и это устраивало меня. Но еще больше, как я понимал, это устраивало моего собеседника. Это было нечто явно более значительное, чем работа его мыслительной сферы. В каждое слово он вкладывал сильные чувства: он всегда и был таким — не разделял мысли и чувства.

— Тоскую ли я? — продолжая смотреть куда-то далеко, спросил он себя и через несколько секунд ответил: — Вы знаете, это называется как-то иначе. Сложнее! Я не тосковал. И сразу, в отличие от многих, имел квартиру. Но выяснилось вдруг, что я не могу в ней спать. Понимаете, не можешь уснуть! Ты вдруг ощущаешь перед сном, что ничего тебя не связывает с завтрашним днем. Как будто нет смысла просыпаться. Один не можешь...

Он опять изменил позу, наклонился вперед и стал что-то искать в карманах. Вынул пачку сигарет и, поймав мой взгляд, сказал:

— Я помню, что вы против курения, но я иногда бросаю. Лихорадочно закурил и сразу заговорил снова:

— И многие, знаете, переживали то же самое — не могли спать. Не могли бороться с одиночеством. Многих, я это знаю, увозили в сумасшедший дом.

Минуту он сосредоточенно курил, потом встал, бросил

окурок в урну, сел ближе ко мне.

— Эмиграцию называют кто — болотом, кто — трагедией. Но это более сложное явление. Сейчас во всем мире эмиграция — самое больное место. Ведь из-за политики нашего, то есть вашего, государства, миллионы людей тронулись с насиженных мест. Венгры, чехи, румыны, болгарские турки... да и в Камбодже, Вьетнаме — то же самое. Это трагедия.

Он снова закурил и продолжал говорить.

Все намного сложнее. У каждого свое. Одни бегут по политическим или экономическим мотивам. Например, Спасский. Что бы он там ни говорил, а уехал он на самом деле ближе к деньгам. А многие уезжают по причине разбитой личной жизни и надеются, что там повезет. Но и там не везет, и они с удовольствием бы вернулись обратно. Каждый третий бы вернулся, если бы была свобода выезда и въезда.

Вы уверены?

Уверен... Когда встречаю нового эмигранта, то всегда хочу спросить его: «Куда едешь? Без языка, без... энергии?»

С вашим отъездом, Виктор Львович, тоже не все ясно, даже мне.

А что тут неясного? Меня же выживали!

То есть?

Была травля, вы что, не помните? Я перестал выезжать на турниры. Со мной боялись не только поддерживать дружбу, но и просто разговаривать. Вокруг была пустота.

Мне кажется, вы преувеличиваете.

Да вы что! В Ленинграде я чувствовал себя как в пустыне... Да, это была пустыня! Меньше всего я хотел бы приехать сейчас в Ленинград!.. А последней каплей было то, что меня лишили слова. Для меня очень важно в жизни общаться с людьми, я любил выступать перед аудиторией. Но в тот момент на каждом моем выступлении были люди из соответствующих организаций и начались вызовы в горком и обком и требования отчетов о том, что я говорил и почему. Потом эти грязные письма в «Советском спорте». Я понял, что это все!

— Я помню один ваш разговор со Спасским. Вы говорили ему, что надо ценить то, что делается для шахматистов, что живут шахматисты лучше других, много ездят. И нет ли у вас, человека, пережившего ребенком блокаду и выросшего без отца, и добившегося тем не менее в жизни успеха, чувства вины...

Он резко перебил меня

Перед кем?

...Скажем так: перед Родиной!

Корчной встал во весь рост. Оглянулся по сторонам.

Потом сказал:

— Я хочу пройтись. Вы не против?

Мы вышли на набережную. На солнце было жарко.

— Идемте в парк. Пройдемся по травке. Здесь это можно. Здесь все для человека,— он рассмеялся, но как-то мрачно.

Мы пошли по газону.

— Для Родины я сделал все, что мог. Все-таки я побеждал на Олимпиадах и считался, как вам известно, командным игроком. Но более важным я считаю то, что словом объяснял людям правду... И когда меня лишили слова, я понял, что Родине не могу быть больше полезен. Я сказал себе: мне здесь... то есть там, делать нечего.

По соседней аллее прогуливался Борис Васильевич Спасский. Увидев нас, остановился, удивленно развел руками и громко, чтобы мы расслышали, произнес: «Шестнадцать лет спустя!» Мы все рассмеялись, и он подошел к нам. Протянул руку Корчному и в том же легком тоне сказал:

— Здорово, орел!

Но лицо Виктора Львовича было серьезно, и он подчеркнуто официально, даже сухо, ответил на его приветствие. В установившейся тишине легко было уловить напряжение, и Спасский сразу отошел он нас.

Корчной задумчиво смотрел ему вслед и затем, вздохнув глубоко, продолжал:

— Вроде мы с ним люди схожей судьбы и должны поддерживать друг друга. Но этого нет. Более того, я сейчас выступил против него — в ответ на его фашистское интервью, где он слово в слово повторил фашистские взгляды Алехина, который писал в 1941 году в одной из нацистских газет, что шахматы бывают арийские и еврейские. Ну ладно — Алехин, была война, он этим жил, и возможно даже, что это писал не он, а только подписывал. А Спасский пишет об этом в 1990 году! Кстати, в этом интервью он благодарит своих тренеров Толуша и Бондаревского, отъявленных антисемитов. Они хорошо воспитали его, я согласен!

Довольно долго мы шли молча. Корчной был задумчив, смотрел себе под ноги, и я решил не мешать ему, хотя вопросов еще было множество, теперь даже больше, чем до нашей встречи.

К отелю тянулись один за другим участники турнира. Через десять минут начинался тур, и мы заспешили. Корчной сказал:

— Приходите завтра после обеда.

И, ускорив шаг, скрылся в толпе шахматистов у входа в отель. Как и раньше, его узнавали, уступали дорогу.

* * *

Я закурю,— сказал-спросил он, удобно разместившись в кресле довольно скромного (я ожидал большего) номера гостиницы «Мелиа». Глубоко затянулся и сразу заговорил.

Вы знаете, я совершенно не мог собраться вчера на партию. Было какое-то опустошение после нашего разговора.

Тогда давайте отложим беседу, а сейчас сделаем то, что делали раньше.

Он послушно садится на стул, я делаю ему массаж головы, и все ожило сразу, как будто не было этих лет и матч с Карповым продолжается.

— Теперь ложитесь, я помогу вам уснуть.

Он открывает глаза, принимает решение и говорит:

— Нет, лучше поговорим.

Я рад этой возможности, хотя ощущаю некоторые угрызения совести в связи со вчерашней его неудачей...

— Виктор Львович, что случилось вчера на ассамблее?

— Случилось то, что должно было случиться — демократия победила! Все пошли против Каспарова. Понимаете, Каспаров может быть диктатором и больше никем! А на Западе с этим не согласятся, не примут этого никогда. Ассоциация гроссмейстеров — это не советская, а международная организация. Об этом Каспаров не должен забывать. Вам рассказывали о выступлении Спасского?

— Нет.

— Ему, как всегда, не хватало запаса слов, но суть он выразил верно. Он сказал, что по своему поведению Каспаров — типичный большевик и его деятельность построена на трех большевистских принципах. Первый — кто не с нами, тот против нас! Второй — если враг не сдается, его уничтожают! И третий — не знаем что, но доведем до конца! Неплохо, правда?

Он смеялся.

Каспаров — гений... в шахматах?

Он... хорош! С точки зрения интеллекта таким и должен быть чемпион мира по шахматам в отличие от чемпиона мира по... городкам. Чем дальше, тем больше я ценю Каспарова. Он пропагандирует собой шахматы!.. Корчной задумался и продолжил:

— Нельзя забывать, что каждый чемпион — дитя своего времени. И вот Каспаров — дитя сегодняшнего сумасшедшего времени и своей сумасшедшей страны. Вы согласны с этой концепцией?

— Не знаю.

— Это не я придумал, это доказано. Ведь почему такой интерес к личности чемпиона мира? Есть ведь люди в других

видах спорта, добивающиеся отнюдь не меньшего. Но интерес к ним явно слабее. А личность чемпиона по шахматам изучается всеми. Потому что он сын своего времени! Начиная со Стейница, который считал, что он установил навечно законы шахматной борьбы. Он тоже был дитя своего времени, когда и в физике считалось, что все законы открыты,—-и никто не догадывался, что где-то в своей лаборатории работает Эйнштейн.

...Алехин тоже был сыном своего эмигрантского времени. Не мог забыть Родину и в то же время ненавидел Советскую власть.

Он же мечтал вернуться! Котов писал об этом.

Да вы что? Это фантазии агента КГБ.

Котов — агент?!

Не извольте сомневаться! И Котов, и Толуш... В шахматах, как и везде, их достаточно.

Виктор Львович, вернемся к Алехину. Разве он не хотел вернуться после войны?

Никогда! Он всю жизнь как огня боялся большевиков. Керес незадолго до своей смерти рассказывал мне, что перед войной Алехин был в Эстонии и говорил им: «Бегите отсюда быстрее, пока большевики не пришли!..» Ботвинник — еще одно дитя. Прекрасно вписался в систему и так же прекрасно использовал ее для подавления тех, кто ему мешал. Помните ту историю с Левенфишем, когда они сыграли вничью матч на звание чемпиона СССР и Левенфиш законно должен был ехать на известный АВРО-турнир? Но поехал Ботвинник. И, не стесняясь, он пишет в своей книге, что пошел в ЦК и все встало на свои места.

— А Таль?

— Таль? — он задумался.— Ну что — Таль? Талант, умница, но... У Таля были в жизни две женщины, и обе звали его уехать. Но он предпочел быть рабом у Карпова. Жить в СССР, но выезжать.

Приближалось время игры, и я не хотел касаться тем, способных зажечь моего собеседника, а тема «Карпов» была бы самой огнеопасной. И потому я перебил его.

А что случилось в 77-м в Белграде? Спасский мне рассказывал, что первые пять рядов занимали ваши люди и их визуальный пресс был столь сильным, что его голова отказывалась работать на третьем часу игры. И в связи с этим он потребовал организовать для него специальный бокс на сцене, где он находился в момент обдумывания вами хода.

Но выходил он из этого бокса на шатающихся ногах. Я уверен, что он играл в том матче под гипнозом. Он выглядел как ненормальный. Хотя, понимаете, во время матчей на первенство мира происходит много чертовщины; концентрируешься

настолько, что уходишь в иной мир, мозг живет в каких-то иных измерениях. Я вообще убежден, что мы связаны со всеми — и с живыми, и с мертвыми. Однажды Спасский не сделал в партии со мной несложный выигрывающий ход. Потом, когда я спросил его: «Почему ты не сыграл конь дэ четыре — эф пять?», он ответил: «Бондаревский не дал мне сделать этот ход». При чем здесь, вроде бы, Бондаревский? Бондаревский давно умер!.. И в Багио однажды я посмотрел на Карпова и вдруг увидел, что передо мной сидит лысый старик. Наверное, таким он будет в старости и я заглянул в его будущее. И странно, уже на следующем ходу он грубо ошибся и сразу же сдался. Много могу вспомнить на эту тему. Вот я заметил, что Карпов как бы прислушивается ко мне, когда я думаю над ходом. Я чувствовал, что он угадывает, над чем я думаю.

Снова произнесена фамилия Карпова, и снова я решаюсь изменить тему разговора, к тому же времени оставалось только на один вопрос.

— Виктор Львович, Борис Гельфанд признался мне недавно, что он рано понял, что шахматы — это искусственный, придуманный мир, и теперь он боится посвятить всю свою жизнь шахматам, а потом почувствовать себя обманутым, прожившим всю жизнь в мире иллюзий.

Мой собеседник надолго задумался, впервые так долго раздумывал над ответом. И ответил:

— Красиво звучит. Нет, на самом деле красиво. Он... прав. Совершенная правда! Этот мир нереален. Но я не жалею. Я не чувствую себя обделенным...

— Виктор Львович, пора. Через пять минут включат часы. В лифте я сказал: «Завтра вы уезжаете, я хотел бы проводить вас».

— Буду рад,— ответил он и, выйдя из лифта, сразу высоко поднял голову и направился в турнирный зал. Его шаг, как и шестнадцать лет назад, был таким же твердым.

* * *

— Сначала я угощу вас кое-чем. Этот шоколад на каждый турнир готовит мне женщина, с которой я живу сейчас.

Я попробовал отказаться, но он сказал:

Я хочу, чтобы вы оценили как профессионал.

Фантастика! Она — большой мастер.

— О да,— рассмеявшись, ответил он,— десять лет лагерей в Воркуте научили ее многому.

Мы сели в кресла друг против друга. Он мягко улыбнулся.

Снова прощаемся. Я ответил:

Надеюсь, не на шестнадцать лет. Он снова улыбнулся.

Шестнадцать лет может оказаться многовато. Хотя известная

гадалка в Италии предсказала, что я проживу больше восьмидесяти и умру не своей смертью... И знаете, что еще было интересно? Она сказала, что на моей ладони отсутствует линия судьбы. Что это значит? Что я — человек вне обстоятельств, не подчиняюсь обстоятельствам, не зависимый ни от чего! Свобода — моя естественная среда, и в иной я не выживу. Это еще одно объяснение к вопросу о моем отъезде.

Виктор Львович, у нас в запасе только полчаса, а у меня есть вопросы, на которые ответить можете только вы.

Я готов,— ответил он.

Многим людям в нашей стране важно знать все то, что рассказываете вы. И им, конечно, интересно знать ваше мнение о Карпове.

Лицо его посуровело. Он был явно против этой темы. Потом медленно начал говорить.

— Я бы не хотел, чтобы это интервью было выяснением отношений с Карповым. Я решил больше с ним не иметь дел. И еще после Мерано решил больше с ним матчей не играть. Понимаете, он — государственный человек, политическая фигура в вашей стране, он не вписался в систему, как Ботвинник, его вписали. Это существенная разница. И если я обсуждаю его личность,— значит, невольно вторгаюсь в ваши политические дела. Мне это не нужно. Перестраивайтесь, это ваше дело.

Снова возникла пауза, у него в руках появилась пачка сигарет.

— Помните, в 83-м я согласился играть матч с Каспаровым, хотя мог не играть, когда Кампоманес присудил мне победу за его неявку. Но я решил играть. Я мог снова выйти на Карпова, но я знал, что играть с ним не буду. Я был хорош тогда, разгромил Портиша, как ребенка. Играл и с Каспаровым легко, даже выиграл первую партию... для балды. Он впервые в сегодняшней беседе рассмеялся.

— А почему вы приняли это решение после Мерано?

— Потому что я долго не мог пережить то, что там было. Я убежден, что все, чем располагала советская разведка, было там использовано. У меня нет сомнений, что в первом ряду сидели люди Карпова и с помощью приборов изучали мое состояние. Пульс и прочее. К тому же меня облучали — или в зале, или на даче, где я остановился. У меня в начале матча стали болеть глаза. Никогда со мной такого не было... Я пережил Москву, пережил Багио, но Мерано пережить не смог. Потому и дал себе слово тогда — никогда больше не играть с Карповым матч.

Позднее В. Корчной писал: «В 1981 году в Мерано Карпов «со товарищи» (а было тех товарищей 43 человека, а в конце матча до

70-ти[1]) заставили меня испытать кошмарное время. Зловещие секреты этого матча ждут новой стадии гласности, чтобы быть раскрытыми. После этого матча, не желая больше никогда терпеть того, что выпало мне в Мерано, я из профессионала постепенно перестроился в любителя. Сейчас у меня нет честолюбивых амбиций. Я хочу играть в интересные шахматы, и мне это удается» (из санкт-петербургской газеты «Смена», 21 августа 1991).

Ну а в Багио что было? Неужели не ясно, что при счете 5:5 надо было сделать черными ничью, а потом закончить матч белыми?

Да-да,— неожиданно для меня с улыбкой согласился Корчной.

А шум из-за Зухаря? — продолжал я.— Вы же придумали Зухаря! Вы согласны с этим? Он и в Москве надевал черные очки, но я предупредил всех членов нашей группы, чтобы никто не говорил вам об этом. И потому он вам не мешал.

— Да-да,— снова улыбнулся этот человек.

А что было в Москве в последних трех партиях? Почему после двух побед вы перестали бороться? Что, кончились силы или мотивация?

Да-да, наверное, и то и другое,— повторил он и, закурив новую сигарету, как бы подвел итог: — Я же сказал: я пережил все это и не хочу вспоминать. Если же вернуться в сегодняшний день, то убежден, что у Карпова и сейчас есть поддержка. Все же знают, что за предательство Каспарова Дорфману предлагали сто тысяч, а Гуревичу — двести. Откуда такие деньги? Это же не деньги Карпова...

Из выступления экс-чемпиона СССР Михаила Гуревича на пресс-конференции в Брюсселе:

«— Владимир Фельдман, человек из КГБ, попытался подкупить меня. Он предложил мне большие деньги за то, чтобы я. продолжая работать с Каспаровым, передавал сведения для Карпова (разговор происходил за несколько месяцев до их матча 1987 года в Севилье). Когда я отказался, этот человек угрожал мне. Собеседник был хорошо проинформирован, и я уверен, что информацию он получал из КГБ...

Все, что вы говорите о КГБ, понятно. Но вы ведь не можете точно утверждать, будто Карпов непосредственно замешан в этом деле?

Тот человек называл Карпова, и у меня не было причин ему не верить. Конечно, я не могу этого доказать, но КГБ очень много делал такого, чего сейчас уже не установишь. Кстати, ведь и Дорфману, другому тогдашнему помощнику Каспарова, тоже

предлагали деньги за информацию» («64» № 20, 1991).

— Виктор Львович, вы, как сами сказали, эти годы развивались и кое в чем изменили свои взгляды. Я помню, что о Карпове вы говорили как о нетворческом шахматисте, который не оставит после себя следа в истории шахмат, как о бумажном чемпионе мира. Сейчас вы бы так же сказали о Карпове?

Он молчал, и молчал долго. Я посмотрел на часы, время беседы истекало.

Сейчас вы можете сказать, что Карпов занял достойное место в истории шахмат?

...Да.

Он был настоящим чемпионом мира?

Да! Но, в отличие от Каспарова — человека широкого диапазона, он — человек ограниченный. Хотя ему и создают другой образ, но это так.

Кто все-таки самый великий шахматист в истории шахмат?

...И все же Каспаров! Такого не было!

Есть люди, которым вы благодарны в жизни?

А почему — нет?.. Эта женщина много сделала для меня. И в Ленинграде есть человек, который в то страшное для меня время предложил мне свою моральную поддержку, предложил вместе работать. Я на всю жизнь благодарен ему. Боюсь называть его, не будет ли у него неприятностей?

- Уверен, что нет. Можете называть.

- Мастер Александр Шашин.

Всего два человека, которым вы благодарны? В ответ он пожал плечами.

- Вы не назвали Зака.

Он быстро поднял голову и пристально посмотрел мне в глаза. И ответил.

- Не назвал.

- Я считаю, что главными помощниками человек должен считать тех, кто помог ему в детстве, когда сам ты ничего не можешь. Я до сих пор не могу простить себе, что не успел поблагодарить своего первого тренера, а он очень помог мне в жизни.

Лицо его изменилось. Он снова был собран, как вчера в лифте, по пути на партию. И, повысив голос, произнес:

- Ну что ж, вернемся к детству... Недавно я отправил Заку письмо, где все ему объяснил. Письмо это сознательно гадкое, чтобы у него не было иллюзий... Не так давно в Ленинграде вышла книга Зака об истории ленинградских шахмат, где Спасскому посвящена пара страниц, а обо мне — всего лишь одна гадкая фраза. И это было тогда, когда во Дворце пионеров снова

повесили мой портрет! А ведь я был его любимым учеником!.. Он отрекся от меня! А я ведь был оправданием всей его жизни!

- Не громко сказано?

- Громко, но правда! Не вспомнив обо мне в этой книге, он отрекся! И более того, в своей маленькой цидулке ответил мне: «Лучше такая книга, чем никакая». А я написал ему: *«Лучше никакая, чем та, которая распространяет ложь!»*

- Простите меня, Виктор Львович, но Зака я знаю и думаю, что вы жестоки сейчас.

- Ну что ж, я докажу вам сейчас это. Проведем целое исследование. Знаете, у меня есть сын на Украине, ему тридцать два года. Так вот, недавно он написал мне, что понял, что полжизни прожито. А я в этом возрасте вдруг понял, что не умею играть в шахматы! Хотя как раз в это время выиграл второй раз чемпионат страны. Надо иметь, наверное, большой талант, чтобы выигрывать чемпионаты Советского Союза, не зная многих шахматных законов! Про меня чего только не писали! Что я блестящий защитник, что напоминаю своей игрой Достоевского, и прочую ерунду. А я просто не мог играть иначе, не умел! И я стал работать. Исследовал тысячи партий. Научился главному — владеть инициативой! А где был мой шахматный учитель?

— Может быть, он не мог этого?

- Нет, это азы. Спасскому повезло, он в шестнадцать лет пошел на учебу к Толушу, и тот его переучил. Оказалось, что плохой учитель — Зак!

- Но он воспитал не только вас и Спасского.

- Да нет, объяснение простое. После войны в Ленинграде было много талантливых детей, и все они шли во Дворец пионеров, поскольку некуда было больше идти. Он исковеркал меня как шахматиста!

Он давно встал и ходил по номеру из угла в угол. Таким разозленным за все эти дни я его здесь не видел. Позвонил портье, такси ждало у входа. У машины мы остановились. Он протянул руку и сказал:

- Если вы не против, я мог бы высылать вам хорошие книги. И вы вышлите мне свою. Я буду ждать.

- Как всегда, болею за вас,— сказал я.

- Спасибо. Я верю.

Виктор Львович, разрешите последний вопрос. Что бы вы пожелали себе в оставшиеся двадцать лет?

Он секунду подумал и смеясь произнес:

- Играть в шахматы на этом же уровне!

- Значит, все-таки ваша жизнь — шахматы?

-Да.

Жизнь в нереальном мире?
Да!
Мурсия, июнь 1990

ЗАПИСКИ ЗЛОДЕЯ

Линия жизни на моей руке резко разделяется на две половины

Если в Союзе сохранятся секретные службы, я бы посоветовал им привлекать для пользы дела не только парапсихологов, но и хиромантов — чтобы вовремя определять того, кому потом будет присвоена кличка «злодей».

Олег СКУРАТОВ ОХОТА НА ВОЛКОВ

Давно порывался написать о Корчном. Но каждый раз, только начав, решительно все зачеркивал. Сомнения останавливали. И я себя спрашивал — ты что, близкий друг Виктора? Нет, отвечал я себе, хотя и знаю его с осени сорок третьего года. Правда, в те времена, когда мы общались, ни я, ни другие не замечали у него близких друзей. Виктора вполне устраивали приятели. Одни были ближе к нему, другие чуть дальше — он умел поддерживать дистанцию.

Другое сомнение — еще серьезней. Легко, мол, сегодня писать о Корчном, а когда было трудно или просто нельзя, ты пытался? Когда его шельмовали многие шахматные и околошахматные журналисты, когда вереницы подписей появлялись под подметными письмами и заявлениями, ты возразил открыто?

Нет, не возразил, помалкивал...

Беда нашего поколения (впрочем, уже нескольких) в том, что под прессом порочной идеологии одни сами научились врать, другие — делать вид, что ничего не происходит. Когда Корчной в 1976 году остался в Голландии, первые сразу же взялись за перо и с лакейской угодливостью устремились излагать даже не свои мысли, а мнение «далековышестоящих». Увы, не на высоте оказались тогда Шахматная федерация страны и Спорткомитет. Непреклонные установки каскадом падали сверху. На примере Корчного нам всем хотели вбить в голову — так будет со всяким...

Другие же в это время молчали, потрясенные происходящим. Любой, кто только попытался бы что-то сказать в защиту, был бы смят и раздавлен. Причем защитникам Корчного пришлось бы хуже, чем самому Корчному — тот-то был уже за границей.

Я не написал о нем ни одной хулительной строчки. Хотя именно в тот год работал в еженедельнике «64» и получил не одно, а несколько заданий на эту тему. Но я не чувствую себя героем. Мы все повинны перед Корчным. И кто его обливал грязью, и кто, читая эту грязь, презрительно молчал.

...На Фонтанке гремел артобстрел, когда мы с Виктором сели за свою первую шахматную партию в ленинградском Дворце пионеров. Произошло это так.

Вместе с блокадным другом Геннадием Дымовым мы увидели удивительное объявление. У стены Аничкова дворца, покрытого, как оспой, выбоинами от осколков, стояла фанерная доска. Несколько раз мы перечитали карандашную надпись: «Прием школьников в открытый чемпионат Ленинграда проводится в

понедельник. Руководитель шахматного кружка А. Модель».

Поразмыслив, мы предположили, что под словом «школьники» подразумевается школьный возраст и нас, работяг-тележников, тоже возьмут. Но что означало «открытый чемпионат»?

— Это когда приезжают из других городов,— сказал всезнающий Дымов. Но к нам это не подходило. У нас была блокада. Смысл слов «открытый чемпионат» разъяснился позже — все пришедшие во дворец блокадные мальчишки были допущены к игре. Участников разделили на восьмушки, и битва началась! Выиграв в первом туре, я в самом радостном настроении сел и за следующую партию. Моим соперником был худенький черноволосый мальчик в аккуратном ватнике. Играли мы в подвале дворца, холод был адский, но «зал» заброшенного бомбоубежища казался нам просто божественным.

Помню, на меня произвела впечатление запись партии, которую партнер четко вел в школьной тетради. С интересом следил я за знаками шахматной нотации. В результате этого (так мне искренне казалось!) проиграл таинственный пешечный эндшпиль.

Хмурый как туча подошел к Моделю:

Проиграл!

А кому?

Я снова заглянул в тетрадку и прочел фамилию соперника:

— Какому-то Корчному! — сказал с досадой.

Мальчик в ватнике сердито глянул в мою сторону... Он долго еще не прощал мне этого нечаянного словечка — «какому-то». В двенадцать лет Виктор имел уже обостренное чувство достоинства. Немного раньше он сблизился с моим другом Дымовым, а поскольку я постоянно находился рядом, то пришлось Виктору позабыть эту обиду.

Еще одно случайное обстоятельство помогло наладить знакомство. Как-то, возвращаясь с очередного тура, мы с удивлением обнаружили, что оба живем на Некрасовской улице, в нескольких домах друг от друга. Пережить блокаду на одной улице — это ли не повод для мальчишеской дружбы!

В период гонений на Корчного вдруг «выяснилось», что у него исключительно «желчный, раздражительный характер». В книге А. Карпова и А. Рошаля «Девятая вертикаль» речь идет даже о «комплексе Сальери», помноженном на необъективность.

Сильно сказано. Но честно ли? Все, кто знали Виктора в его ленинградский период, ничего подобного не замечали. Как раз объективность молодого Корчного привела к удивительному на первый взгляд факту: на турнирах во время конфликтных

ситуаций шахматисты часто шли на разбор не к судьям, а к Виктору. Его авторитет был непререкаем.

Вспоминаю, как в пятидесятом году команда Ленинградского университета сразилась в Москве со своими коллегами на 20 досках. Корчной играл на первой доске, но, как всегда, умудрялся видеть, что делается на остальных. И вот у одной пары в цейтноте вспыхнул конфликт. Московский студент утверждал, что соперник тронул слона и должен именно этой фигурой пойти. Но тогда она сразу терялась. Наш шахматист это отрицал. Свидетелей рядом не было, и судьи стали в тупик. В это время к столику подошел Корчной. «Я видел, как вы тронули эту фигуру, — сказал он ленинградцу.-— Будьте мужчиной, надо сдаваться». Тогдашний наставник московских студентов Петр Романовский, сам человек почти легендарной честности, протянул руку нашему капитану и, обернувшись к своей команде, сказал: «Все бы так поступали...»

Возможно, этот эпизод вызовет возражение: все, мол, было давно. А вот с годами характер мог и испортиться. Но вспомним поистине рыцарский поступок Корчного в 1983 году. Поступок, сыгравший судьбоносную роль в карьере Гарри Каспарова. Тогда ведь Виктору было уже пятьдесят два. Казалось, сама судьба в третий раз давала ему шанс взойти по трудной претендентской лестнице. В четвертьфинале он победил Портиша, в полуфинале (согласно всем правилам!) ему была присуждена победа над Каспаровым. На пути оставался лишь Рибли или Смыслов. Становилось вполне реальным, что он мог в третий раз встретиться в поединке со своим историческим соперником — Анатолием Карповым.

Но Корчной остался Корчным. Он великодушно отказался от присужденной победы (Каспаров ведь не по своей вине не явился на матч в Пасадену) и сел за доску с будущим чемпионом мира. Разве такое бы сделал Сальери?..

Прямота характера— это далеко не вздорность. А ведь именно этим словом называли в ленинградском спорткомитете высказывания Корчного о непорядках в шахматном клубе на улице Желябова, о воровстве и приписках в спортивных организациях. Он говорил об этом еще тогда — в благостные годы упоения липовой цифирью. Помните, какой конвейер по присвоению разрядов и мастерских званий развернули в шестидесятых годах? Нам был один шаг до лозунга: «В каждой семье — шахматный мастер!» И Корчной боролся с этой показухой, в открытую говоря о девальвации шахматных званий, о снижении класса игры, о блатных заграничных поездках на турниры, о договорных партиях.

После марафона претендентов в 1962 году на Кюрасао гроссмейстер в публичных выступлениях говорил о том, о чем многие догадывались, но помалкивали. О неспортивном сговоре некоторых своих коллег, расписывающих бескровные половинки очков и тем сберегающих силы для встреч с наиболее опасными конкурентами. Например, с Фишером. Да и с Корчным-то они боролись вовсю. И ленинградец, лидировавший в первой половине турнира, боровшийся с полной выкладкой в каждой партии, не выдержал этого прессинга. Раздраженный необъективным характером борьбы, он трагически зевнул фигуру Роберту Фишеру и, не сумев совладать с нервами, вскоре потерял все турнирные шансы.

А ведь именно в те годы тридцатилетний Корчной был в полной готовности к бою за шахматный трон. Боевой энергичный стиль ленинградского гроссмейстера завоевал симпатии легиона болельщиков. У шахматистов родилось тогда выражение — «закорчнить». Это значило создать неожиданную контратаку, блеснуть самобытным замыслом, сделать редкий по красоте ход.

Но сыграть матч на первенство мира в годы своего расцвета Корчному не довелось. И только разменяв пятый десяток, он снова получил этот шанс, все еще оставаясь претендентом номер один. Однако, садясь за шахматную доску, вел уже борьбу не только с партнером, но и со своим возрастом.

Корчной никогда не щадил себя, не экономил. Неуемная жажда борьбы, откровенное нежелание беречь силы были его характерной чертой с ранней молодости. И эта расточительность аукнулась особенно сильно в Багио в 1978-м. Глядя на его роковые просмотры, я невольно вспоминал студента Корчного, сутками игравшего на износ бесконечные блиц партии. Увлеченный игрой, он не размышлял о последствиях таких перегрузок. Пусть простит мне Виктор, но я доскажу до конца...

На квартире гостеприимного Дымова, где собирались многие молодые шахматисты, он мог играть в шахматы или покер с утра и до вечера. Брал «тайм-аут», когда надо было идти на очередной тур чемпионата Ленинграда. А ближе к ночи вновь возвращался и мог сыграть несколько «пулек» в преферанс.

В карты, кстати, он играл неважно, злился на себя за ошибки, но с увлечением постигал науку. Засиживаясь, как правило, за полночь, мы сметали все съестные припасы и к пяти утра шли в единственный открытый в это время питательный пункт. Спасительной точкой была столовая для грузчиков на Московской-товарной. Там за копейки выдавали хлеб и «вчерашние» щи. На редкость колоритной была и публика в этой забегаловке. С горячими мисками в руках мы забивались в угол. И

я шутя говорил

Виктору, тогда уже международному мастеру: «Дорогой маэстро, храните инкогнито, вас не должны узнать...»

Не стоит думать, что натиск спортивного и партийного аппарата на гроссмейстера Корчного начался после его невозвращения из Голландии. Увы, нападки (и очень острые!) начались ранее и первого своего пика достигли в 1974 году после финального матча претендентов с Карповым.

...Сегодня каждому здравомыслящему человеку ясно, что Корчного вынудили покинуть страну. Никогда не лез ему в душу и теперь не хочу спрашивать сколь трудно было Виктору сделать такой шаг. Ведь помимо всего прочего, он оставлял «заложником» своего сына Игоря. И этим обстоятельством мстительные аппаратчики воспользовались. Сын Корчного был отлучен от комсомола и университета, посажен в тюрьму за неявку в военкомат. И все это было сделано перед матчами с Карповым в Багио (1978) и Мерано (1981). Расчет точный, он бип прямо в цель. Надо было взвинтить, выбить из колеи опасного претендента. Какой уж тут хладнокровный шахматный анализ, какая игра, когда сын — в тюрьме.

Возвращаясь к тем предматчевым дням, я смею думать, что Корчной сделал трагическую ошибку. Более практичный человек не стал бы в той ситуации играть матч. Но Виктор умел рассчитывать ходы только на шахматной доске. Он никогда не был гибким политиком, редко слушал советы, привык все брать на себя — даже если сил не хватало.

Весь мир, затаив дыхание, следил за борьбой в Багио. Фора в двадцать лет — дело нешуточное, но Корчной выглядел в том трудном поединке достойно. Жестокие срывы на старте не сломили его волю, и он, одержав три полновесные победы, сравнял счет и оказался за шаг до цели. Но на этот шаг сил у него уже не хватило...

Корчной, наверное, читал наши газеты в тот далекий уже период. Конъюнктурные статьи не могли не огорчать его. А может, ему думалось, что и впрямь его считают злодеем на Родине? Ведь дошло до того, что перестали упоминать его имя и фамилию, заменяя их в репортаже кличкой «претендент», что звучало иной раз как «предатель».

Поверь, Виктор, далеко не все соглашались с этим...

1990

«ХОЧУ ЖИТЬ ПО СОВЕСТИ!»

По-видимому, я не получил должного советского воспитания в семье. Наверное, моему отцу воздалось за эту небрежность полной мерой — в числе нескольких сотен других плохо вооруженных ополченцев он погиб на Ладожском озере в ноябре 1941 года. Воздалось сполна и остальным членам отцовской семьи, где я воспитывался,— все как один они скончались от голода в осажденном Ленинграде.

А я вот остался, выжил. И уже в 16 лет, в 1947 году, позволил себе первое — если хотите, политическое — выступление. На уроке истории СССР я заявил, что в 1939 году Советский Союз вонзил нож в спину Польше. Учительница истории Валентина Михайловна Худина несколько дней пребывала в животном страхе. Я был ее любимым учеником — доносить на меня она не хотела. В классе она была одним из любимых преподавателей. Но мог же среди 26 учеников найтись Павлик Морозов! Поскольку я сейчас пишу эти строки, нетрудно заключить — подонка не нашлось...

Как видите, я очень любил историю. Я видел в ней правду жизни, преломленную в исторических событиях. И — наивный молодой человек! — я направился после окончания школы на исторический факультет Ленинградского университета имени Жданова. Довольно быстро я уяснил себе, что с правдой жизни обучение истории в университете имеет мало общего. Требовалось изучать, а лучше зубрить, написанное Лениным и Сталиным. Несмотря на то, что у меня была хорошая память, изучение «классиков» всегда давалось мне с трудом. Я ощущал в себе какой-то внутренний протест. Нет, что вы, я не был диссидентом, я был шахматистом! И потому искал если не правду жизни, то хотя бы логику в том, что изучал. А ее-то как раз и не было.

Все же и я иногда использовал специфику требуемых знании. Хорошо помню: на втором курсе я отправился сдавать экзамен по истории средних веков. Твердых знаний предмета у меня не было, зато по дороге, в трамвае, я прочитал только что опубликованную статью вождя «Марксизм и вопросы языкознания». Вождь громил лженаучную теорию Марра, а заодно высказал вкратце свои соображения о каком-то событии, происшедшем в средние века.

Я очень ловко ввернул замечания Сталина; профессор была в восторге и поставила мне высший балл. А я, вроде бы достигнув своей цели, чувствовал себя странно: как будто сам себя оплевал...

Большей частью я все-таки был верен себе и за показухой не гонялся. Пришло время государственного экзамена по марксизму — предмет особенно трудный для меня ввиду отсутствия логики в доводах. Было несколько экзаменаторов, студент мог выбрать одного из них. Я приметил, что в числе экзаменаторов была одна моя родственница. Но не пошел к ней. «Хочу жить по совести!» — первым написал Владимир Войнович. А подумали многие, и я в том числе,— и получил тройку.

Память снова и снова возвращает меня к университетским годам. Кроме извращенных норм обучения, давила общая обстановка на факультете. Товарищеские отношения, симпатии юношей и девушек друг к другу — все находилось под контролем, было извращено в духе партийной идеологии. Пьянки в факультетских группах по праздникам — 7 ноября, 1 мая, 9 мая, 31 декабря. Звериное похмелье людей, желающих хоть на мгновение забыть, что с ними в жизни происходит. Участие в пьянке вроде бы добровольное, а фактически обязательное. Иначе скажут: «Брезгует коллективом», а оттуда уже и до «персонального дела» недалеко, а персональное дело может обернуться серьезными последствиями...

Студенческая бедность вошла в поговорку. Вспоминаю себя: в кармане деньги на трамвай, иногда еще на пачку самых дешевых папирос. Совсем редко — на студенческий нищенский обед. Если получаешь стипендию — немалое подспорье. Но это мне не всегда удается. Получишь тройку на экзамене, не сдашь зачет — плакала стипендия на полгода. Тройку можно пересдать, если разрешит комсомольское бюро курса. Видите, коммуна! Все решают сами студенты! Даром что деканат поставляет им нормы — сколько людей нужно лишить стипендии... Помню заседание бюро на первом курсе. «А тебе зачем пересдавать? — сказали мне мои якобы товарищи по курсу.— Ты же шахматист, а не историк!»

Вспоминаю общее комсомольское собрание на втором курсе. Обсуждается персональное дело Клары Ж. Ей инкриминируется «моральное разложение». За ходом обсуждения внимательно следит парторг курса Лев Ф. Опекает, значит, молодежь. Всем присутствующим известно, что Клара любовница Льва, на никому не придет в голову сказать против него слово. Все ясно и без этого заседания: Клара получит «выговор с занесением в личное дело», и на этом основании деканат исключат ее из университета, а Лев благополучно закончит университет и отправится в одну из областей России на важный партийный пост — поднимать экономику и поучать нравственности местных жителей.

Как видим, студенческая общественность зорко следит — кто с кем, что и как. Обстановка вынуждает — студенческие пары, как

положено, женятся. Браки часто бывают неудачными. Оказывается, недостаточно строить семейное счастье на базе совместной зубрежки работ «Марксизм и национальный вопрос» и «Головокружение от успехов».

В памяти всплывает еще одна картина: утро после закончившейся пьянки. Все спят в неудобных позах. Не спят двое — я и девушка, которая влюблена в меня. Она сидит возле меня, и я глажу ее колени. Она влюблена в меня давно, но я никогда не позволял себе — и не позволю! — поцеловать ее. Поцеловал — все пропало: женись или уходи из университета! А она мне хоть и симпатична, но жениться я вообще не спешу. А вот про колени в неписаном партийно-комсомольском катехизисе ничего не сказано...

Бок о бок со мной учились талантливые люди, прирожденные служители науки. Некоторые, не выдержав мрачной атмосферы, ушли в другие учебные заведения. Те же, кто ухитрялся искать и находить крупицы правды даже в том, что преподавалось, остались. В печати мне попалось имя Виктора Шейниса, который стал теперь политическим деятелем (народным депутатом России). Достойный человек!

Вот и я отсидел там пять лет, и даже больше. Эти годы пригодилась мне для самостоятельного общественно-политического развития...

ПЕРВЫЕ УРОКИ

Мой первый крупный шахматный успех был в 1952 году. XX чемпионат СССР проходил на сцене московского Дома культуры железнодорожников, под громадным, все подминающим

под себя портретом Сталина. Я занял шестое место. Спустя несколько месяцев Сталин умер. В то утро мне нужно было идти на перевязку в поликлинику. В процедурной надрывался репродуктор, без устали повторяя весть о смерти великого человека. Медсестра, немолодая эстонка, была в состоянии, близком к истерике. Прошло немало лет, прежде чем я понял:

она прыгала от радости...

С начала 1954 года я начал регулярно получать деньги как шахматист. Так называемая стипендия, или спецзарплата, выплачивалась спортсмену его спортивным обществом или Спорткомитетом СССР с единственным условием: чтобы он нигде больше не работал, а только добивался успехов в своем виде спорта. Кончатся успехи — стипендию снимут, за давностью лет пропадает у бывшего спортсмена и имевшаяся в прошлом специальность. Но Спорткомитет никаких финансовых гарантий не дает, компенсаций не выплачивает. Обо всем этом в советской прессе с наступлением гласности уже писали. Меня же всегда возмущало: с каким лицемерием, прикрываясь словом «стипендия», советские спортивные руководители уверяли весь мир, что у них профессионалов нет, а все — любители. Так и ходило по миру, так и ходит: «журналист Таль», «инженер Полугаевский», «психолог Крогиус», «философ Петросян», «экономист Карпов»... Последний действительно «глубокий эконом», как выразился бы Пушкин. Впрочем, не стоит отбивать хлеб у штатных биографов. Пусть они живописуют черты характера руководителя двух крупных финансовых организаций — Советского фонда мира и международного фонда «Чернобыль — помощь».

Мой первый международный турнир — в Бухаресте, в марте 1954 года. Выяснилась интересная деталь. Каждому выезжающему за границу давали специальное пособие — «экипировочные». Самим фактом установления пособия советское руководство признавало, что уровень жизни в СССР намного ниже западного. Признавало оно косвенно и тот факт, что кроме дипломатов и шпионов за рубеж выезжают единицы. Выяснилось, впрочем, что участникам международных соревнований, проводимых в СССР, тоже дают экипировочные. Сумма пособия была 1200 старых рублей, то есть 120 рублей по-новому. Вполне приличные по тем

временам деньги — цена самого хорошего мужского костюма в ГУМе, где я незамедлительно и отоварился...

В апреле 1954 года— второй выезд, в Норвегию. Тут выяснилось, что экипировочные дают не чаще, чем раз в год. Я узнал также, что делегацию в капиталистическую страну формируют с особой тщательностью: назначается руководитель группы, как правило шахматист, есть и помощник (заместитель) руководителя, к спорту не имеющий отношения. Профессиональный разведчик, он имеет две функции — следить за поведением членов группы и вести шпионскую деятельность в чужой стране. Позднее я узнал, что чем представительнее группа, тем мощнее и приданный ей разведывательный заслон: с мастерами выезжали мастера, а с гроссмейстерами — подлинные виртуозы своего грязного ремесла.

Как только мы, советские студенты, приехали в Осло, нас пригласили в советское посольство. На этот прием я надел свою лучшую рубашку, которой гордился и в которой щеголял в Румынии. Советник посольства оглядел нас с плохо скрываемым презрением и процедил: «Потрудитесь купить в магазине одноцветные рубашки. Здесь такие не носят». Спасибо господину советнику! Его устами двухэтажная Норвегия преподала мне первый (на Западе) политический урок: гигант, победитель во второй мировой войне, безнадежно отстал в своем экономическом развитии...

Да, за границей было чему поучиться. Но судьба не баловала меня частыми выездами. И то правда — я не был вундеркиндом, двигался в шахматах медленно. Хотя в 1956 году я и получил билет гроссмейстера СССР под номером 17, но был еще далеко от верхушки сильнейших советских гроссмейстеров. Зато, выезжая за рубеж, я смотрел на мир во все глаза: интересовался жизнью людей, читал газеты на разных языках.

И все-таки развитие моего политического сознания шло крайне медленно, уступая по темпам даже шахматному росту. Вспоминаю поездку в Аргентину летом 1960 года. В городе Кордобе организаторы устроили банкет по случаю окончания турнира, в котором участвовали мы с Таймановым. Меня посадили рядом с симпатичным на вид молодым человеком, который в приятельской манере стал задавать мне вопросы.

Скажите, почему советские понастроили военных баз по всему миру?

А почему американцы имеют базы во всем мире? — отпарировал я.

А зачем советские покорили народы Восточной Европы, сделали из них сателлитов?

Этого я не выдержал. И, как говорят японцы, потерял лицо. Я кричал, не помню что, как в истерике. Сбежались организаторы, извинились за оплошность, рассадили нас...

И еще один случай. В городе Санта-Фе меня посетил один украинец. Лет тридцать назад он уехал из Советского Союза. У него на Украине остался брат. Он дал мне его адрес и долото, чтобы я переслал его брату. Мне трудно объяснить самому себе, а тем более читателям, пребывающим в эпохе перестройки, что со мной стряслось, но я так никогда и не послал долото по указанному адресу. Страх, необъяснимый страх перед Западом, страх оказаться соучастником какого-то заговора против СССР и прочую чушь в голове — это мне еще предстояло преодолеть.

ЗАПРЕЩЕНО!

Чем выше я поднимался по лестнице шахматных рангов, тем больше ощущал противодействие моим попыткам играть в международных соревнованиях. Особенно трудно стало, когда я уже был дважды, даже трижды чемпионом Советского Союза — в 1963—1965 годах.

Вот одна, сравнительно примитивная, история. В 1963 году в Калифорнии организовали международный турнир, так называемый Кубок Пятигорского, и пригласили Кереса и меня. На заседании Шахматной федерации СССР новоиспеченный чемпион мира Петросян заявил, что хочет ехать он. Был послан соответствующий запрос организаторам, которые в ответ прислали три билета — на нас с Кересом и на Петросяна. И все-таки меня не послали. По моему билету в США отправилась жена Петросяна. Эти подробности мне довелось узнать лишь через 14 лет из беседы с вдовой господина Пятигорского...

Бывали случаи много запутаннее: когда федерация направляла на соревнование, но не было решения-разрешения партийных органов на выезд.

Система выглядела так. Сперва Шахматная федерация СССР или ее ответственный работник (то есть сотрудник Спорткомитета: некогда Л. Абрамов, М. Бейлин, в 70-е годы В. Батуринский, в 80-е Н. Крогиус) рекомендовали имярек для участия в некоем соревновании. Затем в спортивном обществе шахматиста партячейка, просмотрев анкету рекомендованного, приглашала его, независимо от того, партийный он или нет, на беседу, давала, как правило, «добро», и документы направлялись в райком партии, где их обсуждала выездная комиссия, иногда с приглашением испытуемого. Потом документы вместе с решением комиссии шли в Москву, в первый (секретный) отдел Спорткомитета СССР и в выездную комиссию ЦК КПСС.

На всей линии обеспечивалась полная секретность. Никакими силами нельзя было узнать, где заминка. А между тем стоило какой-нибудь Марье Ивановне или Роне Яковлевне набрать номер члена комиссии ЦК, какого-нибудь Петра Ивановича, с которым она полгода назад выпивала в компании на День пожарника, и сказать: «Заходи к нам, Петя. Мой муженек тебе гостинцы привез из Америки. Кстати, там один еврейчик, Корчной такой, хочет за границу. Он, знаешь, на Кюрасао в казино играл. И вообще, нам его рожа не нравится. Дай ему отвод, пожалуйста...» — и ничто уже тебе не поможет. И будешь ты обивать пороги начальства, а оно, только что прочитав копию твоего личного дела, будет с

умным видом говорит:

- вот вы в 1961 году в ФРГ женщину в кино приглашали а вот на следующий год в казино играли. А в 1963 году вы, говорят, много выпили в Югославии. Как же мы вас можем зарубеж посылать?!» И будешь ты объяснять, что поход в кино не состоялся, что в казино пошел — потому что партию проиграл, что в Югославии не напивался, а только слухи. Но разговор этот не играет никакой роли, потому что решение уже принято в другом месте — выше (или ниже) и, как говорят в судебных документах, обжалованию не подлежит.

Помню, как с целью узнать — кто и почему не выпускает меня, я выслеживал секретаря Октябрьского райкома партии Ленинграда. Как скрывалась она через черный ход, как бежала от меня! Миловидная женщина, товарищ Мирошникова, и бегает неплохо. Наверное, в связи с перестройкой на повышение пошла...

Наконец в 1965 году я дошел до ручки. Решил вступить в партию — как последний шанс облегчить свою участь. Действительно, поначалу помогло.

Мое политическое самообразование развивалось между тем и по другим каналам. Немалую роль в его ускорении сыграла поездка на Кубу в 1963 году.

Как-то глубокой ночью нам с Талем, с которым мы приятельствовали на протяжении многих лет, захотелось чего-нибудь съесть и выпить. В сопровождении советника посольства Симонова мы разыскали расположенный прямо на улице бар. Хозяин, обслуживая нас, спросил, кто мы такие. «Носот-рос сомос еспециалистос чехословакос»,— ответил за всех Симонов. Мы спросили его — почему? Он, посмотрев многозначительно на часы, ответил: «Сейчас три часа ночи. Не забывайте — советские ответственны за все!»

Эта тирада произвела на меня огромное впечатление. Об уроке, полученном от Симонова, нам довелось вскоре вспомнить. Но пока — о другом.

Будучи второй раз в испаноговорящей стране, я делал успехи в испанском. Мне случалось быть переводчиком у своих товарищей по турниру — Геллера и Таля. Однажды в вестибюле отеля меня встретила молодая интересная женщина. Я узнал ее — она бывала на турнире.

- Я хотела бы сегодня вечером увидеться с Талем,— сказала она.

- Это невозможно, у него вскоре встреча с Симоновым. — О, я знаю Симонова, скажите ему, что вечером мне нужно видеть Таля, и проблема решена!

- Нет, если уж Таль встретится с вами, то в посольстве об

этом знать не должны.

- Но почему?! Ведь мы, я и моя подруга,— коммунистки, мы поддерживаем вас!

На этот вопрос я замялся с ответом. Действительно, почему?

- Ну, у советских особые правила поведения, им нельзя за границей...

- Но ведь Спасский, который был здесь в прошлом году, встречался с девушками!

— Вот поэтому его и нет здесь сейчас, в этом году.

— Что ж это такое?! — возмущенно воскликнула она.— Запрещено любить?!

Это «prohibido amar!» до сих пор звучит у меня в ушах...

1965 год. Я в третий раз стал чемпионом СССР. Меня пригласили на крупный турнир в Югославию. Но для нашей федерации такой факт, как персональное приглашение, не играл роли. Они решили послать меня на маленький турнир в Венгрию. Я упирался. Меня вызвали в Комитет, пред светлые очи тов. Казанского, который тогда курировал шахматы.

«Вы понимаете,— говорил он,— в Будапеште прошли советские танки (в 56-м году.— Ред.). Вам, чемпиону страны, поручено, образно говоря, прикрыть своим телом дыры в домах, проделанные ими». Действительно образно. Но я отказался наотрез. В Венгрию я не поехал. В Загреб не послали тоже.

В том же 1965 году мне в первый (и в последний) раз предложили остаться на Западе. После командного первенства Европы в Гамбурге ряд шахматистов пригласили дать сеансы. Мы с Геллером отправились в маленький курортный городок на севере Германии. Нас встретил организатор, пожилой человек, и отвез к себе домой отдохнуть с дороги. Этот человек выучил русской язык, слушая радио. Мы разговаривали втроем по-русски. Но, уяснив, что экономист с Дерибасовской не силен в языках, хозяин перешел на английский и прямо в присутствии Геллера предложил мне остаться в Германии, пообещав оказать помощь в моих первых шагах в новую жизнь. Я ответил ему, что шахматисты в СССР — очень привилегированные люди, и в мягкой форме отклонил предложение.

Сейчас я сожалею. Потеряно 11 лет нормальной жизни. Но всему своей черед. Нужно созреть!..

1966 год. Олимпиада в Гаване. Мы — гости правительства Республики Куба. Как ласкает слух диктаторов слово «республика»! Сталин, Пиночет, Кастро, Саддам Хусейн — не правда

ли, милый букетик республиканцев?!

Мыс Талем — в одной комнате. Ближе к ночи нам захотелось

пойти повеселиться. Оставив у порога вторую пару обуви (нет, не для чистильщиков, а для надсмотрщиков: пусть они будут спокойны), мы покидаем отель. В сопровождении кубинца, нашего шапочного знакомого, и его знакомой девушки мы около двух часов ночи оказываемся в ночном баре. Темно, звучит музыка, пара официантов бродит с фонариками. Мы заказываем и не спеша пьем баккарди. Помнится, мы с Талем вышли в туалет — разговаривали только по-английски. Потом я пригласил на танец сидящую в нашей компании девушку; после меня пошел танцевать с нею Таль.

Внезапно послышался глухой удар и истерический женский крик. Меня как током пронзило: что-то случилось с Талем. Первая мысль: «Ему попало, теперь моя очередь». Зажигается свет, на полу валяется окровавленный Таль. В середину, меж столов, входит человек с красной повязкой. Он отрывисто приказывает: «Всем оставаться на местах, а эти двое (я и Таль) поедут со мной». Именем революции он останавливает на улице первую попавшуюся машину, и мы мчимся в больницу.

Да, Таля ударили в лоб бутылкой. Удар был страшной силы — толстенная бутылка из-под кока-колы разбилась вдребезги. Удар, по счастью, пришелся над бровью — ни глаз, ни висок не пострадали.

В больнице, пока Талю обрабатывают рану и накладывают швы, меня охраняет «человек с ружьем» — чтобы на меня не напали и чтобы я не убежал. В 6 часов утра приезжает переводчик команды, кстати — личный переводчик Кастро с русского языка, и мы направляемся в отель. Через пару часов — экстренное заседание нашей команды. Таль свое получил, зато ругают вовсю меня — за то, что ослабил команду перед решающими встречами (вечером играть с командой Монако).

В конце дня к нам в комнату пришел министр спорта Кубы с извинениями. Он рассказал, что из бара забрали шесть человек, и один из них сознался, что ударил Таля из ревности. Как бы не так! Позднее мы узнали, что забрали всех — 43 человека! А сказал бы тот, который признался, что ударил из политических соображений,— не нашли бы наутро косточек ни его, ни его семьи...

Через три дня Таль поправился настолько, что мог играть. Вынужденный ходить в темных очках, все еще слабый, он тем не менее играл блестяще — добился абсолютно лучшего результата на Олимпиаде.

Но этой ночи нам так никогда и не простили — ни мне, ни Талю. Вскоре он стал хронически невыездным. Особенно с начала 70-х годов, когда подпал еще под одну секретную инструкцию:

женатым в третий раз — самая строгая проверка. И стало ему совсем плохо. И чтобы спасти свою активную шахматную жизнь, продал он свою душу — пошел в услужение к Карпову. И кончилась наша дружба... *«А был ли мальчик?»*

ГЛАВНЫЙ ПОРОК

Запомнилась мне та Олимпиада и еще одним, куда боле важным, событием.

На протяжении многих лет американский госдепартамент осуществлял блокаду Кубы — политическую, экономическую культурную. Не без оснований — как подсказывал мне личный опыт, как свидетельствуют и факты международной жизни последних лет. В 1965 году в турнире памяти Капабланки в Гаване принимал участие Роберт Фишер. Госдепартамент не разрешил ему приехать на Кубу. Весь турнир он провел. по телефону из Манхэттенского шахматного клуба в Нью Йорке. Наконец в 1966 году блокада была прорвана: шахматисты США во главе с Фишером приехали в Гавану для участия в Олимпиаде. В те годы Фишер не играл по пятницах и субботам, и организаторы Олимпиады — высокие правительственные чиновники обещали ему, что его требование в отношении переноса важных партий на другое время будут удовлетворены.

Приближался решающий поединок Олимпиады: СССР — США. Выпало играть в субботу. Американцы просили отложить начало партии Фишера на несколько часов, чтобы он мог принять участие в матче. Команда наша опять собралась на экстренное заседание. Руководителем команды был Алексей Капитонович Серов, работник аппарата ЦК КПСС, человек с крепким, прямо-таки борцовским рукопожатием и, поскольку он выехал в первый раз, со слабым представлением о шахматных делах. Помощником и главным советником Серова был тренер команды гроссмейстер Бондаревский. (Другой тренер команды, Болеславский, был не в счет — он молчал всегда, всю жизнь.) Человек резкого характера, но неглупый. Бондаревский, однако, усвоил хорошо известный принцип молотово-вышинской школы в переговорах с иностранцами: «Поскольку мы, то есть Советский Союз, сильнее всех на свете, мы не принимаем никаких условий — мы навязываем их!» Мне уже приходилось бывать под его началом в делегациях, приходилось оспаривать его тупоголовый подход к делу и даже выигрывать в споре. Я утверждал: «Раз мы наголову превосходим всех в шахматах, то без всякого ущерба для себя можем и должны принимать компромиссные предложения иностранцев».

Итак, на заседании главным выступающим был Бондаревский. Ему возражал я — развивал свой принцип, говорил о политической важности этого матча для кубинцев. Остальные молчали. Цвет и гордость советского народа — Петросян,

Спасский, Таль, Штейн, Полугаевский сидели рядышком, опустив глаза. Они не имели, да и не хотели иметь свое мнение по этому вопросу. Это их не касалось! Бондаревского поддерживал Серов, а меня — никто, и «сталинцы» без труда победили.

В назначенное время советская команда пришла на игру, а американцы в полном составе не явились. Газеты протрубили о «блестящей» победе советской команды со счетом 4:0. Но дело этим не кончилось, конечно. Подумайте: что было кубинцам важнее — провести Олимпиаду или установить нормальные взаимоотношения с Соединенными Штатами Америки?! Вопрос о срыве матча обсуждался правительством Кубы. Соответствующие разъяснения были посланы в Москву. Приказ Спорткомитета — матч должен быть сыгран! — охладил пыл бесноватого тренера советской команды. В специально отведенный день (все остальные команды были свободны) встреча состоялась. Советские выиграли — 2,5:1,5.

И еще одно заседание вспоминается мне. 1968 год. Советская команда отправляется на Олимпиаду в Лугано (Швейцария). Поджимает время. Петросян, Спасский, Геллер, Полугаевский, Таль и я с чемоданчиками являемся в Спорткомитет на прощальное, как принято, «давай-давай!». Со Скатертного, 4 — прямо в аэропорт. Ведет напутственную беседу уже знакомый читателю краснобай, зампред Комитета Казанский. Обычная баланда: высоко держать честь советского спорта, не поддаваться на провокации. Международная обстановка (как всегда!) непростая. На Западе неправильно оценили ввод советских танков в Чехословакию... Наконец — пожелания счастливой дороги и успеха. И вдруг — в мирном, дружелюбном тоне: «А вы, Михаил Нехемьевич, можете возвращаться в Ригу. В Лугано ведь уже находится Смыслов, он вас заменит».

За три месяца перед этим в интервью еженедельнику «64» я назвал Таля «игроком большого шаблона». В его защиту выступил сам редактор «64» Петросян. Гневной статьей обрушился он на меня, спасая Таля от моих нападок. «Вот,— подумал я,— сейчас он Казанскому покажет!» Какое там! Ни Петросян, ни остальные не проронили ни слова. Они старательно разглядывали стены кабинета Казанского. Их лично это не касалось!

Действительно, за неделю до этого заседания Керес и Смыслов отправились в Лугано на конгресс ФИДЕ, Может быть, Тогда-то и пришла в голову идея не посылать еще одного гроссмейстера, сэкономить народные деньги? Полноте! Все было продумано заранее. невыездному Талю была и на этот раз закрыта дорога за рубеж. Но сделано это было в оскорбительной, унизительной форме. Что, конечно же, понял каждый из

присутствовавших гроссмейстеров. Но говорил только я.

Все остальные не поддержали меня ни словом, ни жестом, ни взглядом...

В 1978 году в порядке подготовки к матчу с Карповым я стал читать книгу шахматного журналиста А. Рошаля «Девятая вертикаль» на английском языке. Переводной текст обычно легче для чтения, но я обнаружил несколько заковыристых слов, которые часто повторялись. Автор описывал членов штаба Карпова. И Зайцев, и Геллер, и Фурман — каждый из них был «taciturn» и «circumspekt». Ах да, конечно, каждый из них был «молчалив» и «осмотрителен»! Эти качества рассматривались автором как достоинства, даже добродетель. А я вспомнил заседания гроссмейстеров в 1966 и 1968 годах.

Этот циничный принцип — «это не касается меня, пока и поскольку не касается меня лично» — фактически полная потеря чувства гражданственности, суть которого я выскажу так: «Все, что касается моих сограждан, и в особенности моих товарищей по профессии, касается и меня». Я бы добавил еще: «Коль скоро эти проблемы меня волнуют, поскольку я с уважением отношусь к собственной персоне, я обязан иметь свое мнение и обязан высказывать его».

Отсутствие гражданственности — по-моему, самый серьезный порок советских людей середины и второй половины XX века. Это и есть то, что мешает настоящим переменам в стране. А с гражданственности нетрудно перекинуть мостик и к другим понятиям, таким, как «патриотизм» и «любовь к родине». Советское руководство от лица многомиллионного народа похвалялось его патриотизмом. Если не квасной, если не по приказу, не из-под палки — где он, патриотизм? Понятия «моя хата с краю» и «любовь к родине» — несовместимы!

«КАК ЗА-ГОНЯТЬ СКОТ...»

Август 1968 года. Советские танки вошли в Прагу. Законное правительство чрезвычайно унизительным, гадким образом было смещено Москвой — об этом, я надеюсь, советские историки еще расскажут своему народу. Многое уже известно из последних публикаций прессы. Сказать вам, что я был подавлен случившимся? Сейчас так сказать может каждый. Не пошел же я на Красную площадь, где горстка беспримерно смелых и честных людей спасала честь и совесть всего советского народа! Но начиная с конца 1968 года я стал регулярно покупать, читать и привозить домой запрещенную литературу-В основном на русском, но были и на английском — Оруэлл,

Троцкий. А еще я с упоением собирал и цитировал так называемый антисоветский юмор, особенно если он был связан с Чехословакией.

Пусть простят меня герои покорения Праги, но мне особенно нравилась такая история: советский журналист Непомнящий решил заснять с вертолета торжественный момент занятия Вацлавской площади, а чешские патриоты сбили поднявшийся над площадью советский летательный аппарат. И, как вы понимаете, «протянул Непомнящий ноги братской помощи». А год спустя в Праге мне рассказали такой анекдот: «В Праге открыли академию скотоводческих наук. Там всего три предмета — как загонять скот, как выгонять скот и... русский язык». И рабы могут шутить над господами — пусть с безысходной тоской, но остро!

Раз уж зашла речь о Чехословакии и подцензурном юморе, расскажу еще одну историю, тем более что она оказалась пророческой. Услышал я ее в 1979 году.

В банк в Праге заходит молодой рабочий,

- Что вам угодно? — спрашивает клерк.

- Да вот, заработал на сверхурочных 1000 крон...

- Прекрасно. Кладите их в наш банк — будете получать пять процентов годовых.

- Но это мои первые свободные деньги... А вдруг ваш банк обанкротится?

- Не волнуйтесь, банк государственный! Целостность вкладов обеспечивается правительством Чехословацкой Социалистической Республики!

Рабочий почесал в затылке.

- А вдруг что-нибудь случится с Чехословацкой Социалистической Республикой?

- Ну что вы! Существование нашей республики гарантируется ее великим соседом и братом — Советским Союзом!

- Гм, а вдруг что-то стрясется с великим соседом и братом?

- Ну хорошо, давайте тогда говорить по-другому,— сказал банковский клерк.— Неужели вам жалко свои несчастные 1000 крон, чтобы увидеть Советский Союз настолько обанкротившимся, что он не сможет вернуть эти деньги?!

Вернемся, однако, от юмора к жизни. Летом 1969 года — поездка в Чехословакию, на турнир в Лухачевице. Едут двое — эстонский гроссмейстер Пауль Керес и я. Надо отдать должное первому отделу Спорткомитета — людей они подобрали либеральных, чтобы не дразнить чехов рожами квасных патриотов-гроссмейстеров. Играли мы в провинции, а после турнира на пару дней приехали в Прагу.

Город выглядел угрюмым, озабоченным, настороженным, на стенах домов никаких надписей — ни скабрезных, ни политических. Только там и сям нацарапано мелом: «2:0» и «4:3». Красноречиво — с таким счетом чехословацкая команда победила в Стокгольме на первенстве мира 1969 года прославленных наших хоккеистов.

Случилось так: я пошел по магазинам, а когда вернулся — Кереса в номере не было. Записка, оставленная им, сообщала, что приехал Пахман и забрал его на встречу с интересными людьми. Я пожалел, что меня не было в гостинице (Людек Пахман — чехословацкий гроссмейстер и правозащитник, подвергавшийся преследованиям со стороны властей; впоследствии находился в заключении, затем эмигрировал на Запад).

А наутро в аэропорту нас уже провожала целая группа советников посольства в штатском. В Москве Кереса тоже окружили особым вниманием и прямо из Шереметьева повезли на беседу. Вызывали на специальный разговор в Спорткомитет и меня. Я им ничего интересного рассказать не мог, но заметил, что если бы я был в тот момент в отеле, то с удовольствием поехал бы вместе с Кересом.

Между тем Керес, как я понял по его поведению, подозревал меня в том, что я навел на его след полицейских ищеек. Подозревал около двух лет, а потом передумал. Как рассказал мне много лет спустя Пахман, участников встречи выдал присутствовавший там Эмиль Затопек (знаменитый стайер, олимпийский чемпион, много лет находившийся в опале).

В 1970 году в Ленинграде произошло событие, которое не было по достоинству оценено современниками, живущими в СССР: группа лиц еврейской национальности пыталась захватить самолет, чтобы эмигрировать из Советского Союза. (Несколько

человек, многие связанные родственными узами, в том числе женщины и дети, закупили все билеты на маленький самолет местной авиалинии. Они надеялись на нем перелететь границу, но в аэропорту были арестованы еще до посадки благодаря «блестящей операции» компетентных органов, заранее все знавших. Осуждены на различные сроки. Главный организатор, бывший летчик, вначале был приговорен к смертной казни.— Ред.)

Некоторые утверждают, что это была провокация, инспирированная КГБ, чтобы подавить движение за выезд из СССР. Какая разница: если провокация — тем хуже для КГБ. Суровые приговоры членам группы, пытавшейся захватить самолет, вызвали протесты во всем мире. Проблема эмиграции из СССР вдруг оказалась в заголовках крупнейших газет.

Я как раз играл тогда на турнире в Голландии. Журналист Юл Веллинг захотел взять у меня интервью на эту тему. Не помню, что я говорил, но Юл впоследствии сказал мне, что он не ожидал такой откровенности от советского шахматиста. А позже, в 1980 году, он перевел рукопись моей книги «Антишахматы» на голландский язык. В отместку советское посольство отказало ему в визе, когда он спустя шесть лет хотел посетить матч-реванш Каспаров — Карпов в Ленинграде. КГБ, знаете ли, и за границей имеет списки неблагонадежных...

В конце концов советское правительство было вынуждено уступить давлению изнутри и извне. Ленинградские герои проложили путь сотням тысяч людей в эмиграцию. Но главное — это был первый прорыв в бесчеловечной теории и практике советского государства, первый намек на то, что и у советского человека могут быть права.

ЧП В КОМИТЕТЕ

1973 год. Советская команда отправляется на первенство Европы в Англию.

В ночь перед вылетом внезапно скончался гроссмейстер Леонид Штейн. На 38-м году жизни он умер от инфаркта в гостинице «Россия». Необычайно яркий шахматист, сложная личность, Штейн, в отличие от многих его окружавших людей, имел жизненные принципы, хотя и не любил их афишировать. В 1967 году он добился одного из крупнейших успехов в своей жизни — выиграл международный супертурнир в Москве, посвященный 50-летию Октябрьской революции. Хорошо известно (если, конечно, уже не позабыто), как советские власти формировали общественное мнение по важным внутренним и внешним вопросам. К еврею Штейну явились сотрудники КГБ с просьбой-требованием подписать коллективное письмо представителей еврейской интеллигенции, гневно осуждающее «агрессию Израиля на Ближнем Востоке». Штейн наотрез отказался... Книга о Леониде Штейне, своего рода надгробный памятник ему, была написана мастером Лазаревым и гроссмейстером Гуфельдом, с которым у Штейна были, мягко говоря, напряженные отношения. Я расценил этот факт как святотатство, как оскорбление памяти этого замечательного человека...

С командой шахматистов в Англию поехали против обыкновения не тренеры, а аж четыре соглядатая! Одним был гроссмейстер Антошин. Он демонстративно уклонялся от аналитической работы, всем своим видом показывая, что он здесь не для исполнения столь, низменных функций. Была переводчица. (Восемь лет спустя она попросила политического убежища в Швейцарии. Длительная служебная командировка, понял я: КГБ расставлял долговременную шпионскую сеть в Европе используя для этой цели все пути — легальные и нелегальные. Были еще два «виртуоза». Они вели себя особенно вызывающе: внимательно следили за нашим времяпрепровождением вмешивались в наш режим, попутно заговаривали с нами стараясь собрать побольше материала о наших взаимоотношениях между собой. Мне это не нравилось. Я искал случая расплатиться с этими ребятами за их докучливую опеку.

По возвращении в Москву команду всегда собирали в Спорткомитете у начальства. Выступал руководитель с оценкой результатов и поведения участников. Говорило начальство. После

чего предлагали высказаться участникам, и, поскольку говорунов среди гроссмейстеров не было, процедура на этом обычно заканчивалась. На сей раз на вопрос «кто хочет что-нибудь добавить?» откликнулся я и произнес тщательно подготовленную речь. Я сказал, что гроссмейстерам, которые изъездили весь мир, нужно доверять или не посылать их вообще никуда. А четыре человека, при их скудном опыте, только мешали команде играть и работать. Зато, когда они были нужны, их не оказывалось на месте.

«Представьте себе: позавчера я давал сеанс в лондонском Сити. В разгар сеанса в круг вошел человек и сказал по-английски: «Я не хочу мешать вам, но я прошу вас передать эту бумагу советскому послу в Лондоне. Свободу советским евреям-заключенным!» — крикнул он напоследок. Где были эти четверо, кто должен был защитить меня и дать достойную отповедь этому человеку?!»

Где-где, что за вопрос — по магазинам побежали в последний день! Говорил я все очень серьезно, а по сути глумился над агентами и над начальством. И не нужны мне были эти агенты в лондонском Сити — еще скандал бы устроили! Но факт был налицо — агенты сплоховали. У меня сразу же отобрали бумагу как вещественное доказательство случившегося.

Мое выступление было по тем временам чрезвычайным происшествием. Я подверг критике комитетское начальство, более того — осудил формы и методы работы органов КГБ. Такое мне не могли простить! Но в тот момент я был на вершине: с блеском выиграл межзональный турнир, был сильнейшим шахматистом СССР (уже четырехкратным чемпионом страны) — с такими не расправляются. Мне припомнят это вскоре, когда представится реальная возможность.

Я написал — «по тем временам». А что, интересно, изменилось сегодня? Гроссмейстеры, правда, все чаще выступают в прессе с критикой руководителей советского спорта. Создан Союз шахматистов СССР (ныне Международный шахматный союз. — Ред.). Между тем гроссмейстер Свешников, например, в одиночку сражался с Комитетом по спорту, не находя поддержки ни со стороны широкой прессы, ни от товарищей по профессии. Или шахматы и впрямь уж такая индивидуально-капиталистическая игра, где, пользуясь советской фразеологией, человек человеку волк?!

Роковой год

Г. Каспаров: «В 1972 году в Рейкьявике Борис Спасский потерпел поражение от Роберта Фишера, первого западного шахматиста, которому удалось завоевать титул чемпиона мира в послевоенное время. Вспомните: Ботвинник, Смыслов, Таль, Петросян, Спасский. Мы полностью доминировали в мировых шахматах, пока Фишер не прервал это триумфальное шествие. Поражение Спасского явилось весьма ощутимым для нас ударом, тем более, что оно было нанесено американцем и вызвало огромный резонанс во всем мире.

После Рейкьявика шахматных руководителей обвинили в попустительстве, а ведущих гроссмейстеров — в самоуспокоенности... Сформировалось мнение, что наши именитые шахматисты утратили свою былую боевитость, ведя лишь междоусобную борьбу, и что им необходим суровый опыт зарубежных турниров. Главную ставку сделали на быстро прогрессирующего Карпова... И молодой фаворит вдруг обнаружил, что перед ним легко открываются все двери и ему с готовностью выдаются разрешения на участие в престижных зарубежных турнирах. Новой надежде советских шахмат не было отказа ни в чем!»

{из книги «Безлимитный поединок», Москва, 1989).

Наступил незабываемый 1974-й. В самом его начале я играл в США нервный, изнурительный матч претендентов с Мекингом. После матча у меня было несколько выступлений — лекций и сеансов одновременной игры. В Джорджтаунском университете, в Вашингтоне, активисты борьбы за гражданские права использовали мой сеанс для демонстрации. На стенах были развешаны плакаты. Оторвавшись в какой-то момент от доски, я уперся взглядом в следующий текст: «Только послушные советские шахматисты разъезжают по миру, а Солженицын в такие игры не играет!» Что правда — то правда...

Выиграв у Мекинга, я вышел на Петросяна. Боролся он за Шахматный трон с Ботвинником, Спасским, а против меня, будучи частенько не в силах справиться за доской, плел козни - начиная еще с 1960 года. Продукт эпохи, порождение советской системы, Петросян, используя свое высокое шахматное положение и опираясь на поддержку сильного армянского лобби в правящих кругах, способен был творить чудеса, подавляя своих врагов (кое о чем я уже рассказал; забегая вперед, нельзя не вспомнить, что он был инициатором печально известного «письма» советских гроссмейстеров, опубликованного в сентябре 1976 года— вскоре

после моего бегства; см. стр. 56).

Наш претендентский матч состоялся в апреле в Одессе. Естественно, он проходил в обстановке большого нервного напряжения. Спешно установленный к началу матча помост, на котором мы играли, не был шедевром строительного искусства — он сотрясался от каждого движения. А у Петросяна была привычка в моменты волнения трясти ногами под столом... Кульминацией стала 5-я партия. Дважды во время обдумывания своего хода я обращался к противнику, призывая его успокоиться и дать мне возможность думать. Обращался сперва в вежливой, а потом уже и в резкой форме.

Эту партию я выиграл. Счет стал 3:1 (при одной ничьей) в мою пользу. Петросян перестал играть. Он обратился наверх, чтобы его признали победителем матча на том основании, что я нарушил правила. Было проведено несколько заседаний с участием высоких сановников, включая мэра Одессы. На последнем заседании Петросян потребовал, чтобы я публично извинился за свое неспортивное поведение.

И сейчас, когда я пишу эти строки, я уверен, что неспортивно вел себя именно Петросян. Но давление тогда на меня было серьезное, я процитирую далее кусок из своей книги «Шахматы — моя жизнь» (где вся эта история изложена более подробно):

«Меня спросили, согласен ли я извиниться публично. Мне неясно было, что это значит: каяться ли мне с микрофоном в руках или заявить о своем поведении в газете? Я сказал: «Хорошо, я могу извиниться публично, но в связи с этим встает вопрос: перед кем мне извиняться? Дело в том, что выступления Петросяна в Советском Союзе сопровождаются демонстрациями лиц армянской национальности, и меня интересует, какую роль играет сам Петросян в организации этих сборищ!» В горле у Петросяна что-то заклокотало. «Все,— сказал он,— он оскорбил меня, он оскорбил мой народ. Я с ним больше не играю...»

Так и было. Петросян лег в больницу, но от обследования отказался. А потом, под предлогом слабого здоровья, и вовсе сдал матч.

Вспоминает главный судья того матча Борис Крапиль:

«Шестая партия была перенесена на 29 апреля, однако утром этого дня стало известно, что Петросян был срочно госпитализирован с острым приступом почечной болезни... 30 апреля Т.Петросян обратился в судейскую коллегию с заявлением, в котором указал, что в связи с серьезным заболеванием он не может продолжать матч... В разговоре со мной после окончания поединка он упомянул, что приступ оказался для него совершенно неожиданным. А может быть, это и был первый симптом той

роковой болезни, которая столь рано (в 1984 году.— Ред.) прервала его жизнь» («64» № 15, 1990).

Летом в Спорткомитете обсуждался вопрос, можно ли нас обоих включать в сборную команду страны, отправляющуюся на Олимпиаду в Ниццу. Петросян выдавил из себя кривую улыбку, лишь бы его не выбросили из команды.

Отныне я обрел врага, который станет открыто выталкивать меня из Советского Союза. А высшая справедливость — Божий суд, по выражению Лермонтова, будет позже, когда он дважды повстречает меня, уже эмигранта, в матчах претендентов...

В Ницце я встретил старого знакомого, моего тренера в претендентских матчах 1971 года Г. Б. Сосонко, к тому времени уже гражданина Голландии. Мы разговорились, вспомнили уже покинувших Советский Союз по израильской визе гроссмейстеров. «Рассматривая движение за выезд из СССР в диалектическом развитии,— говорил Сосонко,— мы приходим к выводу, что следующим, покинувшим СССР, будет...» «Ну что вы, — обрывал его я,— мы такие привилегированные, мы такие большие люди в СССР». «Однако,— отвечал он,— принимая во внимание все шахматные и нешахматные обстоятельства, приходишь к мысли, что следующим уехавшим...» Я не давал, не дал ему возможности высказаться до конца, назвать имя. Ведь он, без сомнения, имел в виду меня! Я боролся с этим, я все еще видел себя полезным членом общества. Как боролся потом в матче с Карповым и некоторое время после матча — против общества, которое больше не считало меня полезным... Что ж, у Сосонко есть дар предвидения. Да и вообще, как сказал Есенин, «большое видится на расстоянье».

В сентябре 1974 года начался мой матч с Карповым, матч, призванный определить соперника чемпиона мира Роберта Фишера. Мне тяжело, горько рассказывать, как он был организован, как проходил.

Вспоминает очевидец, инженер из Зеленодольска Е. Голубицкий:

«Москва, Колонный зал Дома союзов. Торжественное открытие финального матча претендентов на первенство мира по шахматам между А. Карповым и В. Корчным. В президиуме — участники матча, высокие советские и зарубежные гости. Приветствия, пожелания успехов. Традиционное: пусть победит сильнейший! Затем концерт. Весь президиум занимает места в первых рядах партера. Концерт открывает популярный в то время конферансье Альберт Писаренков. Он обращается к опоздавшему зрителю в проходе зрительного зала: «Уважаемый товарищ, пожалуйста, садитесь — мы начинаем. Если вы затрудняетесь с

выбором места, то слева от вас болельщики Карпова, а справа — противники Корчного». В то время на сцене не импровизировали, все заранее утверждалось. Конечно, была утверждена и реплика А. Писаренкова... С каждой партией того матча (а мне довелось присутствовать почти на всех) становилось все очевиднее, что официальный фаворит — А. Карпов; что масса шахматных болельщиков очень четко и методично ориентируется на него прессой, телевидением и чисто внешними организационными проявлениями... Появление Карпова в зале встречалось аплодисментами; Корчного — редкими аплодисментами, а иногда и недружелюбными возгласами и свистом» («Вечерняя Казань», 7 ноября 1988).

Быть может, советская шахматная журналистика, уровень которой безнадежно отстал не только от Запада, но и от уровня советской журналистики в целом, наберется когда-нибудь совести и храбрости рассказать правду об этом матче. О том, что матч был воспринят как важная политическая акция всеми организациями Советского Союза, акция, которая должна была обеспечить победу молодого претендента — русского, выходца из рабочей среды, верного и послушного властям. О том, как молодой претендент буквально настоял на всех пунктах предматчевых переговоров, тех, которые обеспечивали ему выгодные условия в матче; как ему были приданы все лучшие шахматные силы — Геллер, Фурман, Петросян, Авербах, Таль, Ваганян, Ботвинник,— я назвал только главных; как была обеспечена и внешахматная поддержка в лице известного парапсихолога Зухаря и других врачей.

Пусть журналисты расскажут о тех людях, кто имел гражданское мужество поддержать меня в час, когда это считалось нарушением гражданской (читай «политической») лояльности, как этих людей отсылали из Москвы на время матча (Смыслов), лишали шахматного заработка (Бронштейн). О том, как вел себя на сцене Карпов — как бесцеремонный хозяин: как он опоздал на 13 минут на доигрывание 15-й партии, как перестал подниматься со стула при традиционном рукопожатии, как, сделав 41-й ход в 20-й партии, потребовал, чтобы я откладывал партию... Как обработали в нужном духе главного судью матча бельгийца О'Келли, который во всем потакал Карпову.

Помню, во время 5-й партии, в лучшем для меня положении, я думал над ходом. Карпов встал над доской и вперился в меня взглядом. Так он часто делает... Ситуация была неприятная, но уже знакомая мне. Я обратился к нему с заготовленным вопросом: «Вы что-то мне хотите сказать?» — «Нет-нет»,— ответил Карпов и

отошел. Тут же подошел О'Келли (я продолжал думать над ходом): «Карпов жалуется, что вы разговариваете с ним во время партии». Он стал сообщником Карпова! Подумать только, сперва Карпов, а за ним судья мешал мне обдумывать ход!

Пусть расскажут и о моем письменном заявлении, в котором я возмущался поведением Карпова. Накануне 21-й партии я отдал его — нет, не главному судье (он же иностранец!), а в оргкомитет. А Карпову показали это заявление — конечно! — лишь после окончания матча...

НАКАЗАНИЕ

Наконец на исходе ноября матч окончился. Карпов победил — 3:2 при 19 ничьих. Теперь следовало выполнить вторую, более легкую часть поставленной политической задачи — наказать меня. Наказать примерно, в острастку другим. За что? За самостоятельность в мышлении и поведении. А конкретно — и за то, что я боролся в этом матче, когда всем уже было ясно, что должно быть. Как поведал мне журналист В. Хенкин: «Если б ты знал, какие люди звонили в пресс-центр, узнавали, как стоит Карпов!»

Сказано — сделано, а повод найдется. Официальным поводом к наказанию стало интервью, данное мною журналисту югославского агентства ТАНЮГ Б. Кажичу. Я сказал, что по таланту Карпов не превосходит гроссмейстеров, которых он обыграл в этом цикле. Зато я подчеркнул его огромные волевые качества, умение направить все сопутствующие факторы в свою пользу. Кажич смягчил мой рассказ, не упомянув о моем заявлении во время матча, о невежливом поведении Карпова. Но и опубликованного было достаточно.

Сперва в «Советском спорте» появилась реплика блюстителя нравов Петросяна «По поводу одного интервью В. Корчного», затем со страниц той же газеты мое поведение осудил президиум Шахматной федерации СССР, а еще через неделю были опубликованы гневные письма многочисленных трудящихся под заголовком «Неспортивно, гроссмейстер!» — с «единодушным» требованием моего «публичного извинения перед всеми любителями шахмат». Вскоре пошли анонимки на дом...

Меня вызвали на расправу в Москву. Чтобы отсрочить неизбежное, я по примеру Петросяна лег в клинику Военно-медицинской академии, сославшись на обострение язвы желудка. Я был здоров. А ехать через месяц все равно пришлось.

История с Военно-медицинской академией имеет продолжение. Несколько лет спустя туда лег мой сын Игорь, у которого действительно была язва. Позднее, когда моя семья стала бороться за выезд, чтобы соединиться со мной, власти потребовали, чтобы Игорь шел в армию. Стремясь доказать, что он не годен для военной службы, сын попросил из академии снимки своего желудка. Ему прислали — но не его, а мои снимки! Не без умысла, как вы понимаете.

Еще одна сходная история. После моего отъезда семья стала испытывать финансовые трудности. У нас была собака. Ее Щенки стоили дорого. Моя жена нашла покупателя, он заплатил деньги

и взял щенка. Однако через неделю принес щенка обратно. «Верните деньги — мы не хотим никаких отношений с врагом народа!» Ну где еще на свете возможно столь умилительное единение партии и народа?! В преследовании тех, на кого беспощадная партия указует своим железным перстом...

Обстановка была трудной. На меня уже нажимали по общественной и спортивной линии, собирались прорабатывать и по партийной. Я поддался уговорам немногих оставшихся друзей и написал — в сотрудничестве с Вик. Васильевым — короткое извинительное письмо в газету «Советский спорт». За его публикацию главный редактор получил выговор...

Вспоминает шахматный литератор Виктор Васильев:

«Это письмо не помогло, а даже, пожалуй, усугубило ситуацию. Мы надеялись, что оно, не ущемляя достоинство Корчного, может быть, ослабит репрессивный напор властей. Мне шел уже шестой десяток, и такая наивность была непростительна. Тогдашний председатель Спорткомитета Сергей Павлов, говорят, был разгневан — ему нужно было самоуничижение Корчного, с битьем себя в грудь, с низкими поклонами. Сочиненное же нами «письмо в редакцию» гласило:

«Вскоре по окончании матча с А. Карповым я дал интервью, опубликованное в югославской печати. В тот момент я еще не остыл от азарта борьбы, которая держала меня в непрерывном напряжении в течение двух с лишним месяцев. Этим, скорее всего, объясняется запальчивый тон, а также чрезмерный субъективизм некоторых моих суждений, о чем сейчас, сумев в спокойном состоянии все обдумать, я искренне сожалею.

В. Корчной, международный гроссмейстер».

У меня сохранилось и более позднее «письмо в редакцию», продиктованное Корчным 3 марта 1975 года стенографистке «Советского спорта»:

«С удивлением прочел в журнале «Юность» № 1, что во втором его номере будут помещены мои ответы на вопросы об А. Карпове. Одного из авторов статьи А. Рошаля я видел недавно, но он мне вопросов не задавал. Еще больше я был ошарашен, увидев «Юность» № 2. Там был помещен мой «Монолог», записанный Рошалем сразу после окончания матча. Рошаль тогда сказал, что это материал для АПН. Предприимчивый журналист написал в АПН, в «Политику» (Белград) и в «Литературную газету».

Как известно, мои высказывания были осуждены Шахматной федерацией СССР, и Рошаль это отлично знал. Он не имел права публиковать снова все, что оставалось в его руках... Но без согласования со мной, не поставив даже меня в известность, он опубликовал материал, от которого я давно публично отказался.

В. Корчной».

Виктор Львович назвал свое письмо — которое газета, естественно, не напечатала,— «Ниже пояса» На мой вкус, точнее было бы «Стыдно бить лежачего!» Впрочем, до стыда ли тому, кого Корчной позднее в своей книге «Антишахматы» назвал «профессиональным лжецом»?!»

Я рассказал об официальном поводе к наказанию. Между тем Карпов, выступая в то время перед своими преданными болельщиками — военными, пояснил, что меня наказали не за интервью, а за заявление, написанное в ходе матча.

20 января 1975 года в Москве, в кабинете зампреда Спорткомитета СССР — куратора шахмат В. Ивонина. мне зачитали приказ Комитета. «За неправильное поведение», как было сформулировано в приказе, мне запретили в течение года выступать в международных соревнованиях за пределами страны и понизили гроссмейстерскую стипендию (с 300 рублей до 200;.

Я вернулся в Ленинград. Столица советской провинции, как метко окрестил «град Петров» один мой приятель, была тогда самым реакционным местом страны. Если наверху, в Москве, человека не добивали, то в Ленинграде эту ошибку исправляли. От моих услуг по популяризации шахмат отказалось телевидение. Квартира моя прослушивалась, почту из-за границы — английский и югославский шахматные журналы — я перестал получать. Сверху распространялись слухи, что я подал заявление на выезд в Израиль, в связи с чем к моему сыну стали недоброжелательно относиться в школе. Несколько месяцев мне не давали выступать с сеансами и лекциями. Потом в горкоме махнули рукой: «Пусть...» Но стали время от времени присылать своих людей — послушать, что я говорю. «Не то» я говорил... Стали вызывать в горком для проработок. Это было уже слишком.

Еще в конце декабря 1974 года я принял решение: чтобы спасти себя как шахматиста, мне следует уехать! А проработки в горкоме доказали мне, что я уже ничем не могу быть полезен людям. Когда в марте 1975 года эстонцы пригласили меня сыграть в международном турнире в Таллинне, а Спорткомитет запретил и сурово указал Кересу и Нею на их ошибочное поведение, я еще раз почувствовал: чем быстрее уеду, тем лучше. Но как?

Подать заявление на выезд в Израиль? Взойти на Голгофу?! Но кто мне разрешит уехать?! Попроситься в Югославию? Я даже написал письмо Тито, который слыл большим любителем шахмат, чтобы он взял меня под свое крыло. Но так и не отправил...

По счастью, о моем житье-бытье задумался Карпов. Он уже стал, без матча с Фишером, чемпионом мира, а вот как это

случилось, кого он обыграл — народ начал как-то забывать. Действительно, Спасский и Корчной, его жертвы, впали в немилость и, соответственно, в безвестность.

Вспоминает А. Карпов: «Петросян не удовлетворился поражением Корчного в нашем матче; он жаждал крови Корчного и преследовал его повсюду. Пользуясь своими связями, травил его через прессу, душил через официальные каналы... Все попытки Корчного противостоять газетной травле и прорвать бюрократическую блокаду ни к чему не привели — Петросян прессинговал по всей доске. И тогда Корчной обратился за помощью ко мне» (из книги «Сестра моя Каисса», Нью-Йорк, 1990),

Комментарий Игоря Акимова (литзаписчика книги «Сестра моя Каисса»):

«Случилось так, что мне пришлось быть посредником в этой истории. Я был в дружеских отношениях и с Корчным, и с Карповым, и опальный гроссмейстер решил воспользоваться этим... Наш разговор с Карповым сложился непросто. Он не хотел влезать в эту историю... Но я был настойчив... И он позвонил при мне Батуринскому и сказал:

Я только что увидел очередной газетный тычок Корчному. Эту кампанию пора прикрывать, поскольку она держится не столько на давних эскападах Корчного, сколько на амбициях его врагов.

Да что ты! — воскликнул на том конце провода Батуринский. — Да разве ты не знаешь, что если позволить Корчному поднять голову...

По-моему, Виктор Давыдович,— сказал Карпов,— я свое мнение выразил ясно: я против того, чтобы эта кампания продолжалась...

И положил трубку.

Что же будем делать? — спросил я, полагая, что на этом этапе акция сорвалась.

А ничего,— ответил Карпов,— потому что все уже сделано...»

Карпов предпринял шаги к моему возвращению в строй. Мне было разрешено сыграть в международном турнире в Москве, а потом, на рубеже 1975—76 годов, и в Гастингсе.

И все-таки я не передумал. Я сворачивал свои советские связи. Б. Туров готовил книгу «Жемчужины шахматного творчества» и просил меня дать с комментариями одну из моих лучших партий. Я сказал ему, что моя работа не украсит его книгу, и отказался.

Вик. Васильев хотел написать мою биографию. И ему я дал понять, что почета он этой книгой не добьется. На вопрос

начальника отдела шахмат Спорткомитета В. Батуринского, с кем я буду готовиться к следующему циклу борьбы за первенство мира, я не ответил — зачем ставить людей под удар?

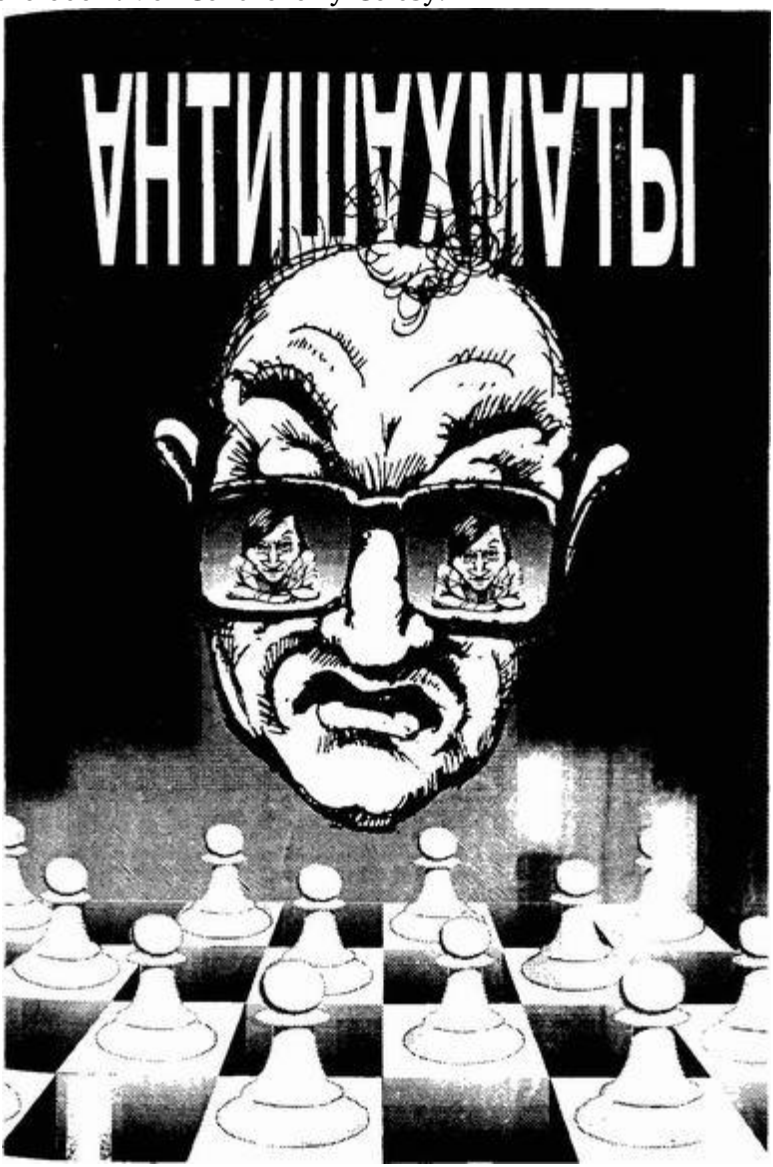
Я не рассказывал членам своей семьи, что собираюсь сделать. Намекал только косвенно. Я провел «душеспасительные» беседы с сыном, рассказал о некоторых сторонах моей жизни, которые не были ему известны, выполнил те функции, которые, по моему мнению, надлежало выполнить отцу по отношению к сыну. Жена попала в легкую аварию на машине, которая у нас была. Нужно было ремонтировать машину. Жене предложили продать ее — по цене, как за новую, и более того. Я умолял ее согласиться, то тщетно. Позднее у нее были большие проблемы: машина была на мое имя, а мне никак не удавалось переслать ей доверенность из-за границы.

Я не остался в Англии, но перевез за границу важные документы, фотографии, книги и оставил их в Западной Европе. В июле 1976 года я поехал на турнир в Голландию и снова захватил с собой ценный груз. Я бы снова вернулся в СССР за вещами, но дал интервью — в своем обычном стиле — для Франс Пресс. Я рассказал, почему Спасский неудачно сыграл в только что закончившемся межзональном турнире в Маниле — сколько горя он перенес, прежде чем получил выездную визу! Я обругал советские власти за то, что они отказались от участия в Олимпиаде в Израиле. Увидев свое интервью напечатанным, я понял, что в Союзе меня съедят, и попросил у голландских властей политического убежища...

Хироманты обнаружили на моей руке необычные линии. Во-первых, у меня не прослеживается линия судьбы, и я, значит, не покоряюсь обстоятельствам. Во-вторых, линия жизни резко разделяется на две половины... Если в Союзе сохранятся секретные службы — военная, разведывательная и т. п., тем, которые уже взяли к себе на работу парапсихологов, я бы посоветовал привлечь для пользы дела и хиромантов — чтобы вовремя определять того, кому потом будет присвоена кличка «злодей».

АНТИШАХМАТЫ

За три месяца матча я получил сотни писем от протестантов, католиков, православных, мусульман, иудеев, индуистов... Я чувствовал за собой поддержку всего мира! С точки зрения пропаганды эта крохотная репетиция накануне афганской войны дорого обошлась Советскому Союзу.



Владимир БУКОВСКИЙ «СЕРЫЕ НАЧИНАЮТ И ВЫИГРЫВАЮТ»

Так озаглавил один шахматный обозреватель свой отчет о матче Карпов — Корчной, а вернее сказать, о матче Корчной — Советский Союз и его многочисленные друзья. Когда-то «Дом Свободы» в Америке выпустил карту мира, где тоталитарные страны с диктаторскими режимами окрашены в черный цвет, а свободные страны оставлены белыми. К сожалению, этот оптимистический черно-белый взгляд на мир не отражает больше реальности. После десятилетия тихой капитуляции, именуемой детантом, доминирующим цветом на карте оказался серый цвет советского влияния. Мог ли знать далекий от политики Корчной, в какое пекло он попадет, выбрав удаленную и «неприсоединившуюся» страну Филиппины?

Книга Корчного рассказывает не столько о матче, сколько о плачевном состоянии современного нам мира, по крайней мере на три четверти уже зависимого от СССР. Удивительно ли это? Понятия «честная игра» просто не может существовать в СССР, где все является политикой — будь то наука, искусство или спорт. Всякое достижение — это доказательство преимущества социализма. Всякое поражение— это удар по престижу. А человек, пытающийся отстоять свою независимость в любой сфере, в любом вопросе,— неминуемо объявляется врагом всего государства. Вся мощь Советского Союза, весь его аппарат немедленно мобилизуется на борьбу с таким отчаянным смельчаком. И с самого начала ему предстоит неравная борьба одиночки против системы. Любые средства будут оправданы, лишь бы задавить сопротивляющегося. Где уж там «честная игра».

За последние 7—10 лет несколько десятков выдающихся танцоров, ученых, писателей, музыкантов, художников, скульпторов, спортсменов так или иначе покинули СССР. Большинство из них заявили, что причины их поступка — не политические. Им «просто» не давали заниматься своей профессией. Им «просто» надоело ежечасно лгать, лицемерить и поступаться совестью. Это-то и есть сейчас самое большое политическое преступление в Советском Союзе, где понятие «политика» сводится к стремлению властей Всех сделать пешками в своей большой игре.

В этом смысле матч на Филиппинах — уникальное и весьма символическое событие. Как невозможно отстаивать Корчному свою независимость, не оказавшись политическим противником

всего советского режима, так невозможно и Карпову не оказаться соучастником советских преступлений.

Карпов в СССР — центральная пропагандистская фигура, идол коммунистической молодежи и член ЦК ВЛКСМ, личный друг кремлевских палачей, (как и космонавтов) тщательно отбирали из массы претендентов, перед как сделать чемпионом. Он должен быть образцом советской морали, воплощением идей коммунизма, непобедимым, как сама советская власть. Его анкетные данные должны быть безупречны. Конечно же русский (а не какой-то сомнительный еврей), конечно же из «рабочей семьи» с кристально чистой родословной и биографией. Проиграть он не может, ему не дадут. За ним — вся система с миллиардами рублей, миллионами шпионов, дипломатов и членов зарубежных компартий. Целые армии «сереньких» по всему миру. Гротескная сцена появления советской «шахматной делегации» на Филиппинах, состоящей почти из двух десятков кагэбэшников, магов, специалистов по каратэ и возглавляемой полковником Батуринским, вполне достойна пера Булгакова.

С другой стороны, Корчной — не только «отщепенец», «перебежчик», «изменник Родины», имя которого запрещено произносить в СССР, но еще и человек, осмелившийся добиваться своих человеческих прав, Уже до начала игры его, так сказать, лишили нескольких фигур. Его семью держат заложниками в Советском Союзе, сыну угрожают тюрьмой. О каком-либо «юридическом равенстве сторон» и говорить смешно. Даже символической защиты швейцарского флага он лишен под нажимом «советской стороны». Ни одна страна мира не защищает его интересов. Свободный мир будет рад, если Корчному удастся освободить его от советского владычества хотя бы в шахматах, но сам для этого ничего сделать не рискнет.

Борьба Корчного— борьба одиночки против безжалостной машины угнетения, опутавшей мир, по причуде судьбы перенесена из застенков советских концлагерей на шахматную доску в Багио. Но мало что от этого изменилось. Словно в далекой Москве, бесцеремонно хозяйничают здесь гэбэшники, а Корчной каждый день должен проходить сквозь строй ненавидящих глаз.

Поразительно, как в этом матче, словно в капле воды, отразилось бессилие Свободного мира перед лицом советского шантажа, подкупа и насилия. Бессилие и разобщенность, проявляющиеся в каждом конфликте с СССР. Мы часто помаем голову, почему это ООН ни разу не осудила нарушения прав человека в СССР, почему Всемирный совет церквей ни разу не осудил расправы над верующими? Мы удивляемся, почему весь

мир с такой готовностью снабжает СССР технологией, кредитами, станками и машинами, хлебом и маслом? Мы удивляемся, что это советские делают в Анголе и Эфиопии, Южном Йемене и Афганистане? И почему это, как только советские, зарвавшись, попадают впросак, весь мир с готовностью бросается помогать им «спасти лицо», словно нет другой заботы у Свободного мира?

Книга Корчного дает удивительно простой ответ на эти вопросы. Как и пресловутое жюри матча, мир готов сделать все, только чтобы стало наконец спокойно. Мир готов уступить во всем, лишь бы мировой бандит наконец насытился и угомонился. Ведь мир — это просто множество Кинов, Кампоманесов, Филипов и Маркосов. В лучшем случае таких, как Эйве. И наплевать им, что тем временем «серые» начинают и выигрывают с необычайной легкостью одну страну за другой...

1980

«НЕВОЗВРАЩЕНЕЦ»

Какова предыстория матча в Багио? Можно смело сказать, что подготовка к нему — психологическая, шахматная и конечно же политическая — началась уже вскоре после моего первого, московского, матча с Анатолием Карповым. Напомню: проходил он в конце 1974 года, и Карпов в ожесточенной борьбе добился права встретиться в матче за шахматную корону с американцем Робертом Фишером.

Советские спортивные боссы тогда и не подозревали, что четыре года спустя я вновь встану на пути их «уральского самородка». Они сделали все, чтобы непокорный гроссмейстер — нарушитель «советских норм поведения» — утратил практическую силу и навсегда выбыл из рядов мировой шахматной элиты. Мне не только закрыли дорогу на международные турниры и срезали гроссмейстерскую стипендию, главное — против меня восстановили так называемое «общественное мнение», со всеми вытекающими из этого в СССР последствиями.

В феврале — марте 1975 года, под маркой усиленной подготовки к матчу Карпова с Фишером, ведущих советских гроссмейстеров обязали представить в письменном виде их оценку стиля и силы игры Фишера, а заодно, для сравнения, и Карпова. Этого я совсем не настроен был делать. Карпов завел со мной сепаратные переговоры. Он просил прислать доклад ему лично, на случай если я опасаюсь делать это через официальные каналы (критика в его адрес была в стране строжайше запрещена). В обмен он обещал спустить на тормозах давление, оказываемое на меня официальными и общественными — что в Советском Союзе практически одно и то же — организациями. Того, что он хотел, Карпов от меня не добился.

Впрочем, матч с гениальным американцем так и не состоялся. Да и мог ли?.. В середине марта Международная шахматная федерация (ФИДЕ), при активном участии с советской стороны, 35 голосами против 32 отвергла последнее Из условий чемпиона — о том, что в случае счета 9:9 он сохраняет свой титул (играть предполагалось до 10 побед). А если бы это требование Фишера было все-таки принято? ˆЕсли это случилось бы,— заявил молодой претендент,-— тогда я просто не имел бы морального права играть матч...» В апреле ФИДЕ присвоила Карпову титул чемпиона мира. Очень жаль, что матча не получилось,— посетовал новоявленный чемпион.— Однако моей вины в том нет, ибо существуют принципы, от которых я отступать не могу».

...Я понял не хуже спортивных руководителей, что развязанная против меня кампания угрожает моему дальнейшему существованию как шахматиста, и принял решение любым путем покинуть Советский Союз. Этот замысел я осуществил в конце июля 1976 года: после турнира в Амстердаме остался в Голландии и попросил политического убежища.

Сколько бы я ни подчеркивал в публичных заявлениях чисто профессиональные мотивы своего поступка, советские власти конечно же расценили его как акцию политическую. Всё, абсолютно всё, расценивалось в Советском Союзе с политически точки зрения: полезно это или нет для страны, для партии, для режима.- А ослабить советскую шахматную мощь?! Да ведь это предмет гордости всей страны! Ведь это один из рычагов проникновения во все уголки земного шара! Сколько уж раз случалось, что советские гроссмейстеры прокладывали путь дипломатам, а потом «советникам» и оружию в те или иные страны- Да, с точки зрения властей мой отъезд был серьезненым ударом, и, чтобы локализовать его последствия, они сделали немало.

Началось с заявления ТАСС. А через месяц в газете «Советский спорт» и еженедельнике «64» появился объемистый документ «В Шахматной федерации СССР». Меня обвинили в «измене Родине», «болезненном самолюбии», «непомерном тщеславии», «апломбе» и т. п. Тут же возникло и «Письмо в газету «Советский спорт», подписанное 31 советским гроссмейстером (всеми, кроме М. Ботвинника, Б. Спасского, Д. Бронштейна и Б-Гулько) и помещенное под заголовком «Это ходы в грязной политической игре»:

«Ничего, кроме чувства возмущения и презрения, не вызывает у нас подлый поступок шахматиста В. Корчного, предавшего Родину. Став на обычный для подобных отщепенцев путь клеветы, Корчной пытается теперь делать ходы в грязной политической игре, стремясь привлечь внимание к своей персоне, набить цену у любителей дешевых сенсаций.

Встречаясь с Корчным за шахматной доской, многие из нас не раз сталкивались с проявлением его зазнайства и бестактности. Многое прощалось Корчному, щадилось его болезненное самолюбие, а эта терпимость, видимо, воспринималась им как должное. Теперь, попросив защиты от надуманных преследований у голландской полиции, Корчной свои мелкие личные обиды пытается возвести в ранг международных проблем.

Решительно осуждая поведение Корчного,. мы полностью одобряем решение Шахматной федерации СССР о его дисквалификации и лишении спортивных званий».

Рядом с тем же заголовком было помещено и отдельное осуждение чемпиона мира А. Карпова:

«Решение В. Корчного изменить Родине меня глубоко поразило и огорчило. Поразило потому, что, вопреки нынешним утверждениям Корчного, никаких помех для его творческой деятельности в стране, которой он обязан всем, что помогло полностью раскрыть его дарование, не было и не могло быть.

Наоборот, всем известно, что для него, как и для всех советских спортсменов, были созданы условия, о которых наши коллеги на Западе могут лишь мечтать. Утверждать обратное нечестно и непорядочно.

Огорчило потому, что шаг, сделанный Корчным, ставит под угрозу всю дальнейшую творческую деятельность этого шахматиста (это уж точно! — В. К.).

Разделяя возмущение советской общественности недостойным поведением Корчного, я поддерживаю решение Шахматной федерации СССР о лишении его спортивных званий и права представлять на мировой арене советскую шахматную школу».

Мало того, что Советская федерация дисквалифицировала меня — она еще и решила поставить перед Международной шахматной федерацией вопрос о моем исключении из предстоящих матчей претендентов на первенство мира! Письмо с таким предложением было послано на осенний конгресс ФИДЕ.

Как и в Организации Объединенных Наций, в ФИДЕ немалая часть голосов тогда контролировалась советскими. Но тут мне повезло. Конгресс, как и Всемирная шахматная олимпиада, проходил в Хайфе, в Израиле. Бойкот Израиля — один из устоев тогдашней советской внешней политики (видимо, корни этого нужно искать в основах политики внутренней). Так что на Олимпиаду и конгресс Советский Союз и страны соцлагеря не явились. В их отсутствие письмо шахматной федерации СССР было зачитано, но за абсурдностью даже не обсуждалось.

Вот еще когда началась политическая борьба вокруг моего Матча с Карповым!

По сути дела это письмо явилось объявлением мне бойкота. в вилам ФИДЕ, запрещающим бойкот в официальных соревнованиях, советские были вынуждены подчиниться, но во всех личных турнирах они меня стали бойкотировать, известив организаторов, что не будут принимать участия ни в одном турнире, где играю я. Этот жестокий бойкот был очень чувствителен (за семь лет я был вынужден пропустить 53 крупных международных турнира!). Демонстрируя свою мощь, Советская федерация угрожала не только моему существованию как

профессионального гроссмейстера, но и существованию самой ФИДЕ, в уставе которой записано, что она выступает против политической, религиозной, расовой и какой-либо другой дискриминации...

ТРОЙНОЙ ЗАСЛОН

Итак, предварительный этап политической борьбы я выиграл, сохранив право бороться за мировое первенство. Однако, чтобы вновь встретиться с Карповым, нужно было еще урегулировать кое-какие «шахматные детали», то есть выиграть три претендентских матча у советских шахматистов.

Чувствовал ли Карпов, что ему в скором времени предстоит новая встреча со мной? В феврале 1977 года агентство печати «Новости» взяло интервью у ряда гроссмейстеров в связи с началом матчей претендентов. Запомнилось мне интервью с Карповым. Он заявил, что в прошлом считал мои шансы в борьбе за первенство мира высокими, но теперь, когда я покинул СССР, я потерял в его глазах очень много — и как гражданин, и как личность, и как шахматист. Приехав через две недели в ФРГ, он высказался более определенно: сообщил западному миру, что, по его мнению, состязания претендентов выиграет Корчной! Что ж, отбросив в сторону официозный бред, частенько исходивший из уст официального чемпиона мира, воздадим должное Карпову: ему нельзя отказать в объективности и даже прозорливости!

В обстановке глухой враждебности проходило первое испытание — матч с Петросяном. Шахматные силы были абсолютно равны, но нервы у меня оказались крепче. Я выиграл со счетом 2:1 при 9 ничьих.

Спокойнее сложился матч с Полугаевским. Я оказался заметно сильнее противника на шахматной доске, нервы у меня снова оказались крепче, да и помощь моих секундантов была более действенной. Результат — 5:1 при 7 ничьих.

Свой третий и последний отборочный матч я играл со Спасским. На протяжении многих лет мы были в приятельских отношениях, а в 70-е годы у нас появилась и общность политических взглядов. Спасский добился, казалось бы, невозможного: чуть ли не единственный из миллионов наших эмигрантов он получил двойное гражданство и, сохранив советский паспорт, переселился в Париж!

Мы начали матч приятелями, а закончили его врагами. Заверяю читателей: я не держу зла на Спасского. Единственное, чего я не могу простить человеку с антитоталитарными взглядами,— что он позволил превратить шахматное поле боя в испытательный полигон против меня. Но не надо забывать: Спасский несколько лет боролся за свою политическую самостоятельность, а получил разрешение на выезд «случайно» ровно через месяц после моего бегства из Союза.

Первую половину матча я выигрывал очень убедительно, и казалось, что финал уже близок. Но тут, делая одну за другой грубейшие ошибки, я проиграл четыре партии кряду!

Мною и моими помощниками было отмечено усиление активности неприятельской стороны во второй половине матча. В Белграде появлялся то один, то другой советский гроссмейстер, на матч прибыл главный начальник над шахматами, зампред Спорткомитета Ивонин, в зале сновали работники советского посольства в Белграде, какие-то люди с чемоданчиками — их советское происхождение было неоспоримо. Какое оружие применялось против меня — было не ясно, но все вокруг, включая поведение Спасского, выглядело загадочно и мрачно. Вторую половину матча Спасский не сидел за доской на сцене. Направляясь к доске, чтобы сделать очередной ход, он шел качаясь, с полузакрытыми глазами, как медиум.

Почувствовав, что творится какая-то чертовщина, я обратился за помощью. Группа любителей шахмат, парапсихологов, обещала, не выезжая из Швейцарии, помочь мне, оградить от вредного влияния извне во время игры. Не знаю, было ли это внушением или реальной поддержкой, но мне, к удивлению многих, удалось выйти из смертельного пике, свести вничью две партии. Потом в напряженнейшей борьбе я выиграл еще две и — этот странный матч закончился. Результат — 7:4 при 7 ничьих.

Г. Каспаров: «Несмотря на «тройной заслон» из бывших соотечественников, вновь, как и четыре года назад, соперником Карпова стал Корчной. Это было пренеприятным сюрпризом. В свои 47 лет Корчной вдруг заиграл, как никогда ранее — в жесткие, агрессивные шахматы. Казалось, переезд на Запад прибавил ему сил... Во время матча в Багио один комментатор писал: «Его воля к победе и энергия просто феноменальны. Он должен победить сидящего напротив, победить любой ценой» («Безлимитный поединок»).

КАК МЫ ПОПАЛИ В БАГИО

Югославский журналист Брана Црнчевич: «Перед поездкой в Багио я посетил Корчного, который жил тогда в предместье Кельна, в тихом, спокойном месте... Эмигрант с грустью и гордостью показывал мне свой архив — письма и фотографии, вывезенные из России. Думаю, Виктор Львович паковал документы, письма и фотографии тайком, не открывая свою тайну даже самым близким. Он сунул все это во мрак чемодана, между шахматными книгами, надеясь, что таможенники по обыкновению пропустят без особого досмотра багаж известного гроссмейстера. Что бы они сказали, увидев в этом багаже пачку антисемитских, в основном анонимных, писем, полученных им по случаю московского матча с Карповым?

Как привилегированный пассажир Виктор Львович мог провезти в СССР этак небрежно, в кармане, иностранную валюту, привезти какую-нибудь интересную запрещенную книгу. Прочтет ли он или другой гроссмейстер Пастернака, Амальрика, Войновича, Бродского, Максимова, Синявского или даже «сатанинского» Солженицына — власти это не особенно волновало! Ведь все большие шахматисты исправно возвращались на родину, которая предоставляла им положение, какое не смог бы дать никакой Запад» (из книги «Эмигрант и Игра», Загреб, 1981).

Так случилось, что через год после того, как я остался в Голландии, я начал работать в Германии. Но реальные контакты с шахматистами и федерацией, реальную поддержку я ощущал в Швейцарии, куда вскоре переехал, и именно на поддержку швейцарцев в предстоящем матче с Карповым я рассчитывал.

15 февраля 1978 года в штаб-квартире ФИДЕ были оглашены предложения стран, изъявивших желание организовать матч на первенство мира. Наиболее благоприятные в финансовом отношении предложения — на уровне 1 миллиона швейцарских франков — поступили от Голландии, Австрии, Филиппин и Германии. Самым заманчивым было последнее предложение, и поначалу я собирался остановить свой выбор именно на Гамбурге.

При выборе места финансовые соображения играли немаловажную роль: ведь оплата моих помощников требовала от меня расходов, сравнимых разве что с расходами советского

государства на этот матч!

Но главное все же было найти страну, где соперникам были бы обеспечены равные условия и где организаторы занимали бы нейтральную позицию. Я вспомнил, как тепло принимали

Карпова в Германии, как он давал сеансы, как играл с немецкими телезрителями в многомесячной передаче «Шах чемпиону» и заработал на всем этом ни много ни мало — «мерседес-бенц». Я узнал, что свои доллары, полученные в Западной Европе и Америке, Карпов хранит у одного из вероятных организаторов матча.

Вдобавок журналист Гельмут Юнгвирт, редактор телевизионной компании в Гамбурге (кстати, автор и ведущий упомянутой телепередачи), поведал мне странную историю. Его группа сняла фильм в Белграде во время одной из партий моего матча со Спасским, где очень рельефно было показано необычное поведение Спасского во время игры. Фильм этот, по словам Юнгвирта, был продан нескольким иностранным телекомпаниям, и немцы отдали его на копировальную фабрику, чтобы обеспечить нужное количество копий. А на фабрике случился (или был организован?) пожар и фильм сгорел!

То, что Германия наводнена просоветскими агентами, которых невозможно отличить от порядочных граждан даже по языку, я знал и без этого случая...

Обдумав все это, я решил в Германии ни в коем случае не играть. Первым номером я назвал Австрию, на второе место поставил Филиппины, на третье — Голландию.

Почему — Филиппины? У меня были устарелые сведения, что на Филиппинах нет советского посольства — на самом деле оно было открыто в 1975 году. Рассуждая как доморощенный политик, я считал: чем дальше от Советского Союза, чем дальше от главной сферы его политических интересов, тем лучше. Чудак, мне пора было бы знать, что сфера советских интересов — весь земной шар!

А организатор филиппинского матча, вице-президент ФИДЕ Флоренсио Кампоманес! Как льстиво и вкрадчиво он разговаривал со мной тогда! Откуда мне было знать, что он находится в тесном контакте с советскими? Мог ли я подозревать, что в ходе матча он превратится в человека откровенно недостойного поведения! (Как выяснилось, еще в январе на Филиппинах побывал Батуринский, будущий руководитель делегации Карпова, и, видимо, уже тогда все было обговорено.)

Б. Црнчевич: «Устало, но в то же время довольно улыбается Кампоманес. Часто поднимает благодарный взгляд к небу: лишь Бог и он знают, что ему пришлось наобещать, чтобы Анатолий и Виктор согласились приехать на Филиппины.

Он целовал Виктора и называл его своим братом. Эмигранту, который, несмотря на швейцарский флажок на лацкане югославского пиджака,— одинок, было приятно, что ему, хоть на

мгновение, Кампо стал братом... Кампоманес обещал Виктору, что Анатолий на Филиппинах победит только через его, Кампо, труп.

Затем Кампоманес летел к Анатолию. И ему он был братом, так как Кампо — лишь бы матч состоялся на Филиппинах — любому согласен быть братом. Вероятно, и Анатолию он обещал, что Виктор победит только через его, Кампо, труп» («Эмигрант и Игра»).

После того как из Москвы пришло письмо, где первым номером стояла Германия, второй был оставлен свободным, а на третьем месте оказались Филиппины, президент ФИДЕ Доктор Макс Эйве назвал Багио местом игры.

Первые сомнения относительно выбора места возникли у меня уже в конце марта. Кампоманес вызвал меня в Амстердам (хорошо еще, что не в Манилу!) и уговорил подписать контракт между нами. Он обещал мне кое-какие льготы в вопросе оплаты нескольких дополнительных помощников, не предусмотренных правилами ФИДЕ, и предварительный гонорар в 100 тысяч долларов, а я взамен не должен был поднимать вопрос о флаге и гимне для себя. Подписать-то я по глупости подписал, но вскоре понял, что этот пункт для меня неприемлем, и сообщил об этом Кампоманесу. За это Кампоманес впоследствии не только не выполнил условий по части оплаты моих дополнительных помощников, но даже не оплатил обратную дорогу в Европу двум вполне официальным членам моей группы...

Интересно, какие условия поставил Кампоманес советской стороне, оплачивая ее огромный штаб более чем наполовину?!

Кстати, о правилах этого матча. Они были приняты на заседании Центрального комитета ФИДЕ в Каракасе в октябре 1977 года. Участники финального матча претендентов были уже известны, но их — то есть нас со Спасским — на заседание не пригласили. А вот советская сторона была представлена полностью, включая Карпова. Якобы под давлением советские согласились, что матч на первенство мира будет не из 24 партий (как прежде), а безлимитным — до шести побед без учета ничьих. Зато взамен они обеспечили себе все остальные привилегии!

Было решено, что в случае проигрыша чемпион в течение года имеет право на матч-реванш. Невероятное бремя для претендента! Это правило было признано несправедливым еще в начале 60-х годов, и вот теперь, когда на престол взошел наконец настоящий чемпион — без единого матча на первенство мира! — он защищает себя двумя соревнованиями!

В правилах указывалось, что если матч с основным претендентом не состоится, то чемпион будет играть с

финалистом претендентских матчей, то есть со Спасским (а если будет доказано, что матч не состоялся по вине чемпиона — тогда как?!). Забегая вперед, отмечу, что этот пункт правил позволил советским накануне матча в Багио шантажировать апелляционное жюри.

Правилами предусматривается оплата всех расходов самих участников и гонорар двум шахматным помощникам каждого из них. А хак насчет руководителя делегации? У советских на любом крупном соревновании существует такой человек* Его функции многообразны, включая "решение юридических, вопросов. Но его и оплатит советское государство. А Корчной? Он и без руководителя обойдется! А хочет иметь противовес Батуринскому — пусть платит сам!

Далее, в правилах сказано, что если на матче у какой-либо из сторон будет врач, то его размещение и расходы должен оплатить организатор. Простите, а гонорар? Ведь на Западе врач — одна из самых уважаемых и высокооплачиваемых профессий! В Советском Союзе, напротив, врачи;— едва ли не самые бедные люди, получающие мизерную государственную зарплату (медицина там. как известно, бесплатная, «народная»). Так что с Карповым проблем по этой части не будет. Ну а Корчной? А черт с ним, с Корчным!

Не забыла советская сторона и заранее, еще на заседании ЦК ФИДЕ. зафиксировать время начала игры. Обычно об этом договариваются между собой сами участники прямо накануне матча. В обсуждении принимают участие главный судья и организатор. Учитываются интересы прессы и особенности местных условий.

Но решить все сверху, директивой — это ведь так по-советски! Пусть недовольна пресса, пусть засыпает к концу партии Корчной. привыкший играть по-западному с 3—4 часов дня, пусть, наконец, в середине партии в зал врывается шум тропического дождя — в это время года ближе к вечеру он всегда бушует в Багио,— все равно! ФИДЕ решила начинать игру не раньше пяти часов вечера, и отменить это решение невозможно! Разгадка проста; Карпов — «сова», он засыпает где-то на рассвете, и в принципе ему чем позже начинать партию, тем лучше.

Прочитав в марте эти правила, я только развел руками. Попробовал внести еще два пункта — не тут-то было! Первый: «Участник не имеет права стоять над доской в тот момент, когда противник обдумывает ход». «Ну что вы,— сказал мне президент ФИДЕ,— на это же есть специальный пункт правил, что нужно вести себя по-джентльменски, не мешать противнику». «Да у Карпова привычка такая! — возразил я.— А когда он поймет, что

,мне это мешает, то станет делать так нарочно». «Что поделаешь, — ответил Эйве,— будете в каждом конкретном случае обращаться к арбитру».

Второй пункт: «Перед началом партии участники должны стоя приветствовать друг друга рукопожатием. В случае, если один из участников не намерен больше этого делать, он должен заранее сообщить арбитру о своем решении». Увы, и этот пункт- Доктор Эйве не принял, но обещал ознакомить с ним советскую сторону... Знаете, какое чувство возникло у меня после разговора с президентом? Что он не возражает, если моими Руками будет сброшено советское иго над ФИДЕ, но сам ни в чем не пойдет мне навстречу!

ДОМАШНИЕ ХЛОПОТЫ

Мне предстояло утрясти кое-какие организационные проблемы в своем лагере. Казалось, уж здесь-то все должно было быть в порядке — начиная с матча с Полугаевским у меня сложилась неплохая команда шахматных помощников: английские гроссмейстеры Реймонд Кин и Майкл Стин, а также бывший советский мастер Яков Мурей. Но...

Через два месяца после матча со Спасским я узнал, что Кин выпустил книгу о матче. Разрешения на это у меня он не спросил, хотя и опубликовал наши совместные анализы. Еще обиднее было то, что он работал над книгой вместе с Д. Леви — тем самым Леви, который ранее без спроса издал мои избранные партии; тем самым Леви, который к началу багийского матча подготовил к изданию книгу Карпова и Рошаля под скандальным заголовком «Шахматы — моя жизнь» (английская версия все той же «Девятой вертикали»). Скандальным потому, что за год до этого под точно таким же заголовком вышла в свет моя книга! Кстати, стала понятна и причина усталости Кина в последние недели матча со Спасским — он работал над книгой!

Поэтому перед матчем на Филиппинах мы с Кином заключили письменный контракт. В нем, в частности, говорилось, что в ходе соревнования секундант обязуется: во-первых, действовать исключительно в интересах участника матча; во-вторых, не работать над книгой о матче; в-третьих, согласовывать всю свою журналистскую деятельность с руководителем делегации.

Сейчас я отчетливо сознаю свою ошибку: уже тогда мне следовало отсечь участок организма, пораженный гангреной наживы! Я этого не сделал, решив сберечь нервную энергию, которая неизбежно ушла бы на создание новой команды,— я пытался вылечить, увы, неизлечимое...

Я догадывался, что матч предстоит трудный, долгий, что по ходу его будет возникать множество юридических, политических, психологических проблем, что противник будет во всеоружии. Мне предстояло найти человека, способного самоотверженно защищать мои интересы в этой борьбе. У меня в Швейцарии есть друг — фрау Петра Лееверик, уроженка Вены. В 19-летнем возрасте, вскоре после войны, она была похищена из Вены советской разведкой. Пытками и многодневным карцером ее, женщину, не говорившую тогда ни слова по-русски, заставили подписать бредовые показания, будто она — агент американской разведки! Так называемое «особое совещание» приговорило Петру

к 20 годам заключения, и без малого 10 лет она провела в сталинских лагерях.

Что говорить о беззащитной девушке, если даже руководитель австрийского Сопротивления Карл Сцоколь после освобождения Вены был выкраден из городской ратуши и оказался пленником СМЕРШа (см. «Московские новости» № 36, 1990).

«— Ты английский, американский шпион! — твердили следователи.— Ты хотел выведать и выдать наши планы...

Да, ему готовили участь Рауля Валленберга, таинственно исчезнувшего в 1945 году из Будапешта... Ведь СМЕРШ был той организацией, которая не отличалась разнообразием методов работы. Маршруты его жертв прочерчивались под копирку: Москва — Сибирь, далее — везде...»

Ее лагерь — Воркута — был описан Солженицыным в «Архипелаге ГУЛАГ». Непосильная работа, нечеловеческие условия жизни навсегда подорвали здоровье молодой женщины. Зато фрау Лееверик узнала, почем фунт лиха! Узнала, что представляет собой советская власть, советское государство с другой, непоказной стороны! Ей не надо объяснять, кто такой бывший военный прокурор, полковник юстиции в отставке Батуринс-кий — верный служака, который в годы сталинщины не раз (уж будьте уверены!) ставил свою подпись, обрекая когда на медленную, а когда и на быструю смерть невинные жертвы.

Да, единственным человеком, который мог бы достойно противостоять советским, была эта женщина, и мы решили, что она будет руководителем нашей делегации. Несмотря на угрюмое ворчание Кина, тщеславие которого, казалось, уже в тот момент, за два месяца до матча, было не в силах вынести подобного оскорбления и взывало к мщению.

Еще одна проблема волновала меня, мучала задолго до матча. Моя семья в Ленинграде! У моей жены и сына — невыносимое положение! Они — изгои в собственной стране, у них нет никаких гражданских прав. Но они от меня не отказались, им предложили сменить фамилию — они этого не сделали! Сыну, вынужденному оставить институт, стали угрожать призывом в армию. Он ушел из дома, скрывается от милиции в подполье. Несколько раз через родственников и знакомых я посылал им приглашения на выезд в Израиль. Трижды они подавали заявления на выезд. Им отказывали. Брежнев мог бы уже издать книгу, составленную из писем влиятельных в мире людей с просьбой освободить мою семью!

В апреле 1978-го я обратился с письмом к д-ру Эйве:

«Уважаемый профессор! Осмелюсь вернуться к теме нашего

Разговора 22 марта в Амстердаме. Я прошу ФИДЕ обеспечить мне равные условия в матче с Карповым. Я покинул СССР 20 месяцев тому назад по профессиональным мотивам. Моя семья — жена Изабелла и сын Игорь все еще в Советском Союзе. Они хотят воссоединиться со мной, так же, как и я. В июле прошлого года они попросили у властей визу в Израиль, но в ноябре п˚лучили отказ. Напоминаю Вам, что выезд в Израиль — единственный более или менее законный путь покинуть СССР.

В моих взаимоотношениях с советской стороной по этому вопросу есть одно слабое место: я не являюсь гражданином ни одной страны и не могу вызвать семью прямо к себе. Но это же была Ваша собственная идея —установить для меня гражданство ФИДЕ! Думаю, моя личная проблема все же больше связана с борьбой ФИДЕ за гражданские права, нежели проблема Шахматной федерации ЮАР, изгнанной из ФИДЕ по требованию советских!

Если уж советские так чувствительны к гражданским свободам в других странах, намекните им, что для начала неплохо было бы продемонстрировать свои внутренние свободы...

С лучшими пожеланиями В. Корчной».

Выпусти они семью, я не чувствовал бы на своих плечах такой страшной ответственности, да и политическое напряжение на матче было бы неизмеримо слабее. Вскоре я получил ответ от д-ра Эйве. Он, похоже, не воспринял мое послание всерьез и ответил в шутливой манере. Скорее всего это письмо было написано генеральным секретарем ФИДЕ, членом компартии Голландии мисс Инеке Баккер, а Эйве лишь подписал его. А ведь с этими людьми я в 1976 году во время турнира в Амстердаме обсуждал, остаться мне в Голландии или нет, и они были столь благожелательны...

Да, кстати. Говорят, в Голландии принадлежность к компартии не считается не только преступлением, но даже и сколь-нибудь компрометирующим обстоятельством. Между тем в странах классической демократии, таких, как США и Германия, члены компартии находятся под подозрением и принимаются далеко не на всякую государственную службу. Попробуем разобраться, кто тут прав.

Много лет назад я, тогда советский коммунист, повстречал женщину — члена находившейся в то время в подполье компартии Испании. Мы понравились друг другу, и между нами завязалась весьма доверительная беседа. «Расскажите о вашей стране, я мечтаю там побывать»,— попросила она. «Это колосс на глиняных ногах! — начал я.— Правительство СССР уверяет, что с утра до вечера печется о народе, на самом же деле оно вовсе не

интересуется его проблемами. Страна производит невероятно много оружия, а в магазинах пусто. Нет и никакой свободы. Вы, простая испанская женщина, побывали и во Франции, и в Германии, и в Африке, а если я* гроссмейстер, буду плохо играть в шахматы, меня вообшс никуда не выпустят...» Лицо женщины, еще минуту назад столь ко мне расположенной, вмиг изменилось. От возмущения она даже перешла с английского на испанский: «Как же можно посылать за границу людей, которые так плохо говорят о своей стране!»

Главное, что отличает коммунистические партии от остальных и роднит их между собой,— железная партийная дисциплина! Это — принцип демократического централизма, при котором решение большинства обязательно для каждого члена партии, даже если у него другое мнение, даже если по своей государственной должности он не имеет права его выполнять! Прежде всего он член партии! А уж потом — мужчина, женщина, гражданин, чиновник, шахматист — все что угодно!

Вот почему 28 июля 1976 года кальвинистка мисс Баккер сперва отвезла меня в глухую деревню к своим родителям, заверив, что это самое безопасное место во всей Западной Европе, а потом, сразу по возвращении в Амстердам, коммунистка Инеке Баккер обязана была сообщить о том, где я нахожусь, и своим соратникам по партии. И, как знать, не прояви тогда расторопность голландская полиция, не разделил бы я судьбу советского тренера по каноэ, похищенного из ФРГ на глазах изумленной Европы агентами КГБ?

...За пару дней до отъезда на Филиппины мы прочли в «Советском спорте» любопытную заметку — «Перед дальней дорогой». Вот ее начало: «Когда человек собирается в дальний путь, чтобы делать большое, нужное для всей страны дело, друзья провожают его добрыми напутственными словами. Сегодня их услышал Анатолий Карпов...»

Еще бы не большое, еще бы не нужное! После моего отъезда из СССР там постарались изъять из обращения всю шахматную литературу, где упоминается мое имя, всю литературу за 25 лет! В Советском Союзе — голод на шахматные книги, но издания, где упоминается мое имя, не принимают букинистические магазины! И имя этого «злодея» теперь снова предстояло печатать на страницах газет! Так пусть же этот матч будет таким же победоносным, как все три года его, Карпова, царствования, пусть он принесет еще больше славы советскому чемпиону мира!

Нет, славы этот матч Карпову не принес...

И меня провожали очень тепло, и мне писали письма — из многих стран, искренние, без всякого ложного пафоса. Вот одно

из таких напутствий:

«Дорогой Виктор! Ничуть не умаляя способностей Вашего соперника, мы видим в нем все же в первую очередь представителя партийных, идеологических шахмат, где партийные установки берут верх над спортивным началом. В этом смысле Карпов уже не соперник, а противник, ибо эта жизненная позиция избрана им самим. Сегодня Вы представляете Шахматы, и мы, веря в торжество шахмат над политикой, желаем Вам твердости и спокойствия. Мы желаем Вам победы.

Ваши преданные болельщики, бывшие советские политзаключенные Глезер, Мешеер, Корнблит (Беэр-Шева, Израиль)».

К сожалению, далеко не все на Западе поняли суть этого матча. Увы, легче обучить ориентироваться в лесу слепого, чем научить разбираться в окружающем мире политического слепца!

ПЕРВЫЕ СТОЛКНОВЕНИЯ

Перед самым началом матча, учитывая большой интерес прессы к предстоящему состязанию, я предпринял очередную попытку помочь семье. На аэродроме в Цюрихе, перед отлетом в Манилу, я обнародовал открытое письмо Л.И. Брежневу. Прибыв в Манилу, мы передали это письмо в советское посольство. Позднее, на своей пресс-конференции, я снова огласил текст письма:

«Глубокоуважаемый господин Брежнев!

К Вам обращается профессиональный шахматист, гроссмейстер, в недавнем прошлом гражданин СССР, ныне проживающий в Швейцарии. Два года назад, будучи не в силах терпеть явно недоброжелательное отношение партийно-советских спортивных руководителей и не имея возможности продолжать активную творческую деятельность в СССР, я эмигрировал на Запад.

В Советском Союзе осталась моя семья — жена и сын. Лояльные советские граждане, они, однако, движимые чувством любви к мужу и отцу, в июле 1977 года подали заявление на выезд из СССР. В ноябре 1977-го моей семье было отказано в визе на выезд. В устной беседе руководители милиции в Ленинграде не скрывали, что члены моей семьи — это заложники, которым предстоит расплачиваться за мой побег.

С момента подачи заявления на выезд прошло около года. Положение моих родных катастрофическое. Они лишены средств к существованию, возможности работать или учиться. К ним с подозрением и злобой относятся власти, люди избегают контактов с ними. Права, дарованные конституцией, сейчас резко ограничены для членов моей семьи, а обязанности — нет! Моего сына, который уже год как решил проститься с родиной, хотят забрать в армию.

Вы, господин Маршал Советского Союза, прославляете доблесть Мохаммеда Али, который отказался воевать во Вьетнаме, А мой сын тоже не хочет воевать, не хочет быть солдатом армии страны, где бессовестно травили его отца!

Странно, господин Председатель Верховного Совета СССР, что за развал работы, за создание нездоровых отношений в спорте наконец, за профессиональную некомпетентность советских руководителей — наказывают не тех, кто виноват, а тех, кто беззащитен...

На днях на Филиппинах начинается матч на первенство миро: между советским гроссмейстером, чемпионом мира А. Карповым и

мной.

Советское руководство не раз заявляло, что спорт должен быть отделен от политики. Ясно, что на этом принципе будут настаивать и страны, принимающие участие в Олимпийских играх, которые должны состояться в 1980 году в Москве.

Я обращаюсь к Вашему политическому благоразумию, господин Генеральный секретарь! Для того чтобы матч на первенство мира по шахматам прошел в нормальной спортивной обстановке, без политических осложнений, я прошу Вас разрешить моей семье покинуть СССР.

Я прошу Вас продемонстрировать добрую волю и выполнить одно из решений международного совещания по правам человека в Хельсинки, которое предусматривает объединение членов семьи,

Я обращаюсь к Вашему милосердию, господин Председатель. Прошу Вас проявить сострадание к двум гражданам СССР, жизнь которых волею судьбы не связана более с жизнью советского общества, и разрешить им выезд из Советского Союза.

Гроссмейстер Виктор Корчной».

Во время пресс-конференции письмо, переданное в посольство, было возвращено ко мне в отель. Конверт был надорван, внутри — ни слова ответа. Что ж, дипломаты каждой страны по-своему понимают свой долг.

Не будем наивны: с содержанием письма, конечно, ознакомились сотрудники посольства, руководство советской делегации и, без сомнения, кто-то из советского правительства. После получения письма в посольстве, похоже, возникло замешательство. За Батуринским была срочно послана машина, и его доставили для консультации. Прямого ответа на письмо так и не последовало. Но месяц спустя Батуринский в своем заявлении упомянул о политических инсинуациях и провокациях Корчного накануне матча, наверняка имея в виду прежде всего мое письмо Брежневу.

Распространенная логическая ошибка — замена местами причины и следствия, охотно допускаемая советскими в политических спорах! Что же все-таки провокация: факт преследования моей семьи или упоминание этого факта?!

...Итак, 2 июля в Манилу прилетела моя группа в составе пяти человек: Кин, Стин, Мурей, фрау Лееверик и я. Ночью прибыли советские в составе 14 человек... Я был психологически готов к жестокой борьбе, но тем не менее факт прибытия столь крупного отряда поверг меня в состояние депрессии.

3 июля состоялась пресс-конференция советской делегации. Прошла она довольно скучно. В своем заявлении Батуринский отметил, что они приехали играть в шахматы, чистые шахматы. И

почему-то никто из корреспондентов не спросил: если они приехали именно с этой целью, почему их так много?! Впрочем, советские, сколько могли, пытались держать в тайне состав своей делегации. Один из журналистов задал вопрос о моей семье. Но на это был все тот же придурковатый ответ: «Мы приехали играть в шахматы, больше ничего не знаем».

Моя пресс-конференция состоялась на следующий день. Я зачитал письмо Брежневу, заявил, что ответственность за бедственное положение моей семьи несет Советская шахматная федерация, что если бы Карпов хотел, он благодаря своему исключительному положению в СССР мог бы добиться, чтобы семью выпустили. Снова — в который раз! — я отметил, что человек с таким прошлым, как у Батуринского, не имеет права возглавлять шахматную делегацию в матче на первенство мира.

Пользуясь присутствием на пресс-конференции Таля, я бросил упрек и ему: «Не имеет права гроссмейстер писать о другом гроссмейстере гадости, заведомую ложь!» — и показал газету, где Таль писал, что низкопробные трюки Фишера были превзойдены Корчным в матче со Спасским... Имеет право, дорогой читатель! Представьте, что вы гроссмейстер экстракласса и вам три года не позволяют выехать на международные турниры за границу,— вы и не такое напишете!

Кстати, меня спросили, не опасаюсь ли я за свою жизнь. Я ответил, что в этом матче нужен Карпову как партнер, и если проиграю, то все в порядке. Но если паче чаяния выиграю — вот тогда уж мне точно придется опасаться за свою жизнь!

Через несколько дней по нашей настоятельной просьбе Кампоманес разрешил нам взглянуть на паспортные данные приехавших советских. Не сразу разобрались мы, кто есть кто, но в конце концов картина прояснилась. Итак:

1.Карпов.

2.Батуринский — руководитель делегации, полковник юстиции в отставке, начальник отдела шахмат и шашек Спорткомитета СССР и зампред Шахматной федерации.

3.Калашников— заместитель руководителя делегации, образование высшее техническое, агент КГБ.

4.Балашов — гроссмейстер, старший тренер.

5.Зайцев — гроссмейстер, второй тренер.

6. Таль — экс-чемпион мира, корреспондент журнала «64», третий тренер. Собственно, всем было ясно, что он активно помогает Карпову, хотя обнародовано их сотрудничество было только после матча.

7. Рошаль — пресс-атташе Карпова, корреспондент ТАСС (профессиональный лжец.— В.К.), агент КГБ.[2]

8. Гершанович — личный врач Карпова.

9. Зухарь — личный психиатр и психолог Карпова, сотрудник одного из закрытых НИИ (авиакосмической медицины).

10.Крылов — специалист по физкультуре, агент КГБ.

11.Пищенко — личный телохранитель Карпова, крупный специалист по каратэ, агент КГБ.

12. Повар-диетолог, фамилию не помню, записать не разрешили. Как стало ясно во время матча, специалист по приготовлению допинга в съедобном виде.

13,14. Переводчики с английского и испанского языков, тоже советские разведчики.

Добавим, что вскоре после начала матча Карпов затребовал советского массажиста, хотя на Филиппинах в этих специалистах недостатка нет. Ему действительно прислали — то ли из посольства, то ли даже из Советского Союза. Добавим, что матч «курировали» работники советского посольства в Маниле: то один, то другой, то сразу несколько неизменно сидели в зале в первых рядах. Добавим, что по ходу матча в Багио прибыли: Васюков — гроссмейстер, четвертый тренер, Севастьянов — космонавт, председатель Советской шахматной федерации, Ивонин — зампред Спорткомитета СССР.

Вот, читатель, в центре какого «шабаша чертей» я оказался!

В. Батуринский: *«Особое неудовольствие претендента вызвал состав советской делегации. «Их приехало слишком много, и неизвестно с какими целями»,— шумел он. Более половины членов нашей делегации были немедленно зачислены в секретные агенты. Больному воображению беглого гроссмейстера они мнятся везде» (из книги «Страницы шахматной жизни», Москва, 1983).*

Вспоминает экс-чемпион мира по международным шашкам Исер Куперман:

«По своему положению в шахматно-шашечном мире страны Батуринский являлся подлинным боссом, хозяином. От него зависело очень многое — присвоение почетных званий, различные льготы, стипендии и, самое главное, поездки за границу. Бывший военный прокурор, умный, настойчивый, злой и беспощадный, Батуринский весьма устраивал советское руководство. Он неуклонно и последовательно проводил жесткую официальную политику...

Задолго до того, как взошла звезда моподого Карпова, Батуринский по достоинству оценил его возможности и стал опекать, всемерно выдвигая, рекламируя и содействуя в различных делах, помогая даже одерживать победы... При полном содействии Бату-ринского Карпов позже занял пост главного редактора «64». Так как Анатолий не может постоянно и серьезно руководить

журналом, его желания и волю проводит там журналист Алик Рошаль, систематически возвышающий и рекламирующий Карпова везде, где это только возможно. Что и обеспечивает вездесущему Рошалю определенный авторитет в руководящих кругах и право на поездки за границу, в том числе и на матчи Карпова с Корчным» (из книги «Судьба чемпиона», Тель-Авив, 1984).

Мы приехали в Багио. Погода стояла скверная, было скучно. Впрочем, мы работали.

Изучили дачу, отведенную нам организаторами. Это, кстати, идея Карпова — загородная вилла на время матча. Идея претенциозная, показывающая размах молодого чемпиона: не каждый организатор способен тратить такую уйму денег! Хорошо, что правительство Филиппин отпустило на проведение матча целый миллион долларов — видно, нужен был этот матч правительству!

9 июля в Багио прибыл главный судья, немецкий гроссмейстер Лотар Шмид. Мы предложили сразу начать переговоры, уточняющие детали матча, чтобы не спеша все обсудить. Но советские настаивали на начале переговоров за два дня до открытия. Настаивали и настояли! Почему это, когда они настаивают, то всегда добиваются своего?! Наверное, они всегда правы! Интересно, что по этому поводу думают в Китае...

Своеобразным было открытие матча — в два этапа. За день до официальной церемонии посол СССР В. Михайлов устроил прием в Багио, на котором присутствовал президент Филиппин Ф. Маркое. Для нашей же группы Кампоманес организовал вечером коктейль-парти. Ни сам Кампоманес, ни президент страны на нем не присутствовали.

В тот же день, 12 июля, Батуринский «по поручению чемпиона» — эту формулу нам еще не раз придется услышать — обнародовал заявление. Заслуживают упоминания три пункта этого меморандума.

Карпов в интересах поддержания нормальной спортивной обстановки согласен обмениваться рукопожатием перед игрой стоя, за исключением случаев, когда один из участников опаздывает на игру.

Карпов не возражает против использования мною специального кресла, но требует подвергнуть его проверке.

Американский литератор Эмануил Штейн, впоследствии пресс-атташе Корчного: *«Как только спутники Карпова узнали, что Корчной привез с собой на матч кресло, в котором можно легко то отклоняться назад, то подаваться вперед, они затребовали «мебель» для лабораторного анализа. Рентгеновские лучи ничего не обнаружили. Точно такой же результат показал в*

1972 году анализ кресла Р. Фишера во время его встречи с Б. Спасским. Уместно напомнить, что регламент матча не оговаривал качество кресел...» (из статьи «Кентавровы шахматы», , «Континент» № 21, 1979).

В. Батуринский: *«На всякий случай кресло Корчного подверглось проверке путем рентгеновского просвечивания, и врач-рентгенолог выдал официальную справку о том, что «пациент здоров, подозрительных затемнений не обнаружено» («Страницы шахматной жизни»).*

А последний пункт заявления принадлежал, несомненно, перу самого Батуринского. Полувопросительно, полуутвердительно, со скрытой угрозой, он запрашивал, приняты ли меры для того, чтобы оградить участников матча и других уважаемых лиц от оскорблений. Непоколебимый и мстительный, как сама советская власть, он давал понять, что за выступление на пресс-конференции он со мной рассчитается!

На следующий день собралось так называемое апелляционное жюри. Оно было составлено д-ром Эйве с присущей ему, гражданину свободного мира, объективностью: Батуринский, Лееверик, Малчев (Болгария), Эдмондсон (США), Шмид (ФРГ), Кампоманес, Лим Кок Анн (Сингапур) — председатель. Состав выглядел вполне нормально — Батуринский и Лееверик представляют собой как бы два полюса, Малчев, пожалуй, должен быть скорее на стороне советских, зато Эдмондсон по идее должен склоняться в мою сторону. Главный судья и организатор матча — их нейтральная позиция очевидна! А председатель? Ну, председатель вообще должен быть образцом объективности!

Извините за небольшое отступление, читатель. Давно известно, что для большевиков объективности в политических вопросах не существует. Великий практик коммунистического строительства Владимир Ильич Ленин заклеймил «буржуазный объективизм» еще до рождения советского государства! Для советских деятелей не существует логики, честности, объективности в политической борьбе (а какая борьба не носит политического характера?!). То, что нужно советским, то и есть логично, честно, объективно! И западный деятель, не приученный к такой морали, оказывается в тупике! Он пасует перед людьми, не сомневающимися в своей правоте, нахальными, бескомпромиссными, готовыми на все ради достижения своей цели!..

Так и в нашем случае. Жюри немного поартачилось, а потом, уступив оголтелому, безудержному напору, пошло на поводу у советских — голосуя против меня, голосуя против собственных

решений, голосуя против своей совести! — лишь бы те были довольны, лишь бы наконец стало тихо.

Как тут не вспомнить, что Советский Союз всегда был инициатором демагогической кампании за мир во всем мире. в самой стране люди смеялись: «Да войны-то не будет. Но будет такая борьба за мир, что камня на камне не останется!»

….Итак, первое заседание жюри. Присутствует д-р Эйве, несколько разряжая накал страстей своим авторитетом. Центральный вопрос — могу ли я играть под флагом Швейцарии? Если да — значит, я нахожусь, под защитой швейцарского государства, Шахматной федерации Швейцарии. У нас есть бумаги. Федерация поддерживает меня, государство согласно взять под свою опеку. Батуринский заявляет, что по правилам ФИДЕ я должен один год находиться в стране, чтобы иметь право на флаг. Эйве отвечает, что в правилах ФИДЕ такого пункта нет.

Покидая Германию, Шмид запросил мнение авторитетной независимой юридической организации по данному вопросу. Это мнение, в виде трактата на 10 страницах, зачитывается. Суть рассуждения юристов: для того чтобы обеспечить правовое равенство в матче, мне должны предоставить возможность играть под государственным флагом.

Батуринский упирается. Он считает, что я могу играть только с надписью «Stateless» («без гражданства»). Жюри не поддерживает его. Все ясно: у юридической организации и у — пока еще объективных! — членов жюри стремление к равенству участников, у советской стороны — наоборот. Батуринский в бешенстве! Потеряв самообладание, с пеной у рта, он срывается с места: «Я — ответственный представитель советского государства,— кричит он.— Если у Корчного будет флаг, мое правительство не согласится начать этот матч!» И хлопает дверью.

Вот это да! Вот это козырь! Матч не состоится? А как же быть организаторам, которые уже затратили столько усилий и средств?! Я понимаю Кампоманеса — на следующий день он голосовал за Батуринского. Логично: допустим, я откажусь играть без флага и матч со мной не состоится. Ну и что. приедет Спасский! Да здравствует ФИДЕ и подготовленные ею правила матча!

Назавтра жюри раз и навсегда сдалось шантажу советских. Большинством четыре против двух (Шмид, Лееверик) при одном воздержавшемся (Лим Кок Анн) меня лишили флага. Затем в связи с моим протестом было принято компромиссное предложение Эдмондсона: на сцене рядом с флагами ФИДЕ и Филиппин будет флаг СССР, а на столике для игры флагов не

будет вообще.

Прав все-таки старик Ленин: объективности — золотой середины — не существует! Объективный Шмид запасся объективным мнением юристов и — сыграл мне на руку. А нейтральный Эдмондсон, большой любитель компромиссов, лишь помог советским в их нелегком еще положении. Отныне я был лишен не только и не столько флага, сколько юридического равенства!

А вот что писала наша пресса три года спустя, касаясь матча Карпов — Корчной в Мерано: «Советская делегация с самого начала была настроена на то, чтобы борьба за шахматной доской велась по всем правилам ФИДЕ и в соответствии со спортивной этикой. Именно поэтому наша делегация, без лишних споров и дискуссий, согласилась, чтобы человек без родины — Корчной — играл под флагов

Швейцарии...» Это, пояснил Рошаль,— «формальное нарушение, которое чемпиона мира... не интересует».

Удивительно все-таки, как порой в зависимости от географии меняются интересы и представления о спортивной этике!..

Можно ли было тогда предположить, что багийская история с флагами когда-нибудь повторится? И тем не менее она повторилась в нью-йоркском матче 1990 года между Каспаровым и Карповым. Вот отрывок из интервью Г. Каспарова в журнале «Шахматы в СССР» (№ 4, 1991):

«— Вначале ваше решение играть под трехцветным флагом России не встретило особого протеста со стороны коммуниста Карпова. На открытии он сказал, что ему все равно, под каким флагом вы будете играть. Но потом он, видно, одумался...

— Просто они вначале не знали, что делать. Карповская делегация ждала инструкций из Москвы. А когда они поступили, было принято такое же решение, как в свое время в Багио, когда Корчного заставили снять швейцарский флаг и одновременно убрали со столика советский. А теперь им так мозолил глаза трехцветный российский, что они с готовностью пожертвовали и своим, красным».

На следующий день было торжественное открытие матча. На церемонии, наряду с гимнами ФИДЕ и Филиппин, должен был исполняться и советский гимн. Я сомневался, вставать ли мне в этот момент или демонстративно остаться сидеть... И вдруг вместо советского гимна заиграли «Интернационал» — гимн коммунистов всего мира! «Где я, уж не на съезде ли КПСС?» — подумалось мне. Зал поднялся, встал и президент Маркое. Мы с фрау Лееверик остались сидеть: в конце концов, только коммунисты обязаны отдавать честь этой музыке... Словом,

вышла ошибка, но вот вопрос: преднамеренная или случайная?

Б. Црнчевич: «А потом раздалась «Ода к радости» Бетховена, выбранная для этого случая Виктором Львовичем — человеком без гражданства, флага и гимна. Он не встал, когда исполнялся «Интернационал», который не является гимном Анатолия, Анатолий не встал, когда исполнялась ода Бетховена, которая не является гимном Виктора. Флоренсио Кампоманес, этот Бог Шива, избежал возможного скандала» («Эмигрант и Игра»).

Тем же вечером состоялся торжественный ужин. На почетном месте сидел президент Маркое, справа от него Карпов, слева — я. Перед началом ужина я незаметно вручил Маркосу письмо с просьбой помочь моей семье. За столом он прочитал его и обещал подумать, чем бы он мог посодействовать. Ответа на письмо я так никогда и не получил...

После того как меня лишили флага, мне пришло несколько интересных писем. Вот одно из них — из американского штата Техас:

«Мы недавно узнали, что Вы играете в шахматы без права на Знамя и гимн. Жаль, ибо Вы производите впечатление настоящей личности, человека, который не боится нести ответственность за свои убеждения. Такие люди — редкость в мире. У нас в Техасе люди с таким цельным характером вызывают восхищение. Мы предлагаем Вам самое ценное, что у нас есть,— флаг Техаса. Одинокая звезда символизирует самобытность нашего штата.

Пусть Божья длань придаст Вам силы!

P. S. Желаем приколоть продубленную шкуру Вашего противника к стене Вашего сарая!

Вин Харрис, Джеймс Мансур».

К письму была приложена посылка со знаменем штата Техас!

А вот другое любопытное письмо — с трогательным предложением играть под флагом одной крошечной страны в Юго-Восточной Азии:

«Нам поручено сообщить Вам, что если Вы попросите, то Вам будет разрешено играть под флагом нашей страны и Вам доставят сам флаг. Если Вы пожелаете, то получите гражданство до начала матча. Если этого недостаточно, то Вы могли бы быть назначены президентом национальной шахматной федерации со всеми полномочиями. Если и этого недостаточно, тогда Вы можете стать послом нашей страны на Филиппинах...»

Не скрою, приятно было получить такое письмо. Но, опасаясь прямой конфронтации с президентом Маркосом — уже не вокруг шахматной доски, а вокруг острова в Южно-Китайском море, я не принял предложенную мне заманчивую синекуру...

СЮРПРИЗЫ НА СТАРТЕ

И вот сидят они: один -— герой народа,
Что пьет кефир в критический момент,
Другой — злодей без имени и рода,
С презрительным названьем «претендент»
Конец 70-х. Автор неизвестен.

А. Рошаль; «Здесь воочию еще раз убеждаешься, как много поклонников у чемпиона мира— сильнейшего на планете шахматиста... Претендент, вызывая осуждение истинных поклонников древней увлекательной игры, делает «ходы» не только за шахматной доской» (ТАСС, «Советский спорт» и т. д.).

Первая партия состоялась 17 июля. Она оказалась не слишком волнующей и закончилась вничью на 19-м ходу.

По ходу 2-й партии возникла новая проблема во взаимоотношениях с советской стороной. В середине партии Карпов получил от своих помощников напиток, напоминающий по виду фруктовый кефир, который советские назвали «йогуртом». Казалось бы, кто станет возражать, чтобы столь невинный продукт был передан на сцену во время игры?!

Однако дело тут не в названии, а в принципе. По правилам ФИДЕ во время партии связь игрока со зрительным залом запрещена. Однажды в Белграде фрау Лееверик пыталась передать мне шоколад, который я случайно забыл взять на игру, но главный судья Кажич этого — резонно — не разрешил. На сей же раз судья почему-то ничего не предпринял...

Обычно я беру с собой на игру чай или сок, шоколад и что-нибудь еще. Карпов мог поступать так же, но он решительно отказался. Жюри потратило целый день, обсуждая эту проблему. Протест, который зачитала фрау Лееверик, был написан Кином в полушутливой манере — дескать, можно рассматривать передачу «йогурта» как подсказку Карпову, где цвет продукта указывает, какой тактики ему придерживаться в партии. Был зачитан и ответ Батуринского. Полковник с удовольствием подхватил шутку и развил ее, но отвечать по существу был не намерен.

А. Рошаль: «Присутствующие на матче журналисты метко окрестили этот «протест» «бурей в стакане кефира» (ТАСС, «Советский спорт» и т. д.).

А. Карпов: «У меня даже нет слов, чтобы прокомментировать поднятую лагерем претендента «бурю в стакане кефира», как метко окрестил случившееся советский журналист в своем газетном сообщении» (из книги «В далеком Багио», Москва, 1981).

Окончательно прояснил проблему авторства В. Батуринский: «Этот «вопрос», названный... нашим пресс-атташе А. Рошалем «бурей в стакане кефира», на полном серьезе обсуждался жюри» («Страницы шахматной жизни»).

Так в чем же дело? Почему Карпов не берет напиток с собой? Оказывается, продукт может испортиться. Приготовив, его нужно сразу же подавать, иначе даже холодильник не поможет!.. Чем, вы думаете, закончилось обсуждение? «Жюри матча, естественно, развеселилось и отвергло глупый протест,— рассказывал позднее Карпов.— А вот у главного арбитра почему-то чувство юмора тогда отказало. Он заговорил о цвете напитка, хотя, повторяю, цвет — посветлее и потемнее — зависит только от пропорции жидкого продукта в стакане. Попросил меня судья, чтобы еда эта передавалась в одно и то же время — 19 часов 15 минут, примерная середина игры. Мне не хотелось спорить, и я согласился...»

Было интересно наблюдать, как «йогурт» носили под мышкой в течение двух часов, как затем передавали Карпову, как он пулей срывался с места и уничтожал продукт.

Не кажется ли вам все это странным, читатель? Мне — кажется. Я заметил, что после «йогурта» Карпов частенько начинал играть со скоростью пулемета! Нужна ли вам разгадка? Советские не доверяют никому на свете (вспомните хотя бы эпизод с креслом), но можно ли доверять им самим? Не мешало бы взять этот «йогурт» на химический анализ: хотя ФИДЕ не выразила своего отношения к допингу, весь мир осуждает его применение во время спортивных соревнований.

Эм. Штейн: «Подавляющее большинство журналистов, как советских, что понятно, так и западных, считало, что в «буре в стакане йогурта» виновен лишь претендент, что его молочные претензии не стоят выеденного яйца... Монреальское жульничество чемпиона мира и Олимпийских игр 1972 г. по современному пятиборью коммуниста Бориса Онищенко было, как по мановению волшебной палочки, забыто, несмотря на то, что телевизор запечатлел обман для зрителей многих стран. Да, да, Карпов не Онищенко, но шахматный король был под неустанной опекой КГБ, то бишь Батуринского и Ивонина, а уж те толк в спорте знают. Корчной конечно же помнил, как именно КГБ «делал» матчи советских хоккеистов с канадцами в Москве. Сначала]- всесильные органы телефонными звонками старались вывести из себя заморских гостей. Не помогло! Три оперативные группы тогда успешно применили «воровской» вариант и похитили у канадцев их мясной запас, привезенный специально из Канады, что-то около полутора центнеров. И что вы думаете?

Желудок-то и сломал боевой дух спортсменов из Страны кленового листа. Сотрудники Комитета госбезопасности за это мероприятие получили награды и... попали в книгу Джона Баррона «КГБ». Вот и верь в йогуртную честность советской делегации!» («Континент» № 21, 1979).

Третья партия оказалась более содержательной, чем две предыдущие. Карпов попал под опасную атаку. К сожалению, в решающий момент я не нашел сильнейшего продолжения, и он защитился.

В 4-й партии, играя черными, я без труда уравнял игру — снова ничья. Накануне этой партии д-р Эйве сообщил, что он уезжает, а посему назначает Кампоманеса ответственным представителем ФИДЕ на матче. Помилуйте, ведь человек, заинтересованный в финансовом успехе,— будь он даже ангелом! — не может оставаться нейтральным во всех вопросах, связанных с соревнованием. По-моему, это ясно как день.

Итак, на 4-й партии Эйве уже не было. И, по странному совпадению, в зале появился удивительный субъект! Он сидел в одном из первых рядов, пристально смотрел на меня, всячески стараясь привлечь мое внимание. Бесспорна была и его связь с Карповым. Вообще, он сидел все пять часов неподвижно, на одном месте — его усидчивости мог бы позавидовать робот! — но в моменты, когда очередь хода была за Карповым, он просто каменел. Можно было почувствовать колоссальную работу мысли в этом человеке!

Б. Црнчевич: «Виктор Львович предвидел, что Анатолий привезет с собой в Багио человека злой науки, парапсихолога, и поручил фрау Лееверик найти его. Она это и сделала. Она заметила доктора Владимира Зухаря, который, сидя в 4-м ряду, неестественно дрожал и изо всех сил таращил глаза то на Виктора, то на Анатолия. И Корчной оповестил свое войско, что колдун на месте» («Эмигрант и Игра»}.

Субъект мне не понравился. Я попросил фрау Лееверик обратить на него внимание и по возможности не оставлять в зале одного. Я попробовал поставить вопрос о Зухаре на жюри — выяснить его личность и отсадить от сцены подальше. Но эта первая попытка окончилась полной неудачей. На запрос фрау Лееверик Батуринский ответил с достоинством: «Придет время — мы вам скажем, кто он такой, а пока это турист!»

Спустя несколько дней мы подали протест: попросили жюри, чтобы советские представители сидели на местах, специально отведенных в амфитеатре для членов делегаций. Тут Батуринский заявил, что существуют официальные и неофициальные члены делегаций и что специальные места предназначены лишь для

официальных членов! В правила ФИДЕ я бы внес это заявление как «поправку Батуринекого». С точки зрения юридической, это полный абсурд: если ни в правилах ФИДЕ, ни в письме чемпиона накануне матча не было деления помощников на «официальных» и «неофициальных» — значит, такого деления не существует. С точки зрения практической, это просто обман: тренеры и врачи, никак не влияющие на игру, сидят вдалеке, а психолог и вооруженные агенты КГБ — рядом со сценой!

А Ивонин, официальный руководитель шахмат в СССР, как он может быть «неофициальным членом»?! Тот самый человек, который в январе 1975 года, осудив мое поведение, сообщил мне в своем кабинете, какой каре я буду подвергнут. «А если вы и дальше будете вести себя неправильно.— добавил Ивонин,— то мы с вами, не побоюсь этого слова, расстанемся...» Мы с ним и впрямь расстались — только совсем не так, как он подразумевал! А теперь один его вид вызывает у меня тошноту! И он «поправкой Батуринского» получил право сидеть в первых трех рядах — среди почетных гостей!

Что ж, признаем приоритет советских: в толковании законов — не только шахматных, а любых — им нет равных!

А что же жюри? Оно без колебаний приняло эту поправку...

Пятая партия была отложена в нелегком для Карпова положении. Мне и сейчас трудно понять, как случилось, что ни секунданты, ни корреспонденты-гроссмейстеры, ни я сам не видели записанного хода Карпова. Ход был действительно сильный, и мне пришлось уже за доской потратить минут сорок, чтобы наметить план игры. Вскоре после начала доигрывания я оказался в жестоком цейтноте. А тут неожиданно соперник позволил дать себе мат в несколько ходов, а я упустил этот шанс!

В дальнейшем моего преимущества оказалось недостаточно для выигрыша. Сперва я проверил точность защиты Карпова в трудном для него окончании, а потом, установив, что он хорошо усвоил «домашнее задание», доставил себе удовольствие запатовать чемпиона мира. Во-первых, мне не нужно было в этом случае обращаться к нему с предложением ничьей. А во-вторых, как ни закономерен пат в шахматной партии, получать его чуть-чуть унизительно. Смешно, но факт! Наверное, после этого случая Карпов счел себя в известной мере оскорбленным.

И еще кое-что в связи с 5-й партией. Когда после продолжительного доигрывания была наконец зафиксирована ничья, советский полковник юстиции на глазах у всего честного народа расцеловал филиппинского миллионера Кампоманеса!

В 6-й партии я вновь легко уравнял игру, и Карпов вскоре предложил ничью. Тут я слегка смалодушничал. Было видно, что

позиция Карпову не нравится, да и времени он затратил больше... Увы, я тоже не железный. Напряженное доигрывание накануне сказалось и на мне, и я согласился на ничью.

Начало 7-й партии было отмечено инцидентом, который ввиду своей незначительности не был отражен прессой. Напомню читателю, что накануне матча по моему предложению была принята церемония рукопожатия перед партией стоя (в своих предложениях я особо настаивал на этом пункте, ибо в 1974 году в Москве 23-летний Карпов был не слишком вежлив по отношению к своему 43-летнему противнику).

Совсем недавно Карпов преподнес шахматному миру новую версию событий в Багио: «В своих предматчевых интервью Корчной не брезговал ничем — лишь бы вывести меня из равновесия. По его настоянию перед партией и после нее мы не обменивались рукопожатием» («Сестра моя Каисса», Нью-Йорк, 1990).

Придя на игру, я увидел сидящего Карпова. Он не поднялся, когда я подошел к столу. Я сел, но тут приподнялся Карпов и протянул мне руку. Он застал меня врасплох, на лице его появилась укоризненная усмешка. Справившись с законом инерции, через секунду поднялся и я... Все прошло незамеченным для журналистов и даже для главного судьи. Сейчас мне ясно, что это была тонко задуманная увертюра к спектаклю перед следующей партией...

А пока началась 7-я партия — пожалуй, первая из множества ненормальных в этом матче. В обмен на неожиданность перед началом встречи я застал Карпова врасплох в дебюте! Применив интересную идею Мурея, я получил подавляющий позиционный перевес. Карпов сидел бледный, со слезами на глазах. А мне было не до него: опасаясь советского психолога, я решил вести эту партию из укрытия — сидеть в основном не на сцене, а в комнате отдыха перед монитором. Только когда Карпов делал ход, я волей-неволей садился за доску, не желая повторять поведение Спасского в матче со мной. С непривычки — обычно я сижу за доской почти все пять часов — я играл далеко не лучшим образом.

Партия была отложена. Все вокруг считали мое положение безнадежным. Мы с секундантами бросили взгляд на позицию и тоже пришли к выводу, что ее не спасти. Стин с Муреем пошли к себе, а Кин отправился посылать очередной телекс в «Спектейтор», где сообщил миру, что мне пора сдаваться...

Надо отдать должное фрау Лееверик: чутье подсказало ей, что не все еще потеряно и секундантам рано ложиться спать. Она привела ко мне отбрыкивающегося Мурея (как потом оказалось,

он просто хотел спокойно поработать над отложенной позицией у себя в номере), и вдвоем мы нашли путь к продолжению борьбы. Еще не верный путь к ничьей, но реальные шансы на спасение.

Представьте себе всеобщее удивление, когда на следующий день, взглянув на мой очевидный записанный ход, Карпов... предложил ничью! В чем же дело? Ведь накануне, при анализе 5-й партии, наша группа проявила себя явно не с лучшей стороны — и вдруг Карпов оказывает ей такое доверие!

Приведу одно из писем, полученное мною в те дни:

«Мне кажется вполне вероятным, что ваши противники установили микрофоны (а возможно, фотокамеру или «подглядывателъ») в комнатах, где вы анализируете отложенные позиции. Доказательство? Когда Мурей нашел спасительный ход в позиции, которая казалась проигранной, Карпов на следующий день тут же предложил ничью — даже не пожелав выяснить, найден ли вами этот ход. Если бы он обнаружил эту единственную защиту сам, без подслушивания, то подождал бы предлагать ничью и сделал пару ходов, чтобы убедиться в том, что и вы нашли эту защиту...

Мортон Делман, США». В принципе я согласен. Другого объяснения этому парадоксу мы не нашли.

Кстати, маленькая деталь. У нас в отеле была мощная охрана, и без разрешения, моего или Кампоманеса, в наши комнаты не мог проникнуть и таракан... И другая деталь: ежедневные телексы, посылаемые Кином в Лондон (без моего ведома!), служили постоянным источником информации о работе нашего мозгового центра. Каждая строчка проходила инспекцию Кампоманеса, тесно связанного с советской стороной.

Будьте осторожны, участники будущих матчей! Возможности организаторов, если они избирают себе фаворита, почти безграничны!

ОБСТАНОВКА НАКАЛЯЕТСЯ

Б. Црнчевич: «Время от времени я замечаю в глазах Виктора Львовича грустную тень. Вспоминается ли ему тогда Ленинград, где он прожил большую часть своей жизни? Думает ли он о сыне Игоре, который отказался служить в армии и тем самым обрек себя на тюрьму? Его глаза в эти минуты добрые, детские!..

Когда же я смотрю на него, окруженного английскими, голландскими, австрийскими, американскими и прочими журналистами, когда слушаю его резкие, язвительные ответы на их вопросы, то иногда ловлю себя на мысли: а вдруг Виктор Львович неожиданно сойдет с ума и печально заговорит о своем одиночестве, выскажет все, что накопилось у него на сердце.— и... навсегда замолкнет. Что все эти журналисты знают о нем, что все мы знаем о нем?!» («Эмигрант и Игра»).

Мое поведение во время 7-й партии не прошло незамеченным. На наш, составленный Кином, протест с требованием отсадить Зухаря из передних рядов в глубь зала последовал ответ Батуринского (от 5 августа):

«...Доктор медицинских наук, профессор Владимир Зухарь прибыл в Республику Филиппины в составе советской делегации (признал наконец! — В. К.), хотя и не является официальным лицом, предусмотренным регламентом матча (однако официальный член делегации! — В. К.)... Профессор Зухарь является специалистом в вопросах психологии и неврологии с большим стажем и безупречной профессиональной репутацией (д,о Багио! — В. К.). В течение нескольких лет он консультирует чемпиона мира в пределах своей компетенции. В современном спорте, включая шахматы, проблемы психологии имеют общепризнанное научное значение, и многие спортсмены и команды пользуются услугами и советами психологов как в процессе подготовки, так и во время соревнования. Между прочим, в книге г-на Корчного, изданной в 1977 году в Голландии... автор сообщает, что в 1974 году, во время финального матча претендентов, он прибегал к услугам одного ленинградского психолога Гда, это был Рудольф Загайнов; ну и что, были жалобы? — В. К.). Присутствуя на матче в Багио, доктор Зухарь внимательно наблюдает за психологическим состоянием чемпиона мира, в том числе и во время партии, и, естественно, может обращать внимание на поведение его соперника, что не запрещено правилами».

Далее Батуринский доказывал, что Зухарь не нарушает никаких правил. Обыгрывая юмористические обороты письма

Кина, он писал, что, если во время всех партий Зухарь ни разу не сходил в туалет, в этом тоже нет криминала.

«Г-н Кин в своем письме указывает, что самый факт присутствия Зухаря в зале и его взгляды, обращенные на сцену, нервируют г-на Корчного, и намекает на то, что доктор Зухарь обладает способностями гипнотического влияния. Эти обвинения являются абсолютно бездоказательными как с фактической, так и с научной стороны. Между прочим, уместно вспомнить, что аналогичные беспочвенные подозрения или обвинения г-н Корчной выдвигал и прежде, например, в матчах с М. Талем (1968 г.), А, Карповым (1974 г.) и Б. Спасским (1977/78 г.)».

Последняя фраза требует комментария. Батуринский неплохо осведомлен — лучше, чем я! Он включил в список матч с Карповым 1974 года, насчет которого я не имел не то что «беспочвенных», но и вообще никаких подозрений! Становится ясно, что уже тогда предпринимались попытки оказать на меня психологическое воздействие! Как говорится, на воре шапка горит...

Что касается матча с Талем, то и тут полковник в поисках компромата вспомнил не то, что надо. Да, я ощутил гипнотическую связь между Талем и его врачом, и по моей просьбе врача пересадили. Но на этом весь «инцидент» и был исчерпан.

Вспоминает главный судья того матча Герман Фридштейн:

«Я хорошо знал случай, когда вмешательство человека, обладающего определенным гипнотическим даром, повлияло на исход партии. Что бы там ни было, проигнорировать замечание Корчного я не имел права... Поговорил с упомянутым врачом— попросил его не садиться ближе 10-го ряда, мотивируя это примерно следующим образом: «Не знаю, оказываете ли вы какое-либо влияние на партнеров, но если ваше присутствие рядом со сценой нервирует одного из играющих, то я, как главный арбитр, и вы, как врач, должны быть заинтересованы в том, чтобы этого не было».

Врач был человеком порядочным, понял меня с полуслова и выполнил просьбу. Таль против такого решения не возражал, и больше мы к этому не возвращались...

В отличие от рижского врача-психолога, не забывшего клятву Гиппократа, профессор Зухарь стал марионеткой в руках нашего руководства... Ныне, когда на всю страну проводятся сеансы Кашпировского и Чумака, совершенно ясно, кто был прав в том споре. Не оставляет сомнений и цель, с которой все это было затеяно» («Шахматы в СССР» № 1, 1991).

Таким образом, в матче с Талем возник прецедент, что при

отсутствии законов юристы особенно ценят! Но, видимо, не во всех странах.

Посмотрим, однако, чем бывалый юрист еще удивит шахматный мир:

«Такие жалобы на влияние сверхъестественных факторов на ход шахматной борьбы можно объяснить либо болезненной мнительностью г-на Корчного, либо желанием намеренно осложнить и обострить атмосферу вокруг ответственных спортивных соревнований. В связи с этим мы вынуждены напомнить... что многие матчи с участием Корчного сопровождались скандалами. Например, с Решевским, 1968 г. (ложь! — В. К.), Талем, 1968 г. (ложь! — В. К.), Мекингом, 1974 г. (ложь!— В. К.), Петросяном, 1974 г. (см. «Записки злодея», стр. 42.— В. К.), Карповым, 1974 г. ('грубая ложь, только попробовал бы я! — В. К.), Спасским, 1977/78 г. (шахматный мир не одобрил странного поведения Спасского — кроме Советской федерации, его не поддержал никто! — В. К.)».

В приличном обществе лжецу и клеветнику указали бы на дверь, а в жюри он оказался глашатаем истины. Итак:

«На основании изложенного (В. К.), мы считаем необоснованными и недостойными обвинения или подозрения, выдвигаемые против профессора В. Зухаря, так же как и требования определить дистанцию, на которой он, в отличие от других зрителей, должен находиться от участников, и тем более об удалении его из «Конвеншн-центра».

Типичный образчик советского юридического стиля! Вместо ответа по существу Батуринский выливает ушат грязи на оппонента, стараясь перевалить на него всю вину за свои нарушения!

Кто он, Зухарь? Если официальное лицо, пусть сидит вместе с официальными лицами в амфитеатре! Если неофициальное — почему его защищает именно Батуринский, он же не советский посол на Филиппинах?! И вообще, почему Зухарь должен сидеть у сцены? Если он мне мешает, его нужно удалить из пределов моей видимости — это все, что я прошу. Если он во время игры поддерживает зрительную связь с Карповым (а связь игрока с залом по правилам ФИДЕ запрещена), то его надо попросту отсадить!

Оставим ненадолго эту проблему. Советская команда — большая, и трюков в ее распоряжении — не счесть.

«ПРОТЯНУТУЮ РУКУ НАДО ПОЖАТЬ!»

Восьмая партия. Я пришел на игру — Карпов не поднялся. Я сел, протянул руку. Карпов ответил, что с этого момента не будет обмениваться со мной рукопожатием. Я обратился к главному судье: «Вы понимаете, что происходит?» (по достигнутому перед матчем соглашению Карпов обязан был предупредить о своем решении судью заранее, чтобы тот успел предупредить меня). Шмид ничего не понял, похоже, он был не в курсе дела. «Да, я ожидал, что это когда-нибудь случится»,— растерянно пробормотал он и посмотрел на часы, не опоздал ли я. Нет, все было в порядке!

Игра началась, но я был вне себя: какое очевидное, вероломное нарушение договора! Впоследствии Лотар Шмид сказал, что, если бы я потребовал отложить партию, он не стал бы возражать. Но это мне в голову не пришло — я робею перед хамством. Признаться, перед матчем я готовился к чему-то подобному — моменту возможного вероломства Карпова. Но разве можно было предвидеть столь наглую форму его отказа от рукопожатия?! Вот уж действительно, для большевиков законы не писаны!

Заряд попал в цель; я играл, как ребенок. Карпов неплохо провел атаку. В турнире шахматистов 1-го разряда такая партия была бы оценена довольно высоко...

По ходу партии Рошаль зачитал журналистам заявление «от имени Карпова»:

«В течение ряда лет Корчной допускал оскорбительные высказывания в адрес Карпова, других гроссмейстеров и известных шахматных деятелей (Батуринский! Страшно подумать, что случилось бы с мировыми шахматами без таких деятелей! — В. К.). Тем не менее, руководствуясь принципами спортивного джентльменства и идя навстречу любезным организаторам столь значительного соревнования, каким является матч за мировое первенство, чемпион мира готов был обмениваться со своим противником рукопожатием перед началом каждой очередной партии матча. И делал это даже после того, как Корчной на пред матчевой пресс-конференции в Маниле вновь позволил себе оскорбления чемпиона мира и ряда членов его делегации.

Последние события показали, что претендент не отказывается от своей линии нагнетания напряженности обстановки. В таких условиях Карпов не желает подавать руку Корчному».

Что еще за «последние события»?! Пат или попытка пересадить Зухаря? Напомню: моя пресс-конференция была 4

июля, письмо Батуринского — Карпова с согласием на рукопожатие — 12 июля, заявление Рошаля — Карпова — 3 августа. Не нужно быть тонким психологом, чтобы понять: принятие моего предложения было только маневром, чтобы затем с выгодой использовать отказ от него.

Эм. Штейн: «Перед восьмым поединком представитель ТАСС Александр Рошаль оповестил журналистов, что он проведет короткую пресс-конференцию, которая, однако, начнется через полчаса после начала тура. А на сцене тем временем была продемонстрирована вторая «заготовка» Карпова: он отказался от традиционного рукопожатия, тем самым нарушив элементарные нормы этики и показав, что ему незнакомо чеховское «протянутую руку надо пожать». Поведение Карпова Рошаль мотивировал тем, что в своих предматчевых интервью Корчной оскорбил не только чемпиона мира, но и его друзей, Батуринского и Таля. Вопрос журналистов о том, почему реакция Карпова так запоздала, коль скоро высказывания претендента были известны уже давно,— оказался для Рошаля нокаутирующим, ему нечего было сказать...» («Континент» № 21, 1979).

Прошло несколько дней, прежде чем мне удалось публично ответить на выходку Карпова и заявление Рошаля. В моей группе, к сожалению, не было лишних людей, специалистов по всякого рода склокам и заявлениям. Понятно, я не в силах был перекрыть поток лжи, распространяемой советским аппаратом, но молчание означало бы признание вины. Мне приходилось во всем принимать участие самому, но я занимался этим с охотой.

Очередное заявление для прессы было написано одним из наших друзей. Я перевел его на русский, фрау Лееверик — с русского на немецкий. Затем оно было переведено с немецкого на английский. Так, по-английски, оно и было зачитано фрау Лееверик. Как видим, наше выступление было плодом коллективного труда людей многих стран — неплохой пример для политических деятелей всего мира. Вот главные пункты этого заявления от 8 августа:

«Корчной выражает сожаление, что перед началом матча сам предложил пункт о рукопожатии. Сделал он это из уважения к филиппинской публике — чтобы хоть на сцене соблюсти приличия в этом странном матче...

Многочисленная, тщательно подобранная свита Карпова пытается убедить мир, что Карпов играет в «чистые шахматы», в то время как Корчной, грубо говоря, играет в политику.

Считает ли Карпов попытки Корчного вызволить свою семью из заточения в Советском Союзе неестественными? Считает ли

Карпов, что Корчной, отказавшись от советского флага, потерял право на все остальные флаги? Разумеется, Карпова учили в школе, что его страна самая большая в мире. Корчной надеется все же, что интеллектуальный уровень Карпова позволяет ему разглядеть и некоторые другие страны.

Считает ли Карпов этичной свою попытку, используя услуги таинственного Зухаря, снова без борьбы стать чемпионом этакого советского мира в шахматах?

Что касается рукопожатия, Корчной заявляет, что покинул СССР, в частности, и ради того, чтобы быть свободным от отвратительной необходимости здороваться с такими людьми, как Карпов и его шайка. Корчной принял решение начиная с 9-й партии прекратить все отношения с Карповым. Ничья должна предлагаться только через главного судью.

Отныне Корчной будет играть с особым чувством — слыша, как в карманах противника звенят ключи от темницы его семьи; впрочем, как и в карманах невинного и честного ученого Зухаря или Батуринского, который был и, без сомнения, остался профессиональным тюремщиком.

Корчной хотел бы, чтобы журналисты — представители стран, где существует свобода слова, известили читателей о его решении».

А. Рошаль: «Заявление, пестрящее злобными антисоветскими инсинуациями» (ТАСС, «Советский спорт» и т. д.).

ПСИХОЛОГ ИЛИ ПАРАПСИХОЛОГ?

Девятая партия. В спокойной позиции я постепенно переигрываю Карпова, и в миттельшпиле он уже испытывает серьезные трудности. По ходу партии в зале развертываются интересные события. Надо сказать, что после 7-й партии, во время которой я скрывался от Зухаря в комнате отдыха, я нещадно отругал секундантов и фрау Лееверик за то, что они не поддержали меня и не потребовали удалить психолога из зала. И вот во время 9-й партии фрау Лееверик, не предупредив меня, обратилась к главному судье с просьбой удалить психолога или перенести игру в закрытое помещение. Разговоров на тему Зухаря было уже предостаточно, но Шмид захотел еще раз убедиться в необходимости принятия мер. Он зашел ко мне в комнату отдыха и спросил, не мешает ли мне что-нибудь. Будучи в тот момент далек от реальности и не подозревая о цели вопроса, я ответил: «Нет-нет, ничего». Вследствие этого радикально решить вопрос не удалось. И все же главный судья решил отсадить Зухаря подальше от сцены... Борьба с «маститым ученым» продолжалась в течение всего матча. Его отсаживали, он возвращался обратно, его пересаживали снова — не так-то просто применить крутые меры к хулигану, который гримируется под ученого.

Что касается партии, то без поддержки своего психолога Карпов играл бледно — в сравнительно простом положении я полностью переиграл его. В преддверии моего цейтнота Карпов предпринял отчаянную попытку жертвой пешки активизировать свои фигуры. Не имея времени разобраться в осложнениях, я прошел мимо форсированного выигрыша, и партия закончилась вничью.

На следующий день Карпов лично подлил масла в огонь. До тех пор он заявлений не писал — все делал его штаб «по поручению чемпиона». А здесь он не выдержал! Затронуто было его самое уязвимое место! Он выступил против нападок на Зухаря, обвинив главного судью в необъективности. Вопрос обсуждался на жюри. На заседании после 7-й партии жюри предоставило судьям право решать вопросы о порядке в зале и целесообразности пересаживать тех или иных зрителей. На этот же раз жюри признало действия Шмида во время 9-й партии неправомерными и, наплевав на свое собственное решение, запретило главному чзудье впредь заниматься этим вопросом.

Эм.Штейн: «Бедный Лотар Шмид! Запамятовал он, что и над попом есть поп: апелляционное жюри матча, собранное по инициативе советской стороны, тремя голосами против двух

аннулировало решение главного судьи, и Зухарь опять начал свободно дефилировать по залу» («Континент» № 21, 1979).

Моя борьба с советским психологом была с живейшим интересом воспринята в десятках стран. Я получил массу писем с изложением научной точки зрения на парапсихологию, с предложениями помочь. Два письма видных ученых-психологов были зачитаны на жюри в качестве мнения специалистов о деятельности Зухаря. Но единственное, чего удалось добиться, что он добровольно, по-джентльменски, обещал сидеть в 7-м ряду...

Десятая партия. Наряду с новыми видами психологического оружия советские вводят в бой и новинки на шахматной доске. Видимо, по заранее разработанному плану это должно идти бок о бок... Партия сложилась нелегко. Карпов поймал меня на заготовленный дома вариант. Надо отдать должное его помощникам: они приготовили красивую штуку — новое слово в теории испанской партии! Из его большой тренерской группы только скромный, трудолюбивый интеллигент, честный фантазер Игорь Зайцев мог найти такое!

Пришлось решать за доской труднейшие проблемы, но все же, не без активной помощи Карпова, мне удалось выравнять шансы. Ничья на 41-м ходу.

Одиннадцатая партия. Зухарь — ни дать ни взять джентльмен! — сидит смирно в 7-м ряду, а впереди него тут и там зрители. Ну никаких привилегий выдающемуся ученому!

Я разыграл дебют необычно. В незнакомой для себя ситуации Карпов начал плавать, допустил несколько неточностей, и я получил явный перевес. В позиции закрытого типа Карпов мог, казалось, защищаться долго и упорно, но он вскоре допустил грубый зевок, и борьба была окончена... Да, соперник играл слабо, настоящей партии не получилось.

Позднее в советской печати Карпов высказался об этой партии странно: «Имел неплохую позицию, но потом — что-то необъяснимое... Вдруг наступает провал. Пропускаю удар, еще удар, позиция становится тяжелой. Проигрываю. Да, бывают дни, когда наступает апатия, и тогда все валится из рук». Может быть, Карпов намекал на то, что его бедняга-психолог сидел в 7-м ряду и не в силах был помочь чемпиону? Или на кое-что еще из той же области?

Дело в том, что к 11-й партии на матч прибыл мой психолог, В. Бергинер из Израиля, и никем не узнанный спокойно занял место в 5-м ряду.

Позвольте теперь мне изложить свои взгляды на психологию и парапсихологию, взгляды любителя и в некотором роде

объекта. Никто не сомневается: гипноз существует и представляет собой огромную силу. В середине 70-х годов в печати появились сообщения о сенсационных опытах в Советском Союзе: людям внушали, что они — знаменитые художники, и они, никогда не бравшиеся за кисть, рисовали неплохие картины!

В свое время Таль участвовал в подобном опыте. Его противнику, посредственному шахматисту, внушили, что он — Морфи! Для начала партнер Таля потребовал за партию гонорар! Затем приступили к игре, и Талю пришлось немало потрудиться, чтобы одолеть новоявленного гения.

Подобная связь существовала и у Зухаря с Карповым — напомню, что правилами ФИДЕ это запрещено. Связь эта тем прочнее, чем меньше расстояние между врачом и медиумом. Очень важно поддержать ее иногда во время игры — скажем, взглядом друг на друга.

А возможна ли поддержка на большем расстоянии — вне зрительной, пусть даже односторонней, связи? Я имею в виду телепатию, и тут мы уже попадаем в область парапсихологии. Пока это научный или, точнее сказать, военный секрет. В супердержавах — СССР и США — этим вопросом занимаются очень серьезно, но результаты публикуют неохотно... Что ж, если такая сила существует — тут уже правила ФИДЕ бессильны! Как бы то ни было, парапсихологическая связь во много раз менее действенна, чем прямая, психологическая, между врачом и его подопечным. При этом чем меньше помех вокруг, и особенно спереди, тем выше эффективность.

Примерно так же обстоит дело с отрицательным влиянием, причем ничто так легко не передается на расстояние, как заряд ненависти! Но депрессирующее воздействие даже такого пучка энергии все равно лишь едва ощущается человеком, на которого он направлен.

Другое дело, когда вы видите, откуда эта энергия исходит! Тут мы снова попадаем в сферу чистой психологии. Не случайно Зухарь пытался использовать любую возможность встретиться со мной лично: подкарауливал меня у входа в игровой зал, посещал все официальные и неофициальные приемы, если я должен был там присутствовать, наведывался и в мою гостиницу...

Забегая вперед, отмечу, что в качестве парапсихолога Зухарь выступил на матче неудачно, зато его психологическая активность дала отличные результаты. Приведу статистические выкладки: в присутствии Зухаря близ сцены Карпов выиграл 5 партий, а проиграл одну, в его отсутствие — счет 4:1 в мою пользу!

А. Рошаль: «Смехотворное подозрение в «гипнотизерстве»

(ТАСС, «Советский спорт» и т. д.). Спустя годы с подобной точкой зрения решительно не согласился Карпов:

«...С поразительными откровениями выступил (в 1987 году.— Ред.) всемирно знаменитый парапсихолог Дадашев, который, как выяснилось, активно помогал Каспарову из зала во всех предыдущих матчах. Не на всех партиях: он появлялся лишь в критические моменты и неизменно содействовал выигрышу Каспарова, впрямую влиял на результат решающих партий.

...Я узнал об этом только от него самого, когда он пришел ко мне незадолго до матча в Севилье и покаялся во вмешательстве в наш спортивный поединок. «Я не творил вам зла,— уверял он.— Я только помогал Каспарову. Вы же понимаете — это совершенно разные вещи... Но вам я не вредил. Поверьте! Наш профессиональный кодекс не позволяет этого».

...Я вспомнил его. Да, это он. Он был там на этих партиях. Пронзительный, даже сверлящий взгляд. Помню. Причем особенно ярко мне теперь припомнилось его навязчивое, назойливое присутствие на последней партии второго матча— на той партии, после которой я потерял звание чемпиона мира. Значит, господин профессор, говорите, что только помогали Каспарову, а мне старались не мешать? Ну-ну, очень интересно» («Сестра моя Каисса»).

Еще раз подчеркну: все же главное, почему я стремился удалить Зухаря,— не его попытки воздействовать на меня, а его очевидная связь с Карповым! В письме от 5 августа Батуринский ссылался на использование психологов во многих видах спорта. Но ни в гимнастике, ни в баскетболе, ни тем более в футболе спортсмены во время игры не связаны с психологом, а здесь, вопреки всяким правилам, эта связь поддерживалась.

Но что-то же все-таки случилось во время 11-й партии, так слабо проведенной Карповым? На что он жаловался безмолвному советскому читателю?

Прошу прощения у шахматистов, которые не верят в этот «бред» (когда я сказал Портишу, что он в конце матча со Спасским стал жертвой гипноза, Лайош ответил: «Да нет, это все ерунда!»), с одной стороны, и у специалистов развивающейся науки парапсихологии, с другой,— за свою гипотезу. (У кого я не собираюсь просить прощения, так это у почтенного жюри! Выслушав многократные протесты и письма-свидетельства, оно заявило, что умственных помех для шахматистов не существует!)

Итак, в 7-м ряду находился Зухарь, а в 5-м — никому пока не известный мой помощник Бергинер. Таким образом, в этот день Зухарь был как бы парализован — его контакт с Карповым был чисто внешним. Карпов играл быстро, даже быстрее обычного, но

в его игре не было на сей раз ни глубины, ни тактической дальнозоркости. Как пошутил один обозреватель, чемпион играл так быстро для того, чтобы у него осталось время подумать о допущенных ошибках...

Что ж, если возможна мысленная передача некоей субстанции на расстояние, то вполне возможны и аналогичные методы не допустить эту субстанцию до объекта!

Соперник больше не повторил своей ошибки. Нарушив словесное джентльменское соглашение, Зухарь со следующей партии снова сел в 4-й ряд. Моего же психолога быстро распознали и, используя громадное численное превосходство в зале, окружили «теплом и заботой». Работать эффективно он уже не мог. Мне стало ясно, что в этой обстановке Бергинер бесполезен, и после 14-й партии он уехал.

Начиная с этого момента советские с помощью Кампоманеса стали вводить полицейскую систему слежки в зале. Каждый зритель, покупая билет, должен был предъявить удостоверение личности. «Подозрительные», допущенные в зал, оказывались под бдительным оком советской и филиппинской охраны. Зухарь, дабы его не отвлекали, всегда был окружен своими. Во время 17-й партии двое граждан Гонконга — муж и жена — заняли было места вблизи советского мага, но их затолкали кагэбэшники. В разгар партии, опасаясь получить серьезные травмы, супруги были вынуждены покинуть зал.

* * *

Партии идут одна за другой, своим чередом. И заседания жюри тоже идут, без перерывов. Поднимается то один, то другой вопрос. Противник очень активен. Мало того, что меня лишили флага,— меня хотят лишить вообще всякой защиты. Советские стремятся доказать, что моя группа не может называться «делегацией Швейцарии», а руководитель группы не имеет полномочий представителя Швейцарской шахматной федерации. Они возмущены письмом фрау Лееверик по поводу 8-й партии. В ответ на него они выпускают целый меморандум под претенциозным заголовком «Шахматный матч на Филиппинах — не полигон для холодной войны», где заявляют, что фрау Лееверик «пытается помешать укреплению дружбы и культурного сотрудничества между странами», и обвиняют ее в антисоветской пропаганде. Обратите внимание — ее, а не меня, хотя это мое письмо! А что они могут со мной сделать, особенно во время матча?! Она — мой рупор! Значит, если ее удалить из жюри, то станет тихо! Так, к сожалению, вскоре и случилось...

О, антисоветская пропаганда — это тяжкое обвинение в устах советских! И снова хочется спросить: что же все-таки такое

антисоветская пропаганда? Все эти трюки — с моей семьей, с флагом, с Зухарем, все эти бесчисленные нарушения-«уточнения» правил ФИДЕ — или обнародование этих трюков в печати?! Ведите себя по-человечески, господа-товарищи, и не будет вам никакой «пропаганды»!

В Швейцарию посылается настойчивая телеграмма — уточнить полномочия фрау Лееверик. Приходит ответ: да, все правильно, Швейцарская шахматная федерация дала полномочия руководителю группы Корчного. Правда, Швейцария — нейтральная страна, и она не может нести ответственность за политические заявления фрау Лееверик. Но в остальном федерация поддерживает ее действия.

Увы, это был не последний запрос в Швейцарию. Председатель жюри Лим Кок Анн, который к тому времени превратился уже в откровенную марионетку Кампоманеса, продолжал муссировать этот вопрос.

Как называть нашу группу — «швейцарская делегация» или как-нибудь иначе? Этот вопрос тоже не раз обсуждался на жюри. Но разве он заслуживает такого внимания? Еще бы! Советские настояли, чтобы их группа называлась «советской делегацией», а наша — какой угодно, только не швейцарской! Ясно: с одной стороны — делегация, а с другой — какой-то сброд! Этому сброду — никаких прав!

Накануне приезда туристов из СССР в зале появились услужливо заготовленные Кампоманесом таблички возле мест, предназначенных для официальных представителей,— «Советская делегация» и «Группа Корчного».

Обсуждался и вопрос о предложении ничьей. Кажется, логично: если партнеры обмениваются рукопожатием перед игрой, они могут вступать в контакт во время партии, если нет — ни о каком контакте не может быть и речи!

Но предлагать ничью через арбитра не так-то просто. Особенно в цейтноте. А Карпов хотя и порвал своей выходкой наши взаимоотношения, не хочет по обыкновению лишаться никаких практических преимуществ! И советские заявляют, что иной способ предложения ничьей правилами ФИДЕ не предусмотрен. Дескать, Корчной может поступать, как хочет, а Карпов намерен предлагать ничью прямо своему противнику (а заодно, в полном соответствии с правилами ФИДЕ, можно его и позлить!).

Жюри послушно принимает советскую точку зрения...

Между тем прецедент уже имел место. И не однажды. В знаменитом АВРО-турнире (1938) общались через судью Алехин и Капабланка. Во время претендентского матча 1977 года мы с

Петросяном не обменялись ни единым словом, ни единым жестом — соглашение на ничью происходило через главного судью Кажича.

После матча в интервью для советских читателей Карпов сообщил, что единственное чувство, которое он испытывал к Корчному, это глубокая ненависть. Насколько же другие шахматисты — даже Петросян! — были прямее, честнее в выражении своих чувств!

ПЕРЕЛОМ

Уже целый месяц Карпов со своими помощниками копается в «Энциклопедии шахматных дебютов». Глава об открытом варианте испанской партии написана мною. Без халтуры. Каждый вариант, каждая оценка проверены. И все же в 12-й партии им удалось наконец придраться к одному из «боковых» вариантов. Соперник получил небольшой перевес в эндшпиле, затем выиграл пешку. Позиция черных держалась на волоске, но хваленая техника Карпова опять подвела его. Мне удалось активизировать фигуры и спасти партию.

Тринадцатая партия могла стать одной из лучших в матче. Я подготовил интересную, сравнительно новую дебютную схему. Карпов за доской сумел разобраться в ее тонкостях и получил хорошую позицию. Началась маневренная борьба. И тут чаша весов стала склоняться на мою сторону. Сколько раз мне казалось, что я уже выигрываю, но всякий раз сопернику удавалось находить спасительные контршансы.

Партия была отложена все в той же обманчивой ситуации: казалось, у меня должен быть выигрыш, но доказать его конкретными вариантами не представлялось возможным. В поисках синей птицы я вместе с помощниками провел полночи, устал и на следующий день решил взять тайм-аут — перенести доигрывание.

К 14-й партии неприятельский штаб наконец -— после месячного анализа! — нашел опровержение варианта испанской партии, применяемого мной черными. Прямо из дебюта Карпов перевел игру в эндшпиль с небольшим, но устойчивым позиционным перевесом. Встреча была отложена в безнадежной для меня позиции.

Представьте теперь мое состояние, когда на другой день я должен был доигрывать обе партии. Мне так хотелось выжать выигрыш из лучшей позиции в компенсацию за худшую! А при начале доигрывания, уже на третьем ходу, выяснилось, что наш анализ был неточен... Я попал в цейтнот, стал повторять ходы. Проще всего было бы, конечно, предложить ничью, но как?! Я ведь решил с этим типом больше не разговаривать!

Так я и прыгал по доске фигурами взад-вперед, не имея возможности ни предложить ничью, ни зафиксировать ее троекратным повторением позиции. «Ну что ж — играть так играть»,— подумал я не вовремя, уклонился от повторения и... сделав две грубые ошибки, вскоре сдался!

А другая партия закончилась быстро, без сенсаций: ее я тоже

проиграл. 3:1! Что еще сказать об этой трагедии? Странная вещь: после первого доигрывания мы с противником поменялись за столом местами — тут же и Зухарь, сидевший в правой половине зала, вслед за Карповым поменял свое место и перешел на левую сторону...

Б. Црнчевич: «Меня забавляло, что анатольевский колдун так преданно служит Батуринскому... Прокурор управлял колдуном легким мановением руки, подзывая его указательным пальцем, и тот приближался, будто связанный с пальцем прокурора невидимой нитью» («Эмигрант и Игра»).

Вопрос о советском психологе не сходил с повестки дня жюри. Но нам так и не удавалось добиться никаких сдвигов. Я утверждал, что Зухарь мне мешает. А здесь-то и разворачивался Батуринский во всем своем юридическом блеске. Он доказал жюри (а что тут доказывать, жюри готово подчиниться ему и без доказательств), что в правилах ничего не записано об умственных помехах. Да, ФИДЕ считает, что всякий, кто мешает, намеренно или нет, может быть удален по требованию игрока. Однако имеются в виду, дескать, физические помехи — шум, движение в зале... Но, позвольте, шахматы — игра умственная, и здесь любая помеха влияет на мозг и нервы играющего!

Не могу побаловать читателя разнообразием: жюри послушно приняло уточнение правил ФИДЕ, предложенное Батуринским.

Любопытно, что в ходе обсуждения полковник возмущался, как я могу требовать «призвать зарвавшегося хулигана к порядку». Ведь это же видный ученый, которого я однажды нечаянно даже похвалил в своей книге «Шахматы — моя жизнь», — разве можно называть Зухаря хулиганом?!

Гм... Во время одной из партий Зухарь, увидев, что неподалеку от него находится фрау Лееверик, подчеркнуто громко сказал одному из окружавших его советских агентов: «А помнишь, у нас в деле записано, что у Корчного хроническая гонорея?» Вообразим себе на минутку, что Зухарь представитель западного мира. Что стало бы после таких слов с его дипломом врача и ученого?..

Окрыленный успехом, Карпов решил, что пора заканчивать матч, и ввел в бой новый вид оружия. В 15-й партии, стоило мне по выходе из дебюта погрузиться в раздумья, Карпов начал раскачиваться на своем кресле.

Сколько они с Батуринским за него бились! Дело в том, что у меня с самого начала было свое кресло: одно из лучших в мире, подарок фирмы «Жиро-флекс». Сперва Кампоманес сделал все, чтобы не допустить появления этого кресла в Багио. Потом, когда фрау Лееверик собственноручно доставила его из Манилы и

советские смогли воочию убедиться в его преимуществах, они потребовали специальное кресло и чемпиону. А ведь еще за два месяца до матча фрау Лееверик предлагала организовать доставку кресла и для Карпова, но советские тогда гордо отказались (мол, пожертвования от частных лиц не принимаем).

Уж не знаю откуда, но будто из-под земли Кампоманес тут же раздобыл кресло! Не такое роскошное, меньших размеров, но все-таки! Теперь судьи перед каждой партией — как того требовал Карпов — занимались тем, что устанавливали кресла на одном уровне: понижали мое и повышали его «постамент». Противнику, видите ли, неприятно, если кто-то выше него!

Но оказалось, что королевское кресло понадобилось королю не только для поддержания осанки. Удобное кресло: пока партнер обдумывает ход, сидишь себе и качаешься! Я отошел от стола, сел «в позе Спасского» и стал изучать позицию по демонстрационной доске. Подошел Шмид, спросил, в чем дело. Я объяснил. Он отправился разговаривать с «королем». Тот и не подумал прекратить свои телодвижения. «Ему мешает это, а мне мешают его зеркальные очки».— ответил Карпов, давая понять, что все это он1 делает нарочно. Прошло минут пятнадцать, прежде чем его наконец уговорили вести себя прилично. Дело, по-видимому, было не в красноречии главного судьи — просто позиция обрела ничейный характер, и Карпов понял, что даже техническая новинка не поможет ему выиграть.

Во время этой партии зрители могли отметить удивительную связь Зухаря с Карповым. В начале партии Зухарь сидел нормально, а когда я задумался, он закрыл глаза и откинулся назад — и почти сразу же Карпов, хотя он в тот момент и не смотрел на психолога, начал манипуляции с креслом! Что ни говорите, это новое слово в шахматном искусстве. Признаем еще раз превосходство советской научной мысли!

Вопрос о поведении Карпова обсуждался на жюри. Мы предлагали зафиксировать кресла, чтобы на них нельзя было вертеться во время игры. Но Батуринский заявил, что, согласно правилам ФИДЕ, каждый участник вправе выбирать себе кресло по своему усмотрению. И -— боюсь уже надоесть читателю одной и той же фразой — жюри послушно приняло очередную «поправку Батуринского».

Нам так и не удалось ни пристыдить, ни усмирить Карпова: время от времени он применял свой прием — особенно, когда судьям наскучивало следить за игрой и поведением участников. Вспоминаю, как однажды я отсел от столика во время своего хода, потому что сидеть за доской было невозможно; как к Карпову подошел Шмид и посмотрел на него с укоризной. Тот перестал

качаться. Шмид обратился ко мне: «Ну, пожалуйста, сядьте за доску, видите — он больше не качается!» Так и хотелось ответить: «А где гарантия, что он дальше будет вести себя нормально?!» Но я понимал главного судью: что мог поделать он, лишенный апелляционным жюри каких-либо полномочий!

Кстати, насчет зеркальных очков, которые я надевал на игру. Кто придумал, что я спасался таким образом от вредного воздействия советского психолога? Ведь я носил очки начиная с первой партии, когда Зухарь был еще «в резерве главного командования»! Цель была проста: лишить Карпова его любимого занятия — стоя у стола, в упор смотреть на противника. Пока на мне были очки, он мог любоваться лишь собственным отражением,

В 16-й партии я наконец применил свою излюбленную французскую защиту, но опять свернул в сторону со столбовых дорог теории: я не любопытный, время познакомиться с домашней заготовкой соперника еще придет... Поразительно, как бледно играет Карпов, если дебютная схема не отшлифована у него заранее! Он не получил никакого перевеса, и после обоюдных неточностей партия закончилась вничью.

По ходу матча продолжалась борьба и вокруг него — в прессе, в жюри. И тут, и там вырисовывалось, я бы сказал, явное преимущество советских. Своеобразную роль сыграл здесь мой «главный секундант» — Кин. Он участвовал в заседаниях жюри в качестве помощника фрау Лееверик и писал за нее заявления в жюри и для печати. Но это, так сказать, левой рукой. Правой же он работал на международную прессу и одновременно писал книгу для фирмы «Батсфорд». Без моего ведома он публиковал варианты наших совместных анализов, рассказывал о чисто внутренних делах нашей группы, критиковал деятельность фрау Лееверик — словом, вел себя отнюдь не как мой представитель.

Интересно, если бы корреспондент ТАСС Рошаль позволил себе написать нечто вроде «Батуринский на заседаниях жюри не проявил присущей советскому гражданину выдержки» или «Карпов бездарно провел 11-ю партию»,— что бы с ним сталось? А Кин позволял себе любую критику и в мой адрес, и в адрес членов нашей группы... Нет, куда Западу тягаться с военизированной советской машиной!

Очень активен был в Багио Рошаль. Мне довелось по ходу матча заглядывать в газету «Советский спорт». С бесстыдством и цинизмом, тасуя извращенные факты и заведомую ложь, Рошаль вещал советскому читателю: как я отказался от всяких взаимоотношений с Карповым (не он со мной!), как начал травлю «одного из членов советской делегации», как безупречно, вызывая

восхищение всех присутствующих, ведет себя Карпов! (Между прочим, отец Рошаля был уничтожен в сталинском застенке. Сын не повторит «ошибок» отца, его не заставишь стать личностью! Вот он, закон Дарвина о борьбе за существование, в действии.)

В жюри моему представителю, похоже, уже нечего было делать. Все было ясно. Ни одно мое предложение, ни один протест не были удовлетворены! А советским жюри уже и не требовалось. Любое их предложение принималось организаторами безоговорочно. Мешает бинокль ненавистной фрау Лееверик? Без предупреждения вывешивается объявление: «Бинокли в партере зрительного зала запрещены». Понадобилось контролировать зрителей в зале? Очень просто: отныне каждый зритель, покупая билет, должен предъявить удостоверение личности! Карпов не может играть сегодня? Пожалуйста: выходит из строя трансформатор! Никто не виноват — стихия...

Последняя попытка привлечь внимание мировой общественности к ситуации на матче была предпринята фрау Лееверик 26 августа, накануне 17-й партии. Вот текст ее заявления в сокращенном переводе с английского (на котором оно было подготовлено Кином):

«1. Вопрос о швейцарской делегации.

Батуринский обвинил меня в том, что я сама себя назначила руководителем. Но у меня есть официальное письмо Швейцарской шахматной федерации, которым я назначена главой делегации со всеми полномочиями действовать от имени Корчного. Сам Корчной будет выступать за команду Швейцарии на предстоящей Олимпиаде в Буэнос-Айресе. Батуринский требует рассматривать нашу делегацию не более чем международную шайку пиратов, что вполне соответствует советскому образу мышления — мышления кандалов и наручников, мышления, игнорирующего любые права и законы, не согласующиеся с их собственным кондовым представлением об окружающем мире. Я хотела бы напомнить журналистам, что недавно мы отмечали десятую годовщину советского вторжения в Прагу в августе 1968 года. Хотя обоих шахматистов лишили возможности иметь на столе свой флаг, это никоим образом не лишает Корчного законного права на защиту со стороны Швейцарской шахматной федерации, которая уплатила взнос за его участие в первенстве мира и горда тем, что имеет его, одного из ведущих шахматистов планеты, в своих рядах. Надеюсь, я выступаю не за десять лет до советского вторжения в Швейцарию!

2. Антисоветская пропаганда.

Более того, Батуринский и Рошаль в советской прессе обвинили меня в пропаганде, наносящей ущерб «доброму имени» советского

государства. Хотела бы напомнить прессе и общественности Свободного мира, что только государство, которое с неприкрытым цинизмом попирает Хельсинкское соглашение о гражданских правах, может рассматривать призыв освободить семью Корчного из заточения в СССР как «антисоветскую пропаганду». Много ли еще в мире стран, которые отрицали бы естественное право человека, обманутого в надеждах и разуверившегося в прежних идеалах,— право покинуть свою родину?! Я прощаю Батуринскому и Рошалю их нападки. Обитатели крупнейшего в мире концентрационного лагеря, они не имеют иного выбора.

3.Боец холодной войны.

Меня обвиняют в ведении холодной войны против советских, но Батуринскому хорошо известно, что я сопровождала Корчного на трех его предыдущих матчах — против Петросяна, Полугаевского и Спасского. Разве во время тех соревнований я выступала когда-нибудь против СССР? Я утверждаю, что в действительности именно советская делегация по заранее разработанному плану начала здесь холодную войну — с вопроса о праве Корчного на флаг. Не я же, а Батуринский в порыве бешенства угрожал, что они не появятся на церемонии открытия, если Корчному будет предоставлено право на флаг.

Батуринский заявляет, что я ненавижу Советский Союз. И впрямь, 10 лет, проведенных мною в советском концлагере, не способствовали тому, чтобы СССР стал моей любимой страной. Да, я не пою советский гимн в своей ванной. Однако, несмотря на свои личные чувства, я приложила все усилия для того, чтобы матч протекал в нормальной обстановке. Я разыскала лучшее в мире кресло для Корчного и во время предматчевых переговоров предложила такое же -- бесплатно — для Карпова. С самого начала у меня не было иных желаний, кроме одного: чтобы для обоих участников были созданы равные условия и чтобы исход матча решался за шахматной доской, а не при помощи злобных выпадов в прессе или сомнительных маневров в зрительном зале.

4. Парапсихологический паразит.

К вопросу о Зухаре. Не играет роли, кто он — настоящий парапсихолог, знахарь или колдун. Присутствие в зале этого человека, крадущегося как можно ближе к сцене,— явный признак того, что советская делегация рассматривает его как важную персону, которая должна быть защищена, которая оказывает известное влияние на игру (неважно — благоприятное на Карпова или отрицательное на Корчного). Признавая это, советские тем самым расписываются в своих попытках повлиять на результат матча нешахматными средствами... Мы собираемся вновь поставить вопрос о Зухаре на жюри и перед ФИДЕ, чтобы добиться

достойных и равных условий для обоих участников столь важного соревнования...»

Неплохо написано, не правда ли? Беда лишь в том, что это был глас вопиющего в пустыне. Кин, подготовивший это заявление, даже боялся признаться в своем авторстве! Ничего удивительного: советские уже недели две как начали его запугивать, угрожая бойкотировать в соревнованиях. (Сочувствую Кину: такой бойкот ему было бы выдержать труднее, чем мне. Но нужно быть честным в делах. Во многих странах, включая и Англию, любой деятель, не способный справиться со своими обязанностями, подает в отставку.)

Конечно, я не был в курсе всех перипетий околоматчевой борьбы, но своими нервами ее ощущал. Особенно диким мне казалось, что я не могу справиться с Зухарем. И я решил предпринять самостоятельную акцию.

Придя на 17-ю партию, я подозвал Кампоманеса и потребовал пересадить Зухаря в 7-й ряд. Кампоманес колебался. «Но жюри решило...» — начал было он. «Уберите его в течение десяти минут или я с ним справлюсь сам!» — заявил я, недвусмысленно потрясая кулаками. Кампоманес засуетился, собрал вокруг себя советских. Пришел Карпов. Увидев, что мое время идет, а хода я не делаю, он ухмыльнулся и ушел к себе в комнату отдыха. Его не касается! Будто не он вышел из себя, когда Шмид попробовал во время 9-й партии удалить Зухаря из зала! Будто не он оскорбил Шмида подозрением в необъективности...

А время шло. Наконец шесть первых рядов очистили от зрителей и усадили Зухаря в первом доступном ряду. Кампоманес подошел ко мне и «отрапортовал», что моя просьба выполнена.

Не так просто далась мне эта скромная победа. Я затратил массу нервной энергии и одиннадцать минут драгоценного времени!

Кстати сказать, Кампоманес, будучи вынужденным мне уступить, причем на глазах у всего зала, почувствовал себя крайне уязвленным. После партии он официально заявил, что впредь мне таких выходок не позволит! Уж не эту ли стычку имело в виду бюро ФИДЕ, сурово осудив меня после матча за «неспортивное поведение»?!

Можно ли играть серьезную, напряженную партию после сильной нервной встряски? Оказывается, трудно. В 17-й партии Карпов был переигран вчистую: он потерял пешку без всякой компенсации, а его попытка завязать осложнения тоже не имела успеха. А дальше... Дальше я сделал много грубых ошибок и сперва упустил очевидный выигрыш, а затем, в цейтноте, умудрился получить нелепейший мат в ничейной позиции! Счет

стал 4:1 в пользу Карпова...

Эм. Штейн: *«Жертва» Корчного в одиннадцать минут была воспринята в Багио как акт шахматного самосожжения. Но как еще Корчной мог бороться с Зухарем? Кто же он такой, этот «темный гений»? Какова его роль в борьбе за мировое первенство? Влиятельнейший американский журнал «Ньюсуик» на эти вопросы ответил броской «шапкой» — «Победа Зухаря — Карпова» («Континент» № 21, 1979).*

А. Карпов: *«Если рассуждать, как у нас говорят, по-простому по-рабочему, следовало воспользоваться тем, что соперник дрогнул и потерял равновесие, и давить, давить — добивать...» («Сестра моя Каисса»).*

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ В МАНИЛЕ

Состояние мое было ужасное. Я взял два своих последних тайм-аута и вместе с фрау Лееверик уехал в Манилу, чтобы хоть немного отдохнуть и прийти в себя. Кроме того, я решил провести пресс-конференцию и рассказать обо всем, что происходит в Багио. А буду ли я еще играть? Черт его знает, посмотрим...

Перед отъездом я оставил Кину письменное поручение представлять меня в жюри на время нашего отсутствия. Речь шла только об этом, но Кин, получив мою записку, сделал далеко идущие выводы. Англичанин провел совместно с Батуринским пресс-конференцию, заявив, что отныне он — руководитель группы. Тут же была послана телеграмма в Австрию, президенту второй европейской зоны ФИДЕ Доразилу:

«Убедительно прошу Вас связаться со Швейцарской федерацией на предмет удаления Петры Лееверик с поста главы делегации Корчного. Матч на первенство мира находится в опасности из-за ее сомнительных действий и вызывающих политических заявлений. Если она сохранит свою должность, матч может иметь скандальный исход. Голомбек».

Пусть подпись «Голомбек» никого не вводит в заблуждение. Гарри Голомбек этой телеграммы в глаза не видел!.. Что мог ответить Доразил самозванному руководителю? Он сообщил, что не считает себя вправе лишать группу Корчного, которая и так малочисленна, еще одного человека. А вы, читатель,— не могли бы вы одним словом квалифицировать этот поступок Кина?

Между прочим, одним из первых шагов Кина в качестве моего представителя в жюри была отправка букета цветов госпоже Кампоманес — в качестве извинения за напряженные отношения, сложившиеся у четы Кампоманес с фрау Лееверик и Корчным. Как мило! Господин Кампоманес бьется как тигр, отстаивая советские интересы, а господин Кин дарит цветы его супруге... Как оказалось, этим букетом Кин положил начало «укреплению дружбы» и весьма плодотворному «культурному сотрудничеству между странами».

Пока я готовил в Маниле пресс-конференцию, мои помощники тоже не теряли времени даром. Они искали какой-нибудь компромисс. И нашли! Накануне пресс-конференции они сообщили мне по телефону из Багио, что достигнута договоренность с советской стороной, и попросили ни в коем случае не устраивать встречу с журналистами. Наивные люди: они верили в уступчивость советских! Конечно же я и не подумал отказаться от своего намерения.

После этого заседание жюри, на котором решено было обсудить возможность компромисса, перенесли на более позднее время — когда пресс-конференция должна была уже закончиться. «Конгрессменов», видите ли, интересовало, как далеко я зайду в своих требованиях!

Кстати, незадолго до моего приезда в Манилу Кампоманес посетил известного на Филиппинах профессора психологии, священника-иезуита отца Булатао с целью узнать его мнение о Зухаре. Отец Булатао, не знакомый ни с ситуацией, ни с фактами, все же указал, что психологическое воздействие из зала возможно и помешать ему трудно. Навестил профессора накануне пресс-конференции и я. Он высказал мне примерно то же самое и добавил, что единственный способ борьбы — это установить на сцене зеркальный экран, чтобы участники не видели зрительный зал.

Неплохо придумано! Пришлось бы бедняге Зухарю на пару месяцев раньше отправиться «на заслуженный отдых»!

Б. Црнчевич: «Несколько прекрасных дней в Маниле и дружба со священником вернули эмигранту драгоценную веру в себя. Виктор Львович уверенно, час за часом, выходил из тяжелой тени Зухаря, кем бы тот ни был и чем бы ни занимался. Угнетенность Корчного таяла быстро — как мороженое на жарких улицах Манилы. Он начал есть с аппетитом, энергия и язвительность вернулись в его еще совсем недавно вялые и безвольные фразы; заранее наслаждался впечатлением, которое произведет его пресс-конференция здесь, вдали от Багио и длинной влиятельной руки Кампоманеса» («Эмигрант и Игра»).

На пресс-конференции я рассказал о сложившейся ситуации, о полной безнаказанности советских в Багио, об их сговоре с Кампоманесом. Особо остановился на проблеме Зухаря. Я отметил, что советская «шахматная» новинка была подготовлена еще к матчу с Фишером. Шахматист находится в гипнотической связи с психологом, который внушает ему, например, что он играет как Фишер и Алехин вместе взятые! Я заявил, что тандем Зухарь — Карпов непобедим; этого кентавра с головой Зухаря и торсом Карпова надо раздвоить, иначе матч невозможен!

Пресс-конференция вызвала большой интерес, была освещена во всех газетах. Оказалось, что Кампоманес контролировал в Багио все сообщения прессы, запрещая публиковать материалы о предосудительном поведении Карпова и советской делегации! Впервые на Филиппинах люди заговорили о скандальном характере шахматного матча. Филиппинская публика решительно встала на мою сторону!

Прибывшие вечером следующего дня в Манилу Стин и Мурей

уговорили меня продолжать матч. Они рассказали, что заключено письменное «джентльменское» соглашение. Вот его текст:

«Члены жюри матча на первенство мира по шахматам г-н В. Батуринский (представитель чемпиона мира Анатолия Карпова) и г-н Р. Кин (представитель претендента Виктора Корчного) договорились о нижеследующем:

Г-н Кин уведомил, что г-н Корчной отказался от своего требования на пресс-конференции в Маниле 30 августа 1978 г. об установлении зеркального экрана между участниками и зрителями.

Г-н Батуринский уведомил, что г-н Карпов, идя навстречу просьбам претендента, согласился с тем, что доктор медицинских наук, профессор В. Зухарь будет, начиная с 18-й партии и до окончания матча, размещаться в аудитории в секторе, отведенном для официальных членов советской шахматной делегации (выделено мною.— В. К.) соглашением от 15 июля 1978 г.

Г-н Кин уведомил, что г-н Корчной учтет просьбу чемпиона мира и во время игры не будет пользоваться очками с зеркальными стеклами, которые создают помехи зрению г-на Карпова.

Представители участников выразили надежду, что все это будет способствовать нормальному дальнейшему ходу матча в интересах шахмат и в духе принципов ФИДЕ.

В. Батуринский

Р. Кин.

Багио, Республика Филиппины. 31 августа 1978 г.» Почему советские подписали это соглашение, кому и чем мешали мои очки, понятия не имею. Видимо, кому-то чем-то мешали, советские отнюдь не альтруисты! А в подписании соглашения, безусловно, сыграли роль и ситуация в матче

(все-таки счет был уже подавляющий!), и моя пресс-конференция.

Кстати, в Маниле я узнал любопытную деталь. Моя книга — автобиография на английском языке в количестве 100 экземпляров — была по моей просьбе послана фирмой «Батсфорд» в Манилу и прибыла туда 8 июля. С тех пор она находилась на таможне. Мне сообщили, что есть секретная инструкция, запрещающая распространение на Филиппинах антисоветской литературы, и поэтому книгу не пропускают (не могу ручаться за достоверность этого сообщения: я получил его от Кина, а тот скорее всего от Кампоманеса). Нужно было спасать положение. Через знакомых, при помощи взяток служащим таможни мне удалось «выкупить» книгу. Но о продаже ее в Центре конгрессов, где мы играли, не могло быть и речи — Кампоманес запретил. Не

без труда нам удалось найти посредника, согласившегося распространять книгу.

ЧУДЕСА В РЕШЕТЕ

«Сначала в Центр конгрессов ввели скандальную леди с темным прошлым, а потом попытались запугать чемпиона мира двумя уголовниками без будущего, вернее с будущим, ограниченным тюремной решеткой, или, как говорят «профессионалы», «небом в клеточку». Правда, уголовников в конце концов удалили...» (Л. Колосов, «За кулисами Багио», «Неделя» № 46, 1978).

Мы вернулись в Багио. Фрау Лееверик могла бы, конечно, вновь занять свое место в жюри и взять бразды правления в свои руки, но ей не хотелось вносить разлад в нашу команду. Начался новый этап — этап руководства Кина, человека, не утруждающего себя моральными принципами, этап постепенной сдачи всех позиций и абсолютной гегемонии советских.

Но в дело вмешались другие силы. После выступления в Маниле я получил множество писем. Люди возмущались обстановкой на матче, предлагали свою помощь. Их взволновала не столько политическая сторона дела, сколько явная несправедливость по отношению к одному из соперников. Не скрою, чтобы нейтрализовать Зухаря, я кое-кого временно нанял — но были и помощники-добровольцы. Они сидели в зале и медитировали, стремясь нарушить связь Зухаря с Карповым.

Не знаю, как это действовало, и действовало ли вообще. В конце концов, исход матча решался на шахматной доске, а не вокруг нее. И тут-то должно было сказаться огромное спортивное и психологическое преимущество Карпова в тот момент. Я был опустошен. Мой дебютный репертуар дал трещину, моя излюбленная защита в испанской партии была опровергнута, и мне приходилось петлять меж других дебютов, где у противника наверняка были заготовлены мощные новинки. Словом, я находился в положении кролика, отданного на съедение удаву...

Судя по всему, матч подходил к концу. Но странное дело! Сколько Карпов ни старался, сколько выигранных позиций ни получал, он ничего не мог сделать. Целый месяц без Зухаря — он не мог одержать ни одной победы!

Восемнадцатая партия. Я играю не очень полюбившуюся мне защиту Пирца — Уфимцева. Трудный миттельшпиль, тяжелый эндшпиль, мучительное доигрывание; 60 ходов в защите без единого проблеска контригры, но — ничья!

На 19-й и 20-й партиях в зале появились мои новые помощники. Два йога, американцы Стивен Двайер и Виктория Шеп-пард, прочитав сообщение о моей пресс-конференции в

Маниле, решили оказать мне безвозмездную помощь. Стоило им появиться в зале и усесться в позе лотоса, как что-то случилось с Зухарем. Он закрыл лицо платком, а через некоторое время вышел из зала — насовсем, до конца партии. За ним потянулись остальные советские. Два йога изгнали из зала целую делегацию! Диди, милая женщина, сидела с закрытыми глазами, Дада, скромный молодой человек, иногда косил взглядом на Зухаря. На их лицах были покой и смирение, а Зухарь «со товарищи» бежали от них! Поверьте, читатель,— я не верю в чертовщину, но что-то случилось! Советские с первых же минут усмотрели в йогах опаснейших противников. В ходе партии их пытались удалить из зала. Уж не знаю, под каким предлогом, но фрау Лееверик настояла на их присутствии.

Б. Црнчевич: «Почему Виктория Шеппард и Стивен Майкл Двайер решили помочь эмигранту — останется тайной. Они неожиданно появились в одно прекрасное утро в Багио и предложили Корчному бесплатную помощь. Фрау Лееверик встретила йогов с распростертыми объятиями и представила их всем как молодых, умных и религиозных людей, которым вера запрещает творить зло. Но так как Зухарь приносит зло Виктору Львовичу, то вера позволяет, даже приказывает Виктории и Стивену нейтрализовать злого чародея, сделать его беспомощным и бесплодным. Но при этом не нанести вреда!» («Эмигрант и Игра»).

Не в привычках советского человека терпеть своих врагов. На расширенном военном совете (с участием Кампоманеса!) для начала было решено, что йоги хотя и могут находиться в зале, но должны сидеть нормально и в европейской одежде, а не в своих традиционных оранжевых балахонах. И, кроме того, располагаться в отдалении от советской делегации...

Двадцатая партия стала для меня одной из труднейших в матче. Я применил дебют, который не играл никогда в жизни,,— защиту Каро-Канн. Мне удалось уравнять шансы, но тут, переоценив свою позицию, я увлекся неправильной идеей и столкнулся с серьезными затруднениями. В цейтноте — еще пара ошибок, и партия была отложена уже в совершенно проигранном для меня положении. Над записанным ходом Карпов (небывалый случай!) продумал полчаса, но (как уже бывало не раз) избрал ход попроще, уклонившись от опасных, как ему казалось, осложнений. Запиши он активный ход, всех этих «осложнений» хватило бы хода на три-четыре, а потом я мог со спокойной совестью сдаться...

Придя на доигрывание, я, к своему удивлению, увидел у входа в зал карауливших меня Зухаря и остальных «товарищей».

Тут я понял, что доигрывание будет нешуточным. Так и есть: Карпов не записал выигрывающий ход! Но мое положение все равно оставалось тяжелым. После размена ферзей партия перешла в эндшпиль, где у меня почти не было ходов. Кроме пешечных, с виду весьма опасных! И это-то испугало Карпова. Он опять избрал наиболее прочное продолжение, и — о чудо! — я убежал на ничью. После этой партии Голомбек заявил, что отныне он поверил в загробную жизнь!

Накануне 21-й партии собралось жюри. Кампоманес объявил, что мои йоги — члены организации «Ананда Марга», которых обвиняют в покушении на индийского дипломата. Они находятся под следствием, но за недостатком улик с февраля 1978 года отпущены под залог. Поскольку они потенциальные преступники, то не должны находиться в зале. Этакая советская точка зрения! Во всем мире в юриспруденции принята так называемая «презумпция невиновности»: пока не собраны доказательства, что человек совершил преступление, с ним нельзя обращаться как с преступником. А тут все наоборот! И — извините за набившую оскомину фразу — жюри послушно приняло советскую точку зрения. Хотя совершенно очевидно, что опасных преступников, настоящих террористов не выпустили бы ни за какие деньги.

В 21-й партии Карпов применяет сногсшибательную новинку. Он жертвует фигуру, атакуя застрявшего в центре белого короля. Но я отклоняю жертву, спокойно заканчиваю развитие фигур, и вскоре выясняется, что черные у разбитого корыта. Из их атаки ничего не вышло, а белые выиграли пешку... При доигрывании мне удалось сломить сопротивление противника, и счет стал 4:2. Я считаю эту партию моим лучшим достижением в матче.

Примечательно, что именно в те дни на свет появился меморандум Кампоманеса с предупреждением «о возможности прекращения матча в целях обеспечения личной и общественной безопасности». По

счастью, в Багио эта во всех отношениях новаторская идея не была реализована. Зато в Москве, в феврале 1985 года, Кампоманесу удалось-таки прекратить тревожно затянувшийся матч между Карповым и Каспаровым, что явилось, по словам М-Ботвинника, «совершеннейшим безобразием, слава Богу единственным за всю историю шахмат!»

Двадцать вторая партия. Успешно защищаюсь в худшем эндшпиле. Дело близится к ничьей, но в цейтноте я допускаю явный промах, и Карпов выигрывает пешку. Цейтнот закончился, у меня совершенно безнадежно. Но, видимо, в тот день «йогурт» оказался слишком питательным. Карпов продолжал играть как заведенный (хотя мог бы и отложить партию), сделал четыре

слабых хода подряд, и в отложенной позиции ничья была уже не за горами.

Вообще, в Багио Карпов испортил немало выгодных для себя окончаний. Но, скажем, в статье моего бывшего соотечественника гроссмейстера Г. Б. Сосонко, напечатанной в голландском шахматном бюллетене, я прочел фразу о «безукоризненной эндшпильной технике симпатичного чемпиона мира». Гм... Может быть, эта фраза — дань совсем другой советской технике, военной?..

Пока идет партия за партией, йоги не теряют времени даром. Они учат меня и моих друзей своему искусству. Даже Кин подчас стоит на голове, что, по словам зрителей, напоминает им о печальном состоянии Пизанской башни. Йоги устраивают прием — все мои болельщики приглашены. Все знакомятся с ними, все в восторге от их обращения, эрудиции, гостеприимства. Ничего удивительного, что они вызывают всеобщую симпатию. Оба в разное время окончили Гарвардский университет, Диди разговаривает на 10 языках, весьма начитанна, у Дада тоже философский склад ума...

Что касается их судебного прошлого или настоящего, они объяснили нам, что организация «Ананда Марга» возникла в Индии, где в момент правления Неру и Индиры Ганди были очень сильны коммунисты. В ее рядах оказались сотни тысяч людей, в десятках стран мира появились пропагандисты нового учения. Почуяв опасность, коммунисты постарались опорочить организацию в глазах народа. Они сумели упрятать в тюрьму ее лидера — он провел в заключении семь лет без суда и следствия! Они организовывали провокации, убийства, совершаемые якобы руками членов «Ананды Марги»! В одну из таких ловушек и попали Диди и Дада.

Ну что ж, только такие люди — сильные, смелые — могли помочь мне в борьбе, которая давно уже вышла за рамки

шахматной доски!

Между тем противник нагнетал давление. Очередным вердиктом жюри йогам было запрещено жить у меня в отеле.

Еще через несколько дней решением Кампоманеса, подтвержденным жюри, йогам запретили пользоваться автомобилями, приданными моей делегации, и вообще появляться в моем отеле!

Черт возьми, почему, спрашивается, в Маниле йоги имеют полную свободу передвижения, могут находиться где угодно, а в Багио, где полным-полно вооруженной охраны местного и советского происхождения, им чинят какие-то препятствия?!

Я очень разозлился, когда узнал, что йогов заставили дать

«подписку о невыезде» с моей дачи, где они находились. Я разозлился на Кина, который исподтишка, не ставя в известность о своих действиях ни меня, ни фрау Лееверик, предавал мои интересы. Я написал письмо Лим Кок Анну:

«Меня искренне удивляет шум, поднятый организаторами по поводу присутствия членов «Ананды Марги» в игровом зале. Напоминаю всем, что они освобождены министерством юстиции за недостатком доказательств якобы совершенного ими преступления. Странно, что Кампоманесу не пришла в голову идея удалить фрау Лееверик. Как-никак много лет назад она получила 20 лет лагерей «за шпионаж». Ей посчастливилось выйти на свободу раньше, но она до сих пор так и не реабилитирована. Да и я, бежав два года назад из СССР, определенно нарушил советский закон. Без сомнения, в СССР меня считают преступником. Уж не хотел бы Кампоманес избавиться и от меня?!

Насколько мне известно, в зале действительно есть несколько преступников, но это члены советской группы. Для беженца из СССР присутствие в зале вооруженных агентов КГБ — реальная опасность. Тем не менее организаторы до сих пор так и не предприняли попытки проверить наличие оружия в одежде Пищенко и его коллег.

Вернемся к сути проблемы. Две недели назад Кампоманес отрицал свое право удалить из зала человека, который мешает играющему. Теперь же он требует изолировать людей, которые никого не трогают! Что за странная решимость?

...Запрещенная правилами ФИДЕ связь между Карповым и Зухарем во время партий была очевидной, но сами организаторы до сих пор ничего не сделали для того, чтобы навести порядок. Вот почему я принял помощь членов «Ананды Марги». Это — моя защита и контрмера. Они мне нужны. Они поддерживают меня, и я беру их под свою ответственность. Я гарантирую их безупречное поведение в зале. Я согласен на то, чтобы их обыскивали, я даже согласен, чтобы они сидели в зале в рядах для моей делегации. Но не могу же я во всем уступать Кампоманесу, который обнаружил в ходе матча свое далеко не нейтральное поведение...

Я подчеркиваю, что члены организации «Ананда Марга»

могут быть удалены только в том случае, если Зухарь и Пище-нко будут изгнаны из зала раз и навсегда.

В. Корчной. 12.09.78». Увы, письмо ничего не дало. Лим Кок Анн ознакомился с ним из рук Стина и... не принял его.

Гонения на Диди и Дада вызвали удивление у ряда лиц, ответственных за проведение матча. Мою дачу навестили по очереди Шмид и Эйве. Побеседовав с йогами, они пришли к

выводу, что уж во всяком случае физической опасности те ни для кого не представляют...

Двадцать третья партия. Карпов в значительной мере уже утратил свое шахматное преимущество. Расстреляв впустую свои теоретические заряды, он потерял уверенность в себе. Теряет он и последние физические силы... В сравнительно простом положении я переиграл Карпова. Не без труда ему удалось отыскать этюдную защиту и добиться ничьей.

В 24-й партии впервые за много дней я наконец получил перевес по дебюту, играя черными; но в середине партии упустил шанс зажать противника, и Карпов снова убежал на ничью.

Эм. Штейн: «Боги на Олимпе покинули свое дитя и обратили внимание на пасынка; говоря без метафор — игра у Карпова не шла, что-то сломалось в прекрасном шахматном дизеле. Трагедию художника Карпова в этот момент можно объяснить попыткой соединить воедино разрозненные вертикали и горизонтали черно-белого мира... Почти классический стиль художника не только потерял свой обычный блеск — он просто деформировался под тяжестью того давления, которому его подверг «коллектив»: отточенная техника отупела, компьютерное прогнозирование сменилось зияющими провалами. Массы стали пожирать творца» («Континент» № 21, 1979).

В советском стане паника. Похоже, чемпион высказывает неудовольствие своим помощникам, обвиняя их в своей плохой игре. Таль дает интервью одной из европейских газет. Нечасто услышишь подобные откровения из уст советских официальных лиц! В ответах тренера сквозит отчаяние. Чемпион, по словам Таля, готовился играть 24 партии, и он был близок к победе! А что будет теперь — неизвестно...

БУРНЫЙ ФИНАЛ

Несмотря на отставание в счете, я не собираюсь складывать оружие. Наоборот, в каждой партии ищу бескомпромиссной борьбы. Карпов подавлен. Он испытывает крайнюю усталость от необходам ости все время обороняться. Но все не так просто. Отчаянная игра на выигрыш может в любой момент обернуться неудачей. И в 27-й партии это наконец случилось (кстати, я считаю ее одной из самых слабых в матче). Счет стал 5:2.

Карпову осталось выиграть всего одну партию, только одну! Ну что ж, пожалуйста. Я не стану делать ничью за ничьей, для того чтобы помучить противника или установить рекорд продолжительности матчей на первенство мира. Нет, я буду продолжать играть так, как играл. Чуть больше собранности, чуть меньше пренебрежения... Интересно, почему я так презираю своего противника? По-видимому, это неприязнь ко всему его облику — и к внешнему, и к политическому, да, пожалуй, и к шахматному. Лицемерием, фальшью пронизаны черты этого человека — его поведение, его высказывания в прессе, его «общественная» активность. Те, кто знает, как он силен, в какие высокие правительственные круги вхож, уверены: он наверняка приложил руку к тому, чтобы не была выпущена моя семья. Бесспорно, замешан Карпов и в истории с гроссмейстером Борисом Гулько. С мая 1979 года, когда Гулько со своей женой, экс-чемпионкой СССР Анной Ахшарумовой, подал документы на выезд в Израиль, он семь лет (!) не получал разрешения от министерства внутренних дел и находился в совершенно безвыходном положении.

Вспоминает экс-чемпион СССР Борис Гулько: «В это трудное время у меня были добрые отношения с другими шахматистами. Эту ситуацию создали не шахматисты, и многие советские гроссмейстеры остаются моими друзьями. Однако я очень удивился, когда прочел, что говорил Карпов во время выступления в Гарвардском университете. Когда его спросили об отношениях со мной, он сказал, что помогал мне в мою бытность «отказником» и что я знал об этом. Очень удивительно это читать, потому что я знаю, какой беспредельной властью обладал Карпов в брежневские времена. Он был причастен к решению, сделавшему меня «отказником». Но сейчас ситуация в СССР иная, и он видит прошлое иначе... Предложив мне остаться в СССР, люди из КГБ пообещали улучшить мое положение. Сказали, что оно станет таким же, как у других гроссмейстеров. А перед этой беседой один посланец Карпова предлагал мне то же самое.

Полковник КГБ повторил условия, предложенные мне ранее» (из интервью в голландском журнале «Нью ин чесе» № 7, 1990).

Западу непросто разобраться в человеке, который предпочитает хранить «осмотрительное» молчание. Который, выезжая на зарубежные турниры, неизменно надевает на себя маску снисходительного превосходства. Остаются, правда, высказывания в прессе. Но если собрать их в хронологическом порядке, вы будете поражены хитростью и изворотливостью Карпова. Ничего не скажешь, у чемпиона воистину советский характер!

...Хотя Карпов имеет явное преимущество в счете, ему трудно; у него начинает сдавать нервная система. Он стал жаловаться на плохой сон, пытается спать то в отеле, то на даче, то в кантри-клубе. Газета итальянских коммунистов «Унита» сообщила, что в Багио некие хулиганы устраивают оргии под окнами чемпиона — советская пресса перепечатала это без комментариев. Позвольте, а филиппинская полиция, а Пищенко с Крыловым, личные телохранители Карпова,— что же они прохлаждаются, что же они не могут охранить покой великого сына советского народа?! Даже если великий сын ложится спать с первыми петухами...

А. Карпов: «Вот когда у меня пропал сон... Я промучился полночи и позвал Зухаря. Он колдовал-колдовал надо мной — тщетно. Следующий день я ходил как ватный, ночью не стал испытывать судьбу, попросил Зухаря сразу браться за дело. И опять все зря» («Сестра моя Каисса».)

В эти дни Карпов, чтобы успокоить свою нервную систему, стал поигрывать в свободное время в игру, которой чемпиона и его соратников обучил Эдмондсон,— «Отелло». Как это полагается у них, у советских, чемпион должен быть образцом во всем: он и отличный студент, и прекрасный семьянин, и побеждает во всем! Естественно, прошел слух, что Карпов побеждает всех и в «Отелло». Но вот однажды Эдмондсону довелось сыграть с Балашовым. Играл тот слабо. Разговорились, Эдмондсон спросил, играл ли он с Карповым. «Да»,— был ответ. «Ну и кто выигрывает?» Балашов осторожно огляделся вокруг, не поймают ли его в момент разглашения государственной тайны, и кратко ответил: «Я».

Двадцать восьмая партия. Накануне уехал главный судья Лотар Шмид. Он загодя предупреждал, что в октябре у него будут неотложные дела. Я понимаю Шмида: будь у него действительно сколь-нибудь важная роль, он бы остался! А если он должен был лишь включать часы да фиксировать просрочку времени, если организаторы и жюри отобрали у него все остальные функции главного судьи — что же ему было делать в Багио?!

Еще заранее было оговорено, что в случае отъезда Шмида руководить судейской бригадой будут Кажич (Югославия) и Филип (Чехословакия), с условием, что Филип не может быть главным судьей. Как бы не так — Филип и стал главным! (Человек, который освещал матч — и как! — в партийной газете «Руде право»!) Серьезно повлиять на ход матча это, конечно, не могло, но все же и на сцене у советских теперь верховодил свой человек!..

Отправляясь на доигрывание 28-й партии, я был уверен, что Карпов аккуратной игрой может свести ее вничью. Но на помощь неожиданно пришел... мой цейтнот! Карпов, безостановочно играя в темпе блиц, дважды упустил верную ничью.

А когда развеялся дым цейтнота, развеялись и его надежды спасти партию. 5:3!

Двадцать девятая партия. Снова мне удалось найти вариант, о котором у чемпиона — никакого представления! Больше часа он потратил на первые девять ходов, но так и не нашел путь к уравнению... При доигрывании он, опять в моем цейтноте, сбивается с правильного курса и проигрывает. 5:4!

Ох, что творилось в те дни в советском лагере! Высокие официальные лица — Ивонин (государственный шеф советских шахмат), космонавт Севастьянов (шеф, так сказать, общественный) уже давно в Багио, ждут не дождутся заключительного банкета. А банкета все нет!..

На 29-ю партию, кстати, к чемпиону подоспел и четвертый тренер — гроссмейстер Васюков. Существует ли в советском лексиконе слово «порядочность»?! Человек, который работал со мной накануне турнира претендентов на Кюрасао в 1962 году, во время межзонального турнира в Сусе в 1967-м, помогал в ходе московского матча с Карповым в 1974-м,— и этот человек оказался теперь среди тренеров Карпова!

В 31-й партии к моменту откладывания возник ладейный эндшпиль, на вид — выигрышный для меня. Велико же было наше разочарование, когда, придя домой, мы обнаружили, что в главном варианте Карпов единственными ходами добивается ничьей!

Это был трудный анализ. Предстояло отыскать продолжение, которое могло бы выпасть из поля зрения Карпова и его помощников. Позиция была сравнительно простой, и заставить Карпова работать за доской самому было задачей не из легких! Доигрывание этой партии стало головоломкой даже для видавших виды гроссмейстеров... Карпову нужно было сделать несколько точных ходов, но он — спотыкается! Просмотрев мой промежуточный ход, он потерял важную пешку и вскоре сдался.

5:5!

А. Карпов: «Потерпев поражение в 31-й партии, я расстроился не на шутку... Сами понимаете, иметь возможность получить 5:1 (в случае победы, например, в 18-й или в 20-й партии), добиться 5:2 и вот теперь «докатиться» до 5:5... Было от чего потерять голову» («В далеком Багио»).

Г. Каспаров: «Спустя годы в «Шпигеле» появилось сенсационное сообщение: оказывается, именно в день проигрыша 31-й партии Карпов заключил контракт с фирмой «Новаг» в Гонконге на рекламу шахматного компьютера. Можно только позавидовать выдержке и хладнокровию нашего чемпиона, который в самый трагический момент матча «не потерял голову». Посредником в сделке выступил деловой партнер Карпова, западногерманский тележурналист Гельмут Юнгвирт... Лишь много позднее, когда выяснилось, что Юнгвирт утаил от чемпиона около полумиллиона долларов, подробности этого контракта стали достоянием общественности. Помогли ли власти Карпову в этой сделке? Или просто закрыли на нее глаза, как, возможно, закрыли глаза и на его валютные счета в западных банках? Или же он проделал все за их спиной? Ответа на эти вопросы до сих пор нет. Несомненно одно: в дальнейшем Карпову была оказана помощь в его попытке запопучить свои «законные» деньги. И помогали ему в этом (в 1983—1984 годах) не советские официальные лица, а Кампоманес и Кинцель (тот самый Кинцель, который вместе с Кампоманесом действовал против меня в феврале 1985 года). Кампоманес выступал в роли доверенного лица Карпова и раньше, а «тройственный союз» был оформлен документально в апреле 1984 года в Лондоне. Частное расследование прошло успешно: 30 августа Юнгвирт в разговоре с Кинцелем (кстати, бывшим шефом полиции) наконец признал, что получал деньги для Карпова...

Момент, выбранный для заключения контракта, вызывает удивление. Позднее Юнгвирт заявил, что Карпов, опасаясь гонений у себя на родине в случае поражения от эмигранта Корчного, собирался бежать в США и в кассе манильского аэропорта его ждал билет авиакомпании «Пан-Ам» до Лос-Анджелеса. 30 ноября 1988 года суд в Гамбурге признал «откровения» Юнгвирта вымыслом» («Безлимитный поединок»).

Кстати: это тот самый гамбургский Юнгвирт, у которого— помните? — странным образом полностью сгорел при копировании фильм, «где очень рельефно показано необычное поведение Спасского» во время финального матча претендентов с Корчным (стр. 61).

...Что же все-таки случилось во второй половине матча?

Карпов, имея колоссальный психологический, спортивный, шахматный, наконец политический перевес,— не только не сумел его использовать, но вообще растерял все по дороге. Единственная уступка, на которую согласилась советская сторона, — убрать своего психолога из пределов моей видимости,— дорого обошлась чемпиону. Карпов утратил свои лучшие качества, и прежде всего — тонкость психологической оценки позиции! Боюсь, что этот термин не всем понятен, включая даже многих гроссмейстеров. Это не реальная оценка позиции, а как бы знание того представления о позиции, которое имеет противник. Способность понять ход его мыслей — это очень много! Это значит — по меньшей мере наполовину сократить анализ возможных ответов противника, рассматривая лишь те, которые он считает наиболее опасными для вас или для себя. То есть, попросту говоря, это значит предвидеть, что будет делать противник!

Этим качеством Карпов владеет более, чем кто-либо другой, — и его-то он и утратил! Насколько мощным он выглядел в этом плане в 13-й и в первой половине 17-й партии, настолько же беспомощным — в 29-й и 31-й! Налицо была и полная потеря уверенности в себе.

Нельзя не сказать несколько теплых слов о йогах, которые всю вторую половину матча самоотверженно трудились, стараясь укрепить мое физическое состояние и боевой дух. А если передача мыслей на расстояние и впрямь существует, то здесь они оказались просто незаменимы. С их появлением Зухарь стал увядать буквально на глазах! С самого начала на йогов начались форменные гонения. Их стали изолировать, ограничивать в свободе передвижения. Странное дело! Йоги уже и с дачи-то не выходили, а советские все никак не могли успокоиться. Денно и нощно охраняемые тайной и явной полицией, Карпов и Зухарь уверяли, что их жизни угрожает опасность! Накануне 32-й партии Балашов «по поручению Карпова» выдвинул письменный ультиматум. Чемпион заявил, что не может чувствовать себя спокойно, пока «преступники-террористы» находятся в Багио, и отказывается играть очередную партию.

Эм. Штейн: «В матче возникла ситуация фарса, когда будущий победитель оказался в роли побежденного. Потрясенный спуртом Корчного, Карпов обращается в жюри матча с протестом против секты гуру — член ЦК ВЛКСМ испугался черной магии. Феноменальное «пять — пять» стало не только спортивным равновесием, но и идеологическим: оказалось, что невозвращенец, лишенный семьи и родины, зачастую окруженный целым стадом -«носорогов»,— в условиях свободы может творить

невозможное («Континент" № 21, 1979).

К сожалению, я ничего не знал об ультиматуме Карпова. Читатель может догадаться, какой была бы моя реакция. Но вся полнота власти и информации находилась в тот момент у Кина... Зная всплывшие позднее факты, нетрудно прийти к выводу, что Кину была крайне невыгодна моя победа! Помните, читатель, о нашем контракте, заключенном накануне матча? Так вот, выяснилось, что Кин писал книгу, писал тайком в ходе матча, ежедневно отправляя свои телексы-главки в Лондон! Стало быть, он вообще не имел права претендовать ни на какой гонорар! Более того, став чемпионом мира, я вполне мог добиться и того, чтобы Кин не получил даже тренерского гонорара от организаторов,— должно же в конце концов быть наказуемо столь вероломное нарушение договора!

Наконец, еще один штрих: Кин писал книгу в предположении, даже в уверенности, что я проиграю матч. Одержи я победу, ему, бедняге, пришлось бы переделывать книгу! И тогда бы ˚на не могла появиться в лондонских магазинах на следующий день после окончания матча (как это в действительности и случилось). Пришлось бы на недельку задержать ее выход, тем самым поставив под угрозу финансовый успех!

Нет, господин Кин все отлично продумал, прежде чем избрать свою линию поведения.

Г. Каспаров: «Теперь все зависело от того, кто одержит следующую победу. Тогда-то и появились слухи о том, что советская делегация, озабоченная состоянием здоровья Карпова, предложила прекратить матч при счете 5:5, при этом Карпов, конечно, сохранял титул чемпиона. Опровержение этих слухов показалось мне тогда убедительным, но с годами возникли сомнения. Тогдашний президент ФИДЕ Макс Эйве сказал Кину, одному из секундантов Корчного, что матч при равном счете следует прекратить. Он выдавал это за свою собственную идею, хотя вполне возможно, что она была ему подсказана, как спустя семь лет другому президенту ФИДЕ — Кампоманесу, когда он прекратил наш первый матч с Карповым в сходной ситуации и под тем же предлогом» («Безлимитный поединок»)-

«Последний и решительный…»

После 31-й партии Карпов взял свой последний тайм-аут. Ему надлежало привести в порядок пошатнувшуюся нервную систему, заделать прорехи в дебютной подготовке, юридически обосновать новое наступление на моих помощников-йогов. Для этого ему надо было дождаться и отъезда Эйве, единственной фигуры, которой немножко стыдились советские. Президент покидал Багио в самые горячие дни матча — для чего бы, вы думали? — чтобы навести порядок в Шахматной федерации Венесуэлы. Видимо, это было поважнее, чем вопрос, кто станет чемпионом мира. Правда, перед отъездом Эйве вызвал для беседы Кина и фрау Лееверик и заявил им, что если советские снова будут преследовать йогов, он разрешает мне остановить матч.

Карпов отправился в Манилу на пару дней разрядиться. Судя по его поведению там, он знал — до самых мелочей! — все, что произойдет в день последней партии.

У меня же появилось время подумать о том, что случилось в матче, и о предстоящей партии. При счете 5:5, когда позади было несколько месяцев напряженной борьбы, я совсем иначе осмыслил торг, предшествовавший переходу шахматной короны от Фишера к Карпову, иначе оценил и условия нынешнего матча, предписанные мне советской стороной. Крайне трудно вообразить себе равный счет в столь длительном матче,— но вот этот счет стал реальностью. Прав ли был Фишер, когда требовал защитить титул чемпиона мира двумя очками форы — чтобы претендент добивался победы со счетом 10:8 (или 6:4), а при счете 9:9 (или 5:5) чемпион сохранял свое звание? Да, теперь я понял, что это было вполне естественно: чемпион этого заслуживает, не говоря уже о том, что при равном счете дальнейшая игра до первой победы — чистая лотерея, и кто бы ни выиграл, это уже неубедительно!

Более того, я представил себе, что выигрываю матч. А через 12—15 месяцев должен состояться матч-реванш. И если я его проигрываю, то просто физически не успеваю принять участие в новом цикле борьбы за первенство мира, поскольку претендентские матчи уже начнутся... Все это я высказал в интервью накануне 32-й партии.

Да, гениальному Фишеру не дали отстоять свое звание, отказавшись предоставить ему перевес в два очка. А потом? 0отом советские приняли фишеровскую идею играть вместо матча из 24 партий безлимитный матч, но взамен двух очков форы они защитили Карпова куда надежнее, куда безжалостнее для

претендента — матчем-реваншем!..

А чем занимался штаб Карпова, пока тот ездил в Манилу? Они строчили новые письма-указания для жюри, уточняли на месте все нешахматные детали предстоящей партии. В апартаментах советской бригады находился телекс, установленный для обеспечения секретной связи с Москвой. Члены нашей группы пользовались телексом, доступным для проверки всеми, и в первую очередь Кампоманесом. В эти дни по своей секретной линии советские, как выяснилось, отчаянно запрашивали Москву: что делать, если Корчной вдруг откажется продолжать матч и потребует немедленно выпустить его семью? Отличная идея! Увы, мы были взбудоражены ситуацией в матче, и никому из нас эта мысль не пришла в голову. Мы все, признаться, переоценивали мои шансы в дальнейшей борьбе.

С утра в день 32-й партии состоялось очередное, оказавшееся последним, заседание жюри. Лим Кок Анн к тому времени уже находился дома, в Сингапуре. Но, чтобы обеспечить требуемое большинство, его накануне тайно вызвали обратно. А уехавший Шмид был заменен в жюри послушным Филипом.

Зачитали письмо «Балашова — Карпова» от 16 октября. Чемпион отказывается играть, если члены организации «Ананда Марга» будут находиться в Багио. Все ясно. Было чуть-чуть неудобно, что жюри приходится отменять свои прежние решения, и причем в тот момент, когда казалось, что все удовлетворены, так сказать, домашним арестом йогов. Но желание советских — закон, и, поартачившись для виду, Кин написал заявление, что для спасения чемпиона от проигрыша ввиду неявки на партию он соглашается удалить йогов из Багио. Поставив подпись под этим документом, он взял на себя всю ответственность за дальнейшее. К двум часам дня Кин явился к нам на дачу и сообщил йогам, что они должны отбыть. И они — на моих глазах — покинули Багио.

Интересно, думаю я сейчас, а что бы случилось, если бы они ослушались? Ведь в правовом государстве нет такой силы, которая могла бы депортировать свободных людей! Ведь не вступили же пока еще Филиппины в «союз нерушимый республик свободных» (кавычки тут можно было бы поставить к каждому слову)...

Я пришел на игру. Очевидцы рассказывали, что в этот день зал напоминал скорее арену полицейских маневров, нежели мирное шахматное соревнование. Здание было переполнено одетыми в штатское и форму полицейскими. Пройти из зала в буфет было невозможно.

Что меня поразило накануне партии: я встретился пару раз глазами с советскими — на их лицах было затаенное торжество,

злорадство. У вас никогда не было такого чувства, читатель? О, это незабываемое ощущение! Вы проходите сквозь строй ненавидящих глаз, и каждый в этом строю мысленно разделывает вас под жаркое. Пожалуй, тот, кто не испытал такого, по-настоящему еще и не жил. А мне, дорогие мои, есть что вспомнить, уйдя на пенсию...

Началась партия. В первом ряду партера сидели руководители советских шахмат, а в 4-м разместился... наш старый знакомый — Зухарь!

Кин, побуждаемый Стином и Муреем, обратился к Батуринскому за разъяснениями. Батуринский ответил просто: «Это было джентльменское соглашение, оно обязательно лишь для джентльменов!» Потом, в Союзе, он любил рассказывать об этом эпизоде, похваляясь своим остроумием.

Несмотря на то, что Стин просил Кина прервать партию, тот отказался под предлогом, что это сильно подействует мне на нервы. Могли остановить партию и судьи — ведь они же знали о подписанном соглашении! Но разве чех и югослав могли перечить советским?!

В начале восьмого в зале появилась фрау Лееверик. Она тут же попросила Кина послать телеграмму протеста д-ру Эйве. Однако Кин уклонился от своей обязанности. Примерно без четверти восемь телекс был послан Стином.

А партия? Все шло своим чередом. Я подготовил вариант, вернее — новый ход в известном, хотя и не очень легком для черных варианте. Я анализировал его много дней, рассчитывая на психологический эффект новинки. Каково же было мое удивление, когда Карпов в критический момент ответил не раздумывая! Он знал этот ход, более того — я вдруг почувствовал, что он ждал его именно сегодня!

По идее я должен был быть к этому психологически готов — о том, что наши комнаты прослушиваются, я догадался уже после 7-й партии. И все-таки я почувствовал себя нехорошо. (Факт выдачи Кином моего дебютного построения в 32-й партии так и не доказан. Зато достоверно известно, что в 1981 году он приезжал в СССР и помогал Карпову готовиться к нашему матчу в Мерано.)

Что меня еще удивило — Карпов играл на редкость уверенно, не сравнить с последними партиями. Нет, я не видел Зухаря во время игры, я только через Карпова ощутил — кентавр опять обрел свою голову!

Да, Карпов играл неплохо. По дебюту, правда, он не использовал всех возможностей — дал мне высвободить игру. Но я упустил свой шанс. Трудности черных оказались уже

стабильного характера. Потом я попал в цейтнот, понес серьезный урон и — партия была отложена.

Вечером друзья рассказали мне в деталях о событиях дня. Ситуация скандальная. Доигрывать партию я не собирался, а намерен был обжаловать ее как незаконную. Единственный, кто не хотел поднимать шума, был Кин. Наутро в 9 часов он по собственной инициативе позвонил Филипу и сообщил, что... Корчной сдает партию! Я же в час дня послал Филипу официальное письмо. Вот его текст:

«Я не буду доигрывать 32-ю партию. Но я не собираюсь и подписывать бланк, ибо партия игралась в совершенно незаконных условиях. Я не считаю эту партию законной. Матч не окончен. Я оставляю за собой право жаловаться в ФИДЕ на недопустимое поведение советских, враждебность организаторов, недостаточную активность судей. В. Корчной. 18.10.78».

Затем я обратился в ФИДЕ с протестом, поддержанным Швейцарской шахматной федерацией.

Я отказался явиться на закрытие матча. Это тоже был мой протест против поведения советских и Кампоманеса. Считаю себя правым на все сто процентов. В матче, превращенном в побоище, где при пособничестве жюри были выброшены к чертям все понятия о честной игре, где бессовестно нарушались правила и соглашения,— в таком соревновании и церемония закрытия превращается в место казни бесправного...

А. Рошаль: «На сцене вечером 17 октября, когда игралась 32-я партия, ставшая решающей, мы увидели за столиком чемпиона, которого привыкли видеть и хотим видеть... На следующий день, когда арбитр матча чехословацкий гроссмейстер М. Филип сообщил, что противник сдает 32-ю партию без доигрывания, устало улыбнувшийся чемпион мира «разрешил» сообщить домой о своей победе. А председатель Шахматной федерации СССР летчик-космонавт СССР В. Севастьянов сказал: «Вот и настал, Толя, твой звездный час»...

В тот же день Анатолий отправил телеграмму в Москву: *«Товарищу Брежневу Леониду Ильичу. Глубокоуважаемый Леонид Ильич! Счастлив доложить, что матч на звание чемпиона мира по шахматам закончился нашей победой. Примите, дорогой Леонид Ильич, сердечную благодарность за отеческую заботу и внимание, проявленные ко мне и нашей делегации в период подготовки и проведения матча. Заверяю Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Советское правительство и лично Вас, Леонид Ильич, что в будущем приложу все усилия для приумножения славы советской шахматной школы. Чемпион мира Анатолий Карпов. 18 октября 1978 года, Багио, Филиппины» (из*

книги «Девятая вертикаль», Москва, 1978).

А. Карпов: *«20 октября стало особо знаменательным днем для меня: на мое имя в Багио поступила поздравительная телеграмма Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Верховного Совета СССР Леонида Ильича Брежнева. Все члены нашей делегации собрались 8 отеле, была оглашена телеграмма Леонида Ильича, прозвучали бурные аплодисменты. Мне трудно передать, какое я испытываю чувство благодарности за эту высокую честь. И я, и все советские шахматисты обязаны ответить на заботу народа, партии, правительства, личную заботу дорогого Леонида Ильича новыми успехами» («Неделя» № 44, 1978).*

...Спустя годы (из интервью в «Огоньке» № 33, 1990): А. Карпов: «Я никогда не заискивал перед сильными мира сего и не ощущал, будто член Политбюро стоит явно выше чемпиона мира по шахматам. Вы об этом знаете». А. Рошаль: «Да».

...За три месяца матча я получил более 300 писем из 28 стран. Здесь были доброжелательные письма из Болгарии, Польши, СССР (!), стран Азии, Южной и Северной Америки, Западной Европы, Австралии, Южной Африки. Вот лишь одна из телеграмм: «Всем сердцем с вами. Жан-Поль Сартр, Сэмуэл Беккет, Эжен Ионеско, Фернандо Аррабаль».

Особенно возросла почта после 17-й партии, после моей пресс-конференции в Маниле. Даже далекие от шахмат люди поняли, что в Багио идет грязная политическая игра, они выражали мне свою солидарность, писали, что болеют, переживают, молятся за меня. Не всем из них были ясны мои гражданские и тем более религиозные взгляды, но они сознавали, что это борьба одиночки против страны-хищника, страны, попирающей элементарные права человека. Я получал ободряющие письма от протестантов, католиков, православных, иудеев, индуистов, мусульман, иезуитов. Я чувствовал за собой поддержку всего мира! С точки зрения пропаганды эта крохотная репетиция накануне афганской войны дорого обошлась Советскому Союзу...

ПОСЛЕ МАТЧА

На Филиппинах бархатный сезон.
Поклонники ушли на джонках в море.
Очухался маленько чемпион,
Про все, что надо, высказался он
И укатил с почетом в санаторий.
В. Высоцкий, 1979

Вспоминает друг Высоцкого, кинорежиссер Станислав Говорухин: *«Когда Корчного стали преследовать, наши с Володей симпатии были определенно на его стороне. Да и не только наши — огромное количество людей, особенно среди интеллигенции, болели за Корчного. Так уж у нас повелось: видим, что кого-то унижают, на кого-то давят официальные власти — и подавляющее большинство сразу за него (вспомним хотя бы случай с Ельциным). Умеем сострадать. Так всегда было — и так всегда будет. Помню, когда в Багио счет стал 5:5, нас охватило просто лихорадочное состояние. Но все быстро кончилось."*

(из интервью в журнале «Шахматы в СССР» № 10, 1990).

Испанский драматург Фернандо Аррабаль:

«По окончании матча на Филиппинах истинные поклонники шахмат могут испытывать только отвращение. Этот псевдочемпионат мира проиграл не Корчной, а шахматы!

После официального 6:5 оба противника достигли своей цели: Карпов продолжает носить титуп. который Международная шахматная федерация похитила у Фишера, а Корчной вновь поставил под сомнение мнимое превосходство Карпова. Эта самая федерация смогла превратить Карпова, большую надежду шахматного мира.— в трактирного обманщика, готового на любые трюки... Корчной имел полное право оспорить результат последней партии Карпов проиграл три партии кряду, и тогда на решающую встречу его соратники вновь усадили парапсихолога вблизи шахматной доски...

Остается последний вопрос: освободят ли советские власти две невинные жертвы, жену Корчного и его сына, которых держат как заложников?! Им в сентябре вновь отказали в выездной визе — из-за матча в Багио»

(из парижского еженедельника «Экспресс», 28 октября 1978).

Вскоре после Багио в правилах ФИДЕ появился пункт, обязывающий участников будущих матчей присутствовать на

церемонии закрытия — под страхом потери 25 процентов гонорара. Господа, придумавшие это правило, вероятно, не знакомы с людьми, для которых принципы дороже денег. Могу напомнить: в 1971 году Роберт Хюбнер, не закончив матч с Петрося-ном, покинул Севилью в знак протеста против действий партнера и главного судьи. Он так никогда и не получил гонорара за этот матч!..

На следующий день после закрытия Кин привез мне в Манилу чек от Кампоманеса. Кин не пожелал встретиться со мною лично — наверное, ему не хотелось смотреть мне в глаза. На чеке была многозначительная надпись: «Подлежит оплате лишь в том случае, если Корчной признает матч завершенным». Вот так-то!

Кампоманес вообще сделал все. чтобы омрачить нам последние дни пребывания на Филиппинах. У нас с фрау Лееверик и Стином были билеты филиппинской авиакомпании в Европу, но места не были забронированы. Нам сообщили, что ближайшая возможность вылета — 2 ноября. Как же так? Мы же спешили на Всемирную шахматную олимпиаду в Буэнос-Айрес, которая начиналась 25 октября! Мало того что Кампоманес наотрез отказался помочь нам с отъездом,— он прислал письмо с сообщением о том. что с 18 октября мы Должны сами оплачивать отель. А у нас, признаться, было туго с наличными — один лишь «условный» чек.

Выручило маленькое чудо. Меня пригласили в Гонконг дать сеанс одновременной игры. Так мы добрались до континента. там, доплатив 1000 долларов из своих денег, мы с фрау Лееверик вскоре попали и на прямой рейс до Цюриха. Стину, также доплатившему немалую сумму, удалось вылететь из Гонконга в Лос-Анджелес и далее в Буэнос-Айрес. (Поразительно, что в феврале 1979 года, на заседании Бюро ФИДЕ в Граце, где должна была рассматриваться жалоба Стина на Кампоманеса, Кин заявил, что Кампоманес провел состязание в Багио безупречно, проявил гостеприимство и радушие — словом, отлично справился с функциями хозяина матча и финансового организатора. Какая явная ложь! Ведь Кин был в курсе всех наших злоключений — сам он, на день позже нас, улетел из Манилы прямым рейсом в Европу! Своим заявлением Кин как бы вытащил деньги из кармана Стина и благородно вручил их Кампоманесу.)

Помимо Олимпиады в Буэнос-Айресе проходила Генеральная ассамблея ФИДЕ. В один из дней обсуждался и мой протест. Выступал мой адвокат, Албан Бродбек, на немецком языке. Слушали его вполуха. Сидевший в президиуме Кампоманес вел себя вызывающе нахально: не понимая ни слова по-немецки, он даже не прикоснулся к наушникам — и все время строил

гримасы... А через несколько месяцев, в Граце, он замахнулся на моего юриста бутылкой! До чего мы все-таки дожили! На крупнейшем шахматном форуме, на собрании весьма уважаемых в мире людей сидят и даже верховодят такие вот кампоманесы, и никто не в силах поставить их на место!..

В ответ на речь Бродбека Кампоманес начал кричать, размахивать руками, выкрикивать угрозы по адресу фрау Лееверик. Он изображал в лицах, как мои йоги убивали его друга — индийского дипломата, как истекала кровью несчастная жертва! Но по существу дела — то есть о нарушении соглашения советской стороной — не сказал ни слова. А в качестве главного козыря он жестом иллюзиониста извлек письмо Кина якобы к господину Иллюзорно, филиппинскому банкиру, одному из спонсоров матча. Вот его текст:

«Чтобы поставить все на свои места, я информирую Вас, что Виктор Корчной проиграл 32-ю партию, абсолютно не зная о юридической процедуре, которая состоялась на жюри (изгнание йогов! — В. К.). Точно так же он ничего не знал и о факте присутствия Зухаря в 4-м ряду во время игры. Р. Кин. 23.10.78».

Когда я обратился к Кину за разъяснениями — кто уполномочил его написать сие послание (сами знаем, кто!), он стал бормотать, что это была частная переписка и что Кампоманес не имел права ее обнародовать. (Да и вообще, получал ли письмо г-н Иллюзорно? Собственно, зачем ему, спонсору матча, было его получать? Ведь содержание письма его абсолютно не касалось!) Тогда я пообещал Кину простить его долги — но только финансовые! — если на следующем заседании Ассамблеи он выступит против Кампоманеса публично или хотя бы письменно. Он обещал, но ничего не сделал. И впрямь: как можно выступать против лучшего друга?

В итоге вопрос отложили. Единственное решение Генеральной ассамблеи состояло в том, что мне позволили реализовать свой чек. Пусть так: как говорится, с худой овцы хоть шерсти клок.

А что же решило Бюро ФИДЕ, собравшееся вскоре в Граце? Бюро в составе десяти человек обсуждало, оказывается, уже не мой протест, а реляцию Кампоманеса по поводу моего «неспортивного поведения» в Багио! Бюро «единодушно одобрило» следующее заявление (при его принятии отсутствовали новый президент ФИДЕ гроссмейстер Ф. Олафссон и один из вице-президентов, но это не помешало Кампоманесу и Баккер употребить слово «единодушно»):

«Матч на первенство мира 1978 года между Карповым и Корчным в Багио был организован Шахматной федерацией

республики Филиппины тщательно и хорошо... Жюри и арбитры матча выполняли свои функции объективно и эффективно.

В этих условиях (в каких?— В. К.) мы должны осудить преднамеренные (! — В. К.) действия и поступки, совершенные претендентом в ходе розыгрыша первенства мира fобратите внимание: меня обвиняют в плохом поведении не только во время матча с Карповым! — В. К.), которые не соответствуют спортивной этике и правилам общественного поведения и нанесли ущерб достоинству и престижу ФИДЕ. Бюро ФИДЕ сожалеет о поведении претендента и строго предупреждает Корчного, чтобы он вел себя корректно в будущих шахматных соревнованиях».

Вам понятно, читатель? Бюро ФИДЕ не собирается обсуждать преднамеренные действия и поступки другой стороны. Не желает оно приводить и конкретные факты нарушения мною спортивной этики и т. п. Сей меморандум — не последнее ли то было предупреждение перед окончательным изгнанием меня из соревнований ФИДЕ? А повод — повод нашли бы...

Вскоре я направил письмо президенту ФИДЕ:

«Уважаемый господин Олафссон!

Обращаюсь к Вам с настоятельной просьбой включить вопрос о моей семье в повестку дня Генеральной ассамблеи ФИДЕ... Хотите Вы того или нет, вопрос этот стал важнейшей нравственной проблемой ФИДЕ... Последние несколько лет ФИДЕ старается (и с успехом!) представить себя независимой от голоса мировой прессы, игнорирует мировое общественное мнение, не хочет обращать внимание на охватывающую весь мир борьбу за гражданские права.

Это опасная тенденция, господин президент. Напротив, ФИДЕ с каждым годом все более теряет свою независимость, превращаясь в абсолютно бесполезную организацию, целиком Зависящую от нескольких влиятельных лиц. Диктат и несправедливость, фальшь и предательство царят в кулуарах ФИДЕ, Скрытых от посторонних взглядов.

Лишь этим можно объяснить совершенно несправедливое решение, принятое на Бюро ФИДЕ в Граце. Не приведя фактов проигнорировав мнение мировой прессы, меня обвинили в неспортивном поведении. Я знаю, что Вы не присутствовали на заседании, где было принято это решение. Настоятельно требую его пересмотра на Генеральной ассамблее...

Надеюсь, что рано или поздно, благодаря усилиям парламентариев демократических стран, моя семья, которая ныне подвергается преследованиям со стороны властей (сына собираются упрятать в тюрьму), будет все же освобождена...»

Ответа на свое письмо я не получил. Но справедливости ради надо сказать, что в 1981 году Олафссон попытался перенести на месяц наш новый матч с Карповым, желая «обеспечить обоим участникам равные условия», то есть добиться наконец (пять лет спустя!) выезда моей семьи.

В. Батуринский: «Это были аргументы, не имеющие ничего общего с шахматным соревнованием... Президент явно превысил свои полномочия, что и было отмечено в направленных ему протестах чемпиона мира и Шахматной федерации СССР... Единодушное мнение сводилось к тому, что шахматный матч на первенство мира не может увязываться с совсем иными вопросами. Оказавшись в одиночестве, Олафссон вынужден был отступить» («Страницы шахматной жизни»).

Очевидно, именно после этой истории Олафссон впал в немилость у советского руководства. «Единодушное мнение» свелось к тому, что ФИДЕ нужен другой, более покладистый президент. Тем более, что подходящая кандидатура на примете уже была.

Г. Каспаров: «Почему именно Багио было выбрано для проведения матча? Ответ на этот вопрос нужно искать у чрезвычайно деятельного и бесконечно хитрого филиппинца Флоренсио Кампоманеса, пользовавшегося покровительством диктатора Маркоса. Это был его дебют на мировой шахматной сцене. Он установил хорошие отношения с В. Севастьяновым и В. Батуринским. И, как оказалось, не зря. Именно в Багио Кампо, как его стали называть, сделал солидную заявку на высший пост в мировых шахматах, добившись расположения советских официальных лиц и Карпова. Этого он достиг, всячески содействуя чемпиону, хотя как организатор матча должен был бы оставаться нейтральным. Награду Кампоманес получил через четыре года в Люцерне (1982), когда при нашей решающей поддержке был избран президентом ФИДЕ» («Безлимитный поединок»).

Остается добавить, что в 1986 году Кампоманес был переизбран на . этот пост, а в 1990-м остался на нем и на третий срок...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Матч в Багио окончательно подвел черту под моим советским прошлым: в декабре того же, 1978 года указом Президиума Верховного Совета СССР я был лишен советского гражданства.

А через год, в декабре 1979-го, в Ленинграде решением уголовного суда моего сына осудили на два с половиной года тюрьмы. В июле 1977 года Игорь впервые обратился за разрешением на выезд из Советского Союза, а в мае 1978-го получил повестку в армию. После 12 месяцев пребывания в подполье он сдался властям. ТАСС объявил: «Состоялся суд над сыном известного своим скандальным поведением гроссмейстера Корчного». Дали понять, что судят сына за грехи отца. Такой же, только говорящий по-русски, «Кампоманес» заявил об исключительной важности дела, заявил, что мой сын — опасный преступник, тунеядец, не занимающийся общественно-полезным трудом, уклоняющийся от священного долга советского гражданина... Ссылки на плохое состояние здоровья, на то, что Игорь Корчной давно уже решил уехать за границу и не может принять присягу верности СССР,— все это было отметено. После девятичасового заседания суд присудил почти высшую меру наказания по статье за уклонение от службы в армии (потолок по этой статье — три года)...

Эта книга была уже готова, но я не спешил ее издавать. В феврале 1980 года я послал письмо Карпову. Известил его, что написал книгу о нашем матче, и заверил, что ее издание отнюдь не прибавит ему престижа. Я предложил: в случае если моя семья в ближайшее время будет выпущена из СССР, не издавать книгу.

Одновременно я послал письмо члену Политбюро ЦК КПСС, одному из 14 правителей страны — К. У. Черненко. Я вырвал из книги несколько наиболее острых в политическом отношении страниц и приложил к письму. Товар лицом! Я информировал Кремль, что собираюсь выпустить книгу не менее чем на девяти языках общим тиражом около 500 тысяч экземпляров. И опять-таки сообщил, что не стану издавать книгу, если моя семья получит свободу...

«Да это же шантаж!» — воскликнул, услышав от меня об этом, один западногерманский гроссмейстер, известный своими либеральными взглядами. Я остолбенел. Человек, который знает меня десятки лет, который лично знаком с моей семьей, обвинил меня в неджентльменском поступке!.. Да поймите же, господа либералы! Ни добрыми словами, ни уговорами, ни упреками от советских ничего не добьешься! Ни с кем и ни с чем они добром

не расстаются. Не отдают они ни Курильских островов, ни Игоря Корчного или Гулько, ни золота мадридского банка — ничего!

Мои послания не имели прямых последствий. Парень неумолимый и недоступный резонам, Карпов мне не ответил. С письмом в Кремль я имел частичный успех: «человек с ручьем» подписал уведомление о вручении, но член Политбюро не удостоил меня ответом. Хотя вряд ли мое письмо пропало Даром. Наверняка оно изучалось, оценивалось бюрократами со Старой площади, взвешивались «за» и «против». Жандарму мира было над чем подумать...

Книга вышла в 1981 году, накануне матча в Мерано. Лишь после этого матча, выигранного Карповым со счетом 6:2 при 10 ничьих, семья Корчного получила возможность покинуть СССР (случилось это в июле 1982-го).

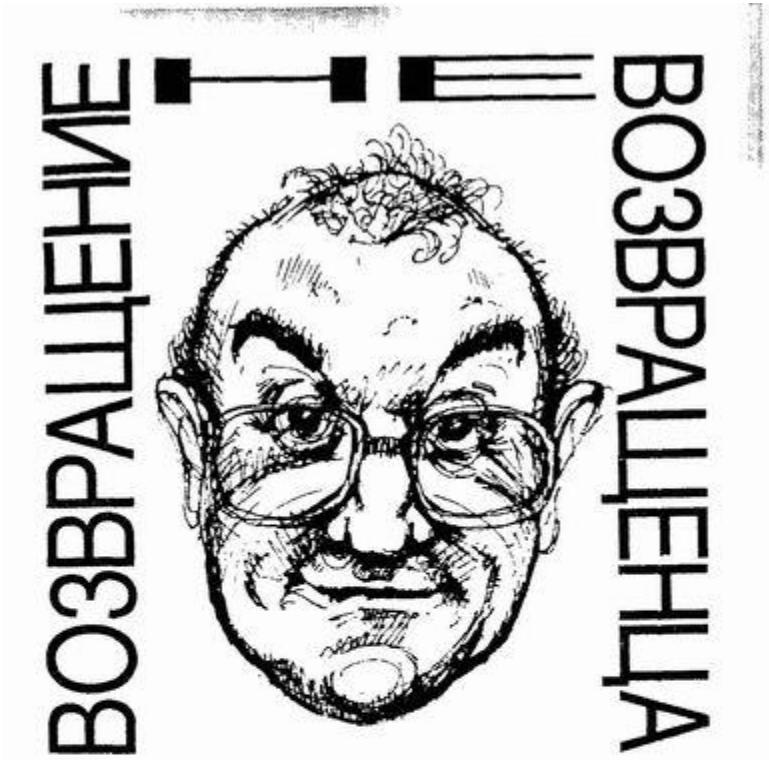
...Прошли годы, и судьба вновь столкнула главных героев «Антишахмат». О том, что произошло в испанском городе Линаресе в феврале 1989 года, Карпов рассказал в своей нью-йоркской книге «Сестра моя Каисса».

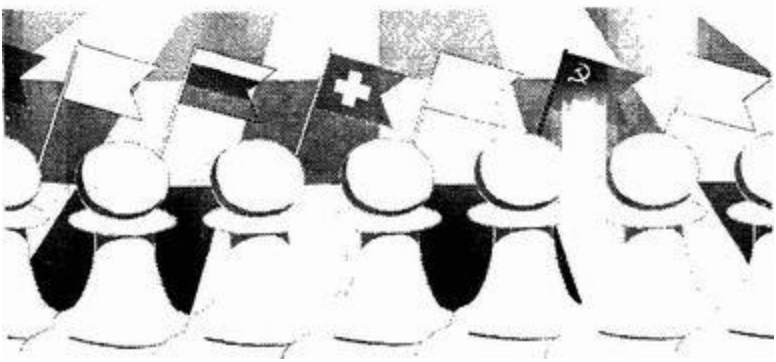
«Приехав на турнир в Линарес, где играл и я, а главным судьей должен был быть мой старший товарищ и соратник Батуринский, Корчной в день первого тура заявил организаторам, что не будет играть в турнире, где арбитром «черный полковник». Ему предложили: Батуринский будет судить все партии, кроме ваших. Корчной сказал: не согласен; в этом турнире может быть один из двух: или я, или Батуринский... Самое поразительное, что его поддержали многие гроссмейстеры: Юсупов, Белявский, даже Тимман...»

Финал этой истории не удивит читателей «Антишахмат». Организаторы предпочли не ссориться с Карповым и его «старшим товарищем и соратником». Корчной, не приступая к игре, покинул Линарес.

Обложка первого издания «Антишахмат» (Лондон, 1981)

ВОЗВРАЩЕНИЕ НЕВОЗВРАЩЕНЦА





Я не был диссидентом — меня заставили им стать,,
уже здесь, на Западе, когда мне навязали войну,
когда объявили мне бойкот,
когда держали и не выпускали
мою семью.
В состоянии войны
с советскими властями
я и обучился политике.

Эмануил ШТЕЙН (США) КЕНТАВРОВЫ ШАХМАТЫ

...Когда потухли прожекторы в Центре конгрессов в Багио, все вздохнули с облегчением — атмосфера нервного шока, крайне далекая от спорта, измотала не только участников поединка, но и зрителей, и журналистов, и организаторов. Противники нарочито демонстрировали свою неприязнь друг к другу, «запрещенные приемы» сменялись как в калейдоскопе; тандем Зухарь — Карпов блестяще использовал преклонение Корчного перед астрологическими коллизиями и силой гипноза. Для Корчного филиппинское «противостояние» было, быть может, матчем последней надежды, который должен был наконец ликвидировать комплекс «страшного Виктора» и из «вечно второго» перевести его в желанные первые. Была это и борьба против шахматного истеблишмента батуринских, котовых, рошалей. Матч этот, наконец, был для претендента той амбразурой дзота, закрыв которую, он мог бы вырвать у «серых» заложников — свою семью.

Задача Карпова была, пожалуй, не менее сложной. Он «воевал» и за себя, и за родных, и за свое возвращение домой, и за право оставаться в номенклатуре (нетрудно себе представить, что в случае проигрыша положение чемпиона было бы намного хуже того, в котором оказался Спасский, уступивший Фишеру). Отступать ему было некуда...

Эти доминанты и привели к тому, что в Багио честнейшая из игр лишилась своей многовековой нравственности, переродившись в циничные «кентавровы» шахматы со своей глади-аторской шкалой ценностей, при которой конфликт неминуемо кончается трагедией... Эти новые шахматы соединили в себе Глубину мысли с отсутствием элементарного благонравия, т°варищество с предательством, гангстерство с пресловутым Детантом. Лапидарная суть этих шахмат может быть скорее Всего определена не как, а для чего играют гроссмейстеры, то есть — «цель оправдывает средства». Борис Спасский, ведя в матче с Робертом Фишером со счетом 2:0, имел моральное право покинуть поле боя, но он предпочел спортивную схватку до конца. Было это всего лишь семь лет назад, теперь же рыцарство в мировых шахматах вызывает в лучшем случае ироническую улыбку. Деградация этических принципов шахмат подытожена Карповым в «трех основных частях» — «я ненавижу Корчного!» И борьба за циничную «кентаврову» шахматную истину ведется всеми силами; истина эта не в вине, а в «сухом» очке, которое

цековские алхимики превращают в награды, деньги, жизнь...

Даже филиппинская природа возмутилась крушением канонов шахматного братства, сопровождая матч в Багио зловещим аккомпанементом. Вулкан Булосан, расположенный в центральной части архипелага, извергал лаву, а на севере страны пронесся тайфун, который повлек за собой человеческие жертвы.

Шахматный спектакль, поставленный на сцене Центра конгрессов в Багио, был обставлен небывалой психологической бутафорией. Ее составили тренерский коллектив Карпова, временами достигавший тридцати человек, «Интернационал», по воле «хозяев поля» ставший гимном СССР, «мебельная война» и очки претендента, йогурт Карпова и государственное таможенное управление, «война штандартов» и два члена индийской секты «Ананда Марга». «Примадонной» же этого шахматного бенефиса стал советский парапсихолог Владимир Зухарь.

Не будем, однако, спешить отдавать приоритет в психологических изысканиях кентавру Зухарь — Карпов. Пионером психологической окраски шахмат, скорее новатором в постижении их метафизической сути, стал русский гений Александр Алехин. Правда, его первые опыты на этом поприще по сравнению с нынешними «достижениями» кажутся игрушками для детей дошкольного возраста. В 1935 году он заставлял своего сиамского кота обнюхивать доску и фигуры перед очередными партиями с голландцем Максом Эйве. Алехину метафизика, кстати, не помогла, он уступил тогда звание сильнейшего, а через два года, отказавшись от психологических трюкачеств, с честью вернул себе чемпионские доспехи.

Психологическая стратегия поединка в Багио предполагала целый ряд предматчевых демаршей. Первой начала «артподготовку» армия Карпова. Советская делегация воспротивилась тому, чтобы Корчной выступал под швейцарским вымпелом — под флагом страны, в которой он проживает. Правда, в течение всего матча претендент демонстративно носил на отвороте пиджака эмблему Швейцарии. Однако не «флаговая» баталия явилась решающим достижением советской стороны в предматчевый период: более значимым успехом был практический переход в лагерь Карпова главного организатора чемпионата Флоренсио Кампоманеса.

Устроитель шахматного сражения — это громадная, зачастую и решающая сила. Он создает «антураж» поединка, может непрерывно подчеркивать, что не он для игроков, а они для него; если необходимо, ввести электронное подслушивание. Советскую делегацию Кампоманес встретил в манильском (точнее, еще в токийском! — Ред.) аэропорту и вместе с ней прибыл в Багио.

Корчного же никто не встречал.. В связи с матчем на звание чемпиона мира правительство Филиппин открыло границы для всех шахматных болельщиков, предоставив им возможность быть в стране без визы в течение 59 дней. По сравнению с «олимпийской» политикой СССР — это зеленые пальмы демократии, но... Задолго до первого хода в сражении таможенное управление страны задержало книгу Корчного «Шахматы — моя жизнь». Автобиография гроссмейстера была издана по-английски, в течение всего матча Кампоманес продержал книгу на границе, в продажу она поступила уже после матча.

На книжный «ход» претендента издательство «Физкультура и спорт» ответило тем же. В канун встречи Корчной — Карпов оно выпустило книгу последнего: «Избранные партии 1969—1977». Произведение чемпиона мира начинается такой преамбулой: «Всесоюзному Ленинскому Коммунистическому Союзу Молодежи, пребывание в рядах которого помогло формированию моего общественного сознания, становлению характера и стремлению к высоким целям, посвящаю». Даже друг и учитель всех шахматистов мира, великий языковед не требовал от своих верноподданных таких панегириков...

С самого начала разгорелся бой вокруг советской «новинки» — парапсихолога В. Зухаря. Он не только занимал одно из Центральных мест в первых рядах кресел, но и был тенью Карпова, всюду сопровождая шахматиста... Советский парапсихолог до и во время Багио выполнял историческую миссию (без йоты иронии): для народа он лепил национального кумира, для партии же стремился вывести на подмостки сцены богатыря, но вскормленного не «молоком дикого зверя», а замещенного на самых чистых, номенклатурных дрожжах. Именно Карпов, с помощью Зухаря, должен был заполнить тот духовно-престижный вакуум, который образовался в советской шахматной жизни после проигрыша русского Спасского «бруклинскому мальчику» Бобби...

17 октября 1978 года Анатолий Карпов выиграл 32-ю, последнюю партию и с нею, со счетом 6:5, и весь матч. За *одом этого важнейшего поединка из четвертого ряда наблюдал В. Зухарь. Чемпионские лавры остались в Советском Со-*°Зе> а грудь гроссмейстера украсил орден Трудового Красного

Знамени. Чествование национального героя превзошло все ожидания; однако, думается мне, знает Карпов — сегодня он полубог, а завтра жертва, которую не спасет даже умение вести нешахматную борьбу за «выживание». Расставим знаки препинания: при счете в матче 5:5 гроссмейстер Суэтин по

поручению высших инстанций вел подготовку общественного мнения, что Карпов — это разухабистый мальчишка и крайне опрометчиво подошел к вопросу формирования своего тренерского состава, не хватает ему выдержки и вообще подучиться не мешает. Победная партия Карпова автоматически свернула эту акцию.

В. Батуринский: «Спустя десять лет М. Таль, выступая в Останкинской телевизионной студии и вспоминая накал страстей тех дней, между прочим сказал:

— Мы не могли себе представить последствия, если чемпионом станет не советский, а антисоветский шахматист. Не исключено было, что в этом случае шахматы будут объявлены лженаукой» («Страницы шахматной жизни», 2-е изд., 1990).

Филиппинский матч заметно обогатил теорию шахматной игры, однако он превзошел все известные рекорды по количеству ляпсусов, психологической фантасмагории. Бесспорно одно: поединок в Багио придал блеск российской словесности, пополнив ее эпистолярные сокровища. За две тысячи лет истории прекраснейшей из игр не было ни одной книги, которая начиналась бы телеграммой и краткой эпистолой бы заканчивалась. Книга «Девятая вертикаль», в которой вместо фамилий авторов? автора? стоит: «Ленинскому комсомолу — в год его 60-летия», на своей первой же странице знакомит читателя с обращением Л, Брежнева к А. Карпову. Венчает издание ответ чемпиона, из которого мы узнаём, что «матч на звание чемпиона мира по шахматам закончился нашей (курсив мой.— Э. Ш.) победой». Возможно, что «наша» и означает — не миновать Леониду Ильичу гроссмейстерских регалий...

Благодаря матчу самый что ни на есть рядовой советский читатель получил возможность ознакомиться с... «Новым русским словом», газетой, вот уже 69 лет издающейся в Нью-Йорке. Главный специалист по эмигрантским делам Л. Колосов (сотрудник первого Главного управления КГБ, ныне подполковник.— Ред.) опубликовал в московской «Неделе» статью «За кулисами Багио». Хоть и с ужасными передержками, он все же вмонтировал в свой опус 23 строчки из интервью Корчного в «Новом русском слове». Такого ценного пропагандиста, как Л. Колосов, зарубежная русская журналистика еще не имела...

Сразу после финала в Багио соперники перелетели в Буэнос-Айрес, где в то время стартовала Всемирная шахматная Олимпиада. Советская команда крайне нуждалась в помощи своего лидера и его тренера, экс-чемпиона мира Михаила Таля. Бои на Филиппинах их настолько измотали, что вновь сесть за доску было выше их сил. Корчной же возглавил швейцарцев и не

только принес своей команде 9 очков из 11 возможных, но и стал победителем на первой доске. Успех эТОт автоматически сделал его героем Олимпиады. Второй щахматист мира так объяснил свое аргентинское достижение: «Матч с Карповым — это были не шахматы, а черт знает что! Я истосковался по нормальной игре — без Зухаря и агентов КГБ, держащих палец на курке, пока ты думаешь над ходом. ц потому через 12 дней после матча я приступил к шахматной игре и убедил мир и убедился сам, что играю неплохо!»

Убедил мир Корчной и в беззаветной преданности своему искусству. Сборная СССР впервые проиграла Всемирную олимпиаду, пропустив вперед напористых венгров. Но если бы не гроссмейстер-невозвращенец, быть бы советским спортсменам на третьем месте. В последнем туре Америка сыграла со Швейцарией вничью — 2:2, на первой доске Корчной победил Кавалека. Проиграй претендент эту партию (как минимум, дележ первого места на доске лидеров ему в это время был обеспечен), команда СССР, при равенстве очков с американцами, откатывалась бы назад. Спортивная честность Корчного оказалась превыше всего, и советские шахматисты избежали худшего...

За Багио, Буэнос-Айресом наступает Барселона. Двенадцать лет тому назад шахматы сроднились с кино, два вида искусства стали своеобразными побратимами. С 1967 года игра тысячелетий получила равные права с экраном — своего «Оскара». Пять последних лет серебряная статуэтка девушки, символизирующая столицу Каталонии, находилась в руках победителя, чемпиона мира. 6 февраля 1979 года 64 журналиста из 22 стран мира, входящих в Международную ассоциацию журналистов, пишущих на шахматные темы, присудили пальму первенства Виктору Корчному. Анатолий Карпов занял следующую ступеньку почета.

Разъяренный такими «вольностями дворянства», шахматный кентавр ринулся в бой. Его действия отличали целеустремленность и настойчивость. Кого нужно, Советская шахматная федерация купила, кого можно было запутать — запугала, и Корчной оказался почти в полной изоляции, его не пригласили на крупнейшие турниры наших дней — в Вейк-ан-Зее, Мюнхне, Монреале. От таких «шахов»-ударов спастись крайне трудно, хотя их значительно легче перенести, чем те преследования и унижения, которым подвергаются в Ленинграде заложники — Белла Корчная и ее сын Игорь.

На шахматном небосводе заблистала новая яркая звезда:

15-летний бакинский школьник Гарик. Советский истеблишмент сразу же завладел им, предложив мальчику

Вайнштейну более благозвучное имя — Каспаров. Первая сдача еще не окрепшего художника состоялась. Гениальный Борис Спасский куплен и раздавлен ежемесячными советскими подачками. Кто следующая жертва? Неужели Корчному воевать в одиночку? Неужели кентавр всесилен?

Из журнала «Континент» (Париж) № 21, 1979

Анатолий КАРПОВ ЗАЧЕМ НУЖЕН ПСИХОЛОГ

...Серьезная наука отвергает — а лженаука, как обычно, ограничивается туманными полунамеками — возможность гипнотизирования человека на расстоянии без применения словесного внушения и жестикуляции. Да если бы возможность подобного воздействия существовала, то давно вратарей, словно кроликов, гипнотизировали бы, заставляя в спортивных играх пропускать голы. Да что вратарей — политических деятелей тогда бы уговаривали взглядами на дипломатических переговорах принимать невыгодные решения.

Так зачем все-таки был мне нужен — а он мне действительно был нужен — доктор Зухарь?

Вернемся на несколько лет назад (в 1974 год.— Ред.)... Только начался финальный матч претендентов на мировое шахматное первенство. Всякий раз, когда я оказываюсь лицом к ближайшей — совсем рядом — ложе, невольно замечаю среди тренеров Корчного человека, который старается поймать мой взгляд. Интересуюсь, что за человек, и выясняю, что работает он с Корчным. Никакой мысли относительно применения против меня гипнотического воздействия не возникло, я не потребовал удалить этого человека, но решил заиметь своего психолога. Так я и познакомился с Владимиром Петровичем Зухарем...

Так почему же в Багио доктору Зухарю надо было сидеть в зале и внимательнейшим образом смотреть на сцену? А смотрел он, кстати, не только на моего соперника, но в не меньшей степени и на меня. Отлично изучив меня, он мог теперь уловить малейшие нюансы в изменении поведения за игрой, что говорило бы об усталости, нервозности, расхоложенности... Это важно было, чтобы дать потом свои рекомендаций, как сидеть, ходить, думать, наконец... Мы работали и дома. Он наблюдал за нашим анализом сыгранных партий и видел, в какие моменты игра моя была сильнее, а в какие — слабее.

Зухарь — не шахматист, но многое из своих ощущений в определенных ситуациях я ему рассказывал, и он сравнивал это со своими наблюдениями, после чего делались выводы. Он говорил мне и о том, каким видел Корчного, и я ему высказывал свои мысли на этот счет, и мы опять сообща делали выводы. Ко всему прочему психолог помогал мне советами, как разрядиться, как отойти от длительного матчевого напряжения, отдохнуть, отвлечься, позаниматься физкультурой со специальным тренером

по общефизической подготовке. Как лучше настроиться на сон и утром выйти из этого состояния...

Вот для чего мне был нужен доктор В. Зухарь и вот почему он сидел в партере (разумеется, не в первых трех рядах, отведенных для особо важных персон) и внимательно изучал происходившее на сцене.

Из книги «В далеком Багио» (Москва. 1981)

Спустя годы Карпов более подробно рассказал о человеке, который «старался поймать его взгляд» во время матча 1974 года, и об истории появления в своей команде доктора Зухаря.

...Обязательно следует отметить эпизод с Рудольфом Загайновым — первый в серии парапсихологических акций Корчного.

Загайнов отвечал за его физическую и психологическую подготовку. Но, как оказалось, этот психолог претендовал на более активную роль. Видимо, он обещал (а может, и вправду мог) непосредственно воздействовать на мое мышление. Не берусь судить, насколько удачно это у него получалось, но одно несомненно: я обратил на него внимание в первый же день. Что-то было в его взгляде. Иначе как объяснить, что я его заметил и выделил? Ведь весь зал на тебя смотрит; поднимаешь глаза — и встречаешь десятки устремленных на тебя глаз. Много знакомых, еще больше чужих; разная степень внимания и интереса; вся гамма отношения — от восторга до ненависти. Ко всему этому быстро привыкаешь и уже не обращаешь внимания, а вот этот взгляд зацепил...

Потом я его видел и чувствовал на второй партии, потом — на третьей. Не скажу, чтобы он мне сильно досаждал, но отвлекал — безусловно, и после партии я спросил у своего тренера Фурмана, не знает ли он, что за тип сидит в ложе, неотступно преследуя меня взглядом. Фурман объяснил. И добавил, что ему тоже не нравится поведение Загайнова.

Я сразу понял истинный смысл этой акции (повторяю: я неплохо изучил Корчного). Дело было не только в Загайнове и его нематериальных контактах с моим подсознанием — это было только средством. Цель же была иная. Его предметом была психика самого Корчного. При всем своем внешнем апломбе, показной силе, демонстративной уверенности, он всегда был довольно слабым, неустойчивым, сомневающимся человеком. Естественно, от этого страдала игра, падали спортивные результаты. И вот он эмпирически пришел к заключению, что ему всегда нужен взятый откуда-то со стороны стержень. Точка опоры. Если не истинная, то хотя бы мнимая, но, чтобы Корчной мог в нее поверить, чтобы он мог внушить себе, что на нее возможно

опереться. И тогда сразу возникал всем знакомый Корчной — уверенный, напористый, амбициозный.

Да, только в этот момент мне вспомнилось давнее его высказывание (теперь уже и не верилось, что когда-то мы работали над шахматами вместе), что для уверенности он должен иметь какое-то очевидное, реальное (мысль: я играю сильнее,— была для Корчного недостаточной) преимущество перед соперником. Он должен был владеть чем-то, чего у соперника нет.

Сам Загайнов меня не смущал: пусть бы глядел! — я знал, что адаптируюсь к его взгляду быстро. Но меня не устраивала его роль в сознании Корчного. Нужно было придумать что-то такое, чтобы лишить Корчного этого козыря.

Я объяснил Фурману смысл ситуации. Нейтрализовать Загайнова — задача Фурману была понятна, но совершенно незнакома. Ведь Фурман был не просто шахматистом — он был только шахматистом; кроме шахмат, он ничего не умел, вне шахмат он становился беспомощным как дитя. Но он мне сказал: «Не бери в голову. Играй спокойно. Мы разберемся с этим парапсихологом».

Потому что он уже знал, кому перепоручить это дело: Гершановичу, моему доктору на этом матче.

Не знаю, почему Фурман с такой уверенностью положился на Гершановича — из-за его хватки, практической сметки или же из-за обширных знакомств в медицинских и околомедицинских кругах,— но выбор оказался удачным.

«Нет ничего проще,— сказал Гершанович.— У меня есть приятель (со времен, когда мы вместе работали в Военно-медицинской академии), доктор психологических (? — Ред.) наук профессор Зухарь, кстати, капитан 1-го ранта. Д° недавнего времени он работал с космонавтами, а сейчас вроде бы мается от безделья. Попрошу его: пусть разберется с коллегой».

Уже на следующей партии Зухарь сидел в зале. И Загайнова не стало. То ли он затаился, то ли исчез совсем — только я больше ни разу не ощутил его навязчивого присутствия...

Наш второй матч состоялся на Филиппинах — в Багио. Каждый матч имеет свое лицо. Каждый имеет какую-то черту?

которая определяет это лицо, делает его единственным, незабываемым. Матч в Багио — самое склочное, самое скандальное соревнование из всех, в которых я когда-либо принимал участие...

Зухарь не входил в мою группу, но он приехал в составе советской делегации, потому что я рассчитывал на него. Шахматная партия является результатом множества векторов, и среди них психологические — далеко не самые последние. Я это

всегда понимал и всегда старался учитывать, но часто получалось совсем не так, как хотелось. Все-таки в шахматах самое главное — сами шахматы, и, когда они меня захватывали целиком, все остальное, естественно, выходило из-под контроля. А между тем нужно следить за своим состоянием и за состоянием соперника, чтобы вовремя (если внешахматные обстоятельства начнут влиять на игру) внести в свои действия коррективы. Именно в этом я рассчитывал на Зухаря — на его совет и подсказку, если я из-за своей занятости шахматами что-то упущу.

Был у меня на Зухаря и конкретный расчет. Матч предстоял длинный; как ни готовься, в какой-то момент утомление догонит непременно; не знаю, как оно действует на других, а у меня при утомлении в первую очередь ухудшается сон, который — и так не раз бывало — при переутомлении пропадает совсем. Л Зухарь как раз специалист по сну, это его кусок хлеба. К службе он не был привязан; помочь — готов; так отчего же не воспользоваться любезностью такого полезного человека?

Чтобы получить материал, психолог должен наблюдать. Зухарь выбрал место, с которого он мог одинаково хорошо видеть и меня, и Корчного, и там сидел практически не поднимаясь; он очень серьезно отнесся к своей роли. И вот кто-то решил, что он телепатически воздействует на Корчного... Я понимаю своих противников: если бы не было Зухаря — его нужно было бы выдумать.

Из книги «Сестра моя Каисса» (Нью-Йорк, 1990)

Тема психологии была затронута и в более позднем интервью Карпова газете «Спорт-экспресс» (24 августа 1991):

«— Анатолий Евгеньевич, вы поддаетесь внушению?

Не поддаюсь совершенно.

Тогда какова роль психолога?

Поверьте, не для того, чтобы воздействовать на соперника.

А это, в принципе, возможно?

Нарушить концентрацию — да. Только для этого совсем не обязательно быть психологом. Любой человек подвержен эмоциональным влияниям, и всегда можно придумать, как его вывести из себя».

Виктор МАЛКИН, доктор медицины КТО ВЫ, ДОКТОР ЗУХАРЬ?

Владимир Петрович Зухарь, доктор медицинских наук, неожиданно для самого себя и для всех нас, его товарищей, стал всемирно известным человеком. О нем много писали в зарубежной прессе, говорили о «загадочном» докторе Зухаре и у нас. Весьма примечательно, что именно шахматам, в которые Зухарь играть не умел, он всецело обязан своей, может быть, сомнительной славой.

Я никогда не воспринимал Зухаря как «колдуна»-экстрасенса, знал лишь, что он интересуется старинными книгами о черной и белой магии, знал и о его занятиях гипнозом и внушением в чисто медицинском плане. У меня сложилось мнение о Володе как об интеллигентном, доброжелательном человеке, человеке скорее слабом, чем сильном, человеке не склонном к интригам и заспинным действиям...

Неожиданно для меня и многих сослуживцев Зухарь сообщил, что его привлекли как психолога к работе с выдающимся шахматистом Анатолием Карповым, который вскоре должен играть финальный претендентский матч с Виктором Корчным. «Будем ходить на игру вместе»,— предложил мне Зухарь, и я охотно согласился.

Матч проходил осенью 1974 года в Москве, в Колонном зале Дома союзов и в зале Чайковского. Владимир Зухарь появлялся в зале обычно с женой — Ириной Пушкиной, тоже психологом. Они занимали места в 5-м или 6-м ряду партера, иногда сбоку в амфитеатре, вблизи сцены. На многих партиях я сидел рядом с ними. При этом наличия связи между Зухарем и Карповым не замечал. Не помню случая, чтобы они обменивались взглядами или приветствовали друг друга жестами. Володя вел себя в зрительном зале раскованно, переговаривался с Ириной и со мной. Эпизодически мы выходили в фойе, где пили чай в буфете и общались с представителями «команды» Карпова, причем чаще, чем с другими, с доктором Гершановичем — врачом Карпова, старинным другом Зухаря. Профессор М. Гершанович, врач-онколог, был близок к семье Карповых, искренне привязан к Анатолию, опекал его: следил за состоянием здоровья, обеспечивал рациональным питанием. Он-то, кстати, и привлек Зухаря к работе с Карповым.

Через некоторое время из бесед с Зухарем я узнал, что основной своей задачей он считает психофизиологическую

поддержку Карпова, включая помощь в захвате психологической инициативы во время матча. С этой целью он давал рекомендации Карпову, как ему следует вести себя во время общения с противником — Корчным. Традиционно каждая партия матча начиналась с рукопожатия. Это, казалось бы, малозаметное событие на самом деле имеет существенное значение, так как знаменует начало непосредственного психологического общения. Протягивая руку, принято переводить взгляд, фокусируя его на глазах того, с кем здороваешься. Если же в это время взгляд устремлен в сторону или «сквозь» противника, то приветствие приобретает как бы недоброжелательный характер: человек ощущает пренебрежительное отношение к себе. Именно так Зухарь рекомендовал здороваться Карпову с Корчным (и «в далеком Багио» рукопожатие стало важным элементом психологической войны).

В борьбе за психологическую инициативу важно, чтобы противник помимо игрового давления чувствовал и как бы физическое давление. С этой целью некоторые шахматисты после сильных и порою неожиданных ходов часто, даже неосознанно, бросают «пытливый взгляд» на противника. Такой взгляд, если достигает цели — глаз противника, мешает ему думать, отвлекает от игры. Вспомним, что половину матча в Багио Корчной играл в зеркальных очках, чтобы лишить Карпова его любимого занятия — стоять над столом и смотреть в упор на противника. Кстати, в матчах Карпова с Каспаровым также эпизодически происходили перестрелки глазами, и это печально, ибо такие действия не соответствуют духу игры. Перехват взгляда — творчество Зухаря, его рецепт, который был использован Карповым.

Но вернемся к московскому матчу. Особенно памятна мне 17-я партия. Мы с Зухарем пришли в тот пасмурный день к началу поединка. На сцене все было как всегда: Корчной обдумывал ход, в руках у него были индийские четки, и он медленно перебирал их. Появление четок у Корчного — шахматиста легко возбудимого, с высокой потребностью к движениям во время игры — давало основания считать, что с ним работает опытный психолог (это был Рудольф Загайнов, известный специалист в области спортивной психологии).

Поначалу партия складывалась для Карпова неудачно. Он слабо разыграл дебют и уже к 13-му ходу получил тяжелую позицию, по мнению М. Ботвинника, комментировавшего эту партию,— проигранную. Однако Корчной играл не лучшим образом и постепенно упустил преимущество. К 30-му ходу возникла равная позиция — как говорится, кругом ничья. Казалось, что противники вот-вот заключат мир. В связи с чем я

предложил Зухарю направиться домой — жили мы по соседству. Но он отказался, заметив, что всякое еще может случиться... Мы остались в зрительном зале, и действительно, через несколько минут Корчной грубо ошибся. Он сделал вдруг ужасный проигрывающий ход конем и потерпел поражение.

Володя остался доволен исходом партии. Я же терялся в догадках. На прямой вопрос, каким образом он прогнозировал происшествие в этой партии, Володя мне не отвечал, лишь отшучивался. Но я был настойчив, и он наконец сказал: «Подумай, какая была сегодня партия». Тогда я догадался семнадцатая. Цифра 7 особая — «магическая», ее человек предпочитает другим. Вероятность того, что из первых десяти чисел натурального ряда человек напишет или назовет ее более чем в два раза выше любого другого числа. Итак, Зухарь внушал Карпову, создавал установку, что семерка — цифра победная, и он должен до конца с максимальным напряжением играть партии 7, 17, 27-ю...

Примечательно, что Корчной в «Антишахматах» указал на затруднения, которые возникли у него в Багио именно в этих поединках (в 7-й партии он едва ушел от поражения, а 17-ю и 27-ю проиграл).

По-видимому, установка на это «число предпочтения» действовала у Карпова и в последующих матчах. В первом матче с Каспаровым он выиграл 7-ю и 27-ю партии, в третьем — 17-ю, а в последнем их единоборстве (1990)— и 7-ю, и 17-ю! Есть о чем поразмыслить психологам!

Итак, за кулисами московского матча Карпов — Корчной находились психологи —- Владимир Зухарь и Рудольф Загайнов. Об их деятельности тогда почти никому не было известно... (Ирония судьбы: с осени 1990 года профессор Загайнов стал личным психологом Карпова.— Ред.)

В 1978 году в Багио таинственный «доктор Зухарь» вышел из-за кулис. Корчной впервые заметил его на 4-й партии. Зухарь пытливо, настойчиво, «гипнотизирующе» смотрел на Корчного. Столь откровенно неприличное поведение доктора медицины было зафиксировано корреспондентами на многих фотографиях. В западной прессе писали о знаменитом экстрасенсе, телепате-гипнотизере профессоре Зухаре, который оказывает воздействие на Корчного, мешает ему играть.

На мой взгляд, шахматист высокого класса просто обязан выработать высокую помехоустойчивость к возможным внешним воздействиям, неблагоприятно влияющим на мышление во время игры. Корчной должен был бы спокойно и презрительно не замечать той грязной возни, которую нацеленно организовало

против него руководство делегации Карпова.

По возвращении с Филиппин Зухарь рассказывал мне, что в Багио, впрочем, как и ранее в Москве, он главным образом стремился помогать Карпову сохранять силы для игры. В частности, предупреждать, исключая прием снотворных лекарств, бессонницу, которая во время длительных соревнований бывает у многих шахматистов. Профессиональные навыки Владимира Петровича — способность внушением приводить пациента в сонливое состояние, способность выступать в роли Шахарезады, усыплявшей своими сказками всесильного шаха?— помогали избегать бессонницы утомленному Карпову.

Зухарь был человеком военным, и поэтому для него поставленная задача — всеми средствами помочь Карпову выиграть — была приказом. Он выполнял ее старательно и бездумно, как бы не ведая, что творит. У французов есть поговорка, давно ставшая афоризмом: «Обстоятельства выше нас». Это не всегда справедливо — обстоятельства выше слабых людей. Сильные духом люди, а их, к сожалению, немного, сильней обстоятельств...

p. S. С Володей Зухарем мы были дружны, и обычно в канун Нового года у меня в квартире раздавался его звонок... Несколько лет Зухарь не звонит. Говорят, что он часто болеет. Очень жаль. Вероятно, ему, как человеку совестливому, тяжелы воспоминания о роли, которую ему довелось сыграть в историческом поединке в Багио.

Из еженедельника «Спорт. Человек. Время» (Санкт-Петербург) №№ 17—19, 1991

Что ж, теперь мы знаем, «зачем нужен психолог». Но зачем нужно было столько лет удерживать в СССР жену и сына Корчного? В своих книгах Карпов обходит этот деликатный вопрос стороной, зато не скупится на недостойные намеки в адрес Корчного и фрау Лееверик. И, разумеется, щедро делится с читателями подробностями собственной биографии:

«В 1979 году многое изменилось в моей личной жизни. На VII Спартакиаде народов СССР я в последний раз выступал за команду Ленинграда. Обстоятельства требовали моего переезда в Москву, где живет ставшая моей женой Ирина Куимова и где был организован журнал «64 — Шахматное обозрение», главным редактором которого меня назначили. Не остались забытыми и научные дела. Я стал сотрудничать в Московском государственном университете на кафедре политической экономии...

В том же году произошли еще два очень радостных события в моей жизни: я вступил в Коммунистическую партию Советского

Союза и у меня родился сын Анатолий» («В далеком Багио»).

Эм. Штейн. Открытое письмо А. Карпову

Когда русские эмигранты — поэт Потемкин и доктор Кан — предложили ФИДЕ в 1924 году девиз «Gens una sumus» («Мы — одна семья»), они свято верили в то, что шахматисты планеты создадут свое братство, вечное, как и сама игра. Несмотря на определенную девальвацию девиза, он, однако, и по сей день сохранил свою притягательную силу.

Возможно, поэтому многомиллионные поклонники черно-ˆелых армий на разных меридианах и широтах мира с радостью встретили недавнюю информацию телеграфных агентств о том, что у Вас родился сын-первенец,— понятно: счастье чемпиона разделяется всеми, кому дороги шахматы. К сожалению, радость эта была омрачена полярным сообщением — в Москве был арестован и судим Игорь Корчной, сын-первенец второго гроссмейстера мира. Возникла почти шахматная ситуация: одна фигура взошла на доску, другую же сбросили в ящик. Тут, пожалуй, уместно было бы прекратить метафорические аналогии, если б Игорь действительно не был на два с половиной года запрятан в «ящик» и его жизни не угрожала прямая опасность. Игорь Корчной подвергся расправе только за то, что рискнул воспользоваться нашим «Gens una sumus», за естественное желание быть со своим отцом.

Пресса многих стран мира пестрит всевозможными петициями политических и общественных деятелей, направленными на защиту невинного юноши. Советские влас і и пока, увы, остаются глухи к этим призывам. Я глубоко убежден, что Вы, Анатолий Евгеньевич, сегодня, пожалуй, единственный человек, который может спасти Игоря и способствовать воссоединению отца с сыном; уверенность эта и подсказывает адресата обращения.

Я обращаюсь к Вам с призывом — помогите Игорю и его отцу, преступите через те эмоции, которые Вы лаконично выразили на одной из Ваших пресс-конференций — «Я ненавижу Корчного».

Дважды подряд Вы, Анатолий Евгеньевич, взбирались на шахматный Эверест плечом к плечу с Виктором Корчным. Вам первому удавалось водрузить на вершине вымпел. Хотите Вы этого или нет, но на тернистом и полном опасностей пути гроссмейстер-невозвращенец был Вашим спутником. Определенный соавтор Ваших творческих достижений и Ваших лавров — все тот же Виктор Корчной. Как и Вы были его соавтором, когда он завоевал шахматный «Оскар».

Наше поколение стало свидетелем того, как на родину

вернулось творчество Алехина и многое из написанного Буниным, музыка Рахманинова и Стравинского, искусство Шаляпина и Шагала, сегодняшний читатель слышит уже имя Набокова. Придут со временем в Россию и те шедевры, которые создал в зарубежье Виктор Корчной. Может быть, учитывая это, Вы, Анатолий Евгеньевич, в свое время нашли в себе силы отказаться от коллективного поношения Виктора Корчного в печати, встать выше ажиотажа гроссмейстерской черни и высказали свое отношение к поступку постоянного соперника в форме и тоне, достойных ситуации и Вашего высокого звания.

Анатолий Евгеньевич, когда Ваш сын подрастет, он скорее всего, подобно многим Вашим почитателям, начнет проникать в тайники творческой лаборатории отца. Не исключено, что он спросит об Игоре: «Папа, а как ты «сыграл» в этой «позиции»?» (ведь даты рождения и ареста почти совпадают, и, согласитесь,— в этом «соответствии» есть свое зловещее звучание). Мне и многим, влюбленным в шахматы, не хотелось бы, чтобы при таком вопросе сына Вам пришлось краснеть.

Протяните Игорю руку помощи! Не ссылайтесь, пожалуйста, на решение суда. Позволю себе напомнить Вам, Анатолий Евгеньевич, факт, упорно замалчиваемый в Советском Союзе. Военный трибунал Одесской ЧК приговорил Александра Алехина к расстрелу. За два часа до приведения приговора в исполнение шахматный мастер Вильнер, служивший в «органах», связался по телефону с тогдашним председателем Украинского Совнаркома Раковским, который, к счастью, слыхал об Алехине. Русский гений был спасен. Сегодня все проще: суд не обладает полномочиями ЧК, а советский юноша Игорь Корчной не представитель буржуазно-эксплуататорских классов.

Важнейшие звания шахматной иерархии. Анатолий Евгеньевич, Вами уже завоеваны, пожалуй, кроме одного — «Самый благородный шахматист мира». Да, формально этот титул нигде не зафиксирован, но он живет в умах и сердцах шахматных энтузиастов, он входит в историю.

Печально сознавать, что политические границы разрушают гармонию шахматной семьи и вынуждают меня вести с Вами этот разговор в форме открытого письма. Боюсь, что иначе я не был бы услышан. В Новом году всех Вам благ и, что самое главное,— счастливого отцовства.

Эм. ШТЕЙН, мастер спорта, член Международной ассоциации журналистов, пишущих на шахматные темы

Из газеты «Новое русское слово» (Нью-Йорк). 16 января 1980

В ЗАЩИТУ СЕМЬИ КОРЧНОГО

Предолимпийские дебаты о допустимости участия в Играх, проводимых в стране ГУЛАГа, о моральной ответственности спортсменов за судьбы «узников во имя Олимпиады» привлекли вновь внимание к трагической судьбе одного из самых молодых гулаговцев Игоря Корчного и его матери Беллы Корчной. Многие видные шахматисты обращались уже к сотским руководителям с просьбой о предоставлении выездных виз семье гроссмейстера Корчного. Так, 17 ноября 1979 года петиция на имя Брежнева, подписанная шестью известными голландскими и немецкими шахматистами и поддержанная шестью членами голландского парламента, была вручена послу СССР в Нидерландах В. С. Толстикову.

Ввиду отсутствия положительной реакции на их просьбу группа шахматистов из ФРГ, Нидерландов, Израиля и США решила создать международный Комитет защиты семьи гроссмейстера Корчного. Членами-учредителями Комитета стали экс-чемпион мира доктор Макс Эйве, чемпион США гроссмейстер Уолтер Браун, гроссмейстеры Людек Пахман, Вольфганг Унцикер, Алла Кушнир, Гельмут Пфлегер, Ян Тимман, Ян Доннер, а также ряд международных мастеров по шахматам. Приглашения вступить в Комитет направлены многим другим гроссмейстерам и мастерам.

Цели и задачи Комитета описаны в следующем воззвании, направленном секретариатом Комитета для публикации в шахматную и обычную прессу многих стран.

ОБРАЩЕНИЕ
членов-учредителей Комитета защиты семьи
гроссмейстера Корчного
ко всем спортсменам и любителям спорта,
ко всем людям доброй воли

Более трех лет семья известного шахматиста гроссмейстера Виктора Корчного, его жена Белла и сын Игорь, добивается права выехать из Советского Союза и воссоединиться с мужем и отцом. Более трех лет советские власти незаконно, из желания отомстить В. Корчному за его решение остаться на Западе, пытаясь сломить его психологически в борьбе за звание чемпиона мира, отказывают Белле и Игорю в эмиграционных визах. Более того, в конце 1979 года Игорь был арестован и осужден на два с половиной года заключения по искусственно созданному властями

делу об уклонении от службы в армии.

Мы, нижеподписавшиеся члены-учредители, предлагаем Вам принять участие в работе общественного Комитета защиты семьи гроссмейстера Корчного. Допускается личное и коллективное членство. Комитет ставит себе целью бороться за освобождение из заключения Игоря Корчного и за выдачу ему и его матери Белле Корчной разрешения на эмиграцию из СССР. Для этого предполагается:

1) посылать письма ведущим политическим, общественным и культурным деятелям мира, бизнесменам и другим влиятельным лицам с просьбой выступить в защиту семьи В. Корчного и направить соответствующие ходатайства советским властям;

2)обращаться к ведущим спортсменам, к спортивным организациям и объединениям с аналогичными просьбами, с призывом оказать соответствующее давление на советских спортсменов и в первую очередь на шахматистов;

3)оказывать влияние на ФИДЕ с целью побудить ее выступить в защиту семьи В. Корчного, а также оградить его самого от дискриминации в шахматной федерации;

4)устраивать демонстрации протеста, в частности во время основных шахматных соревнований.

Мы будем особенно приветствовать коллективное членство молодежных и, в частности, студенческих объединений и организаций, готовых взять шефство над Игорем Корчным. Мы надеемся также на коллективное членство шахматных клубов и объединений. Просим вас распространить максимально широко информацию о создаваемом Комитете среди лиц и организаций, могущих, по Вашему мнению, быть его потенциальными членами,— прислать свои рекомендации относительно деятельности Комитета, сообщить, согласны ли Вы принять участие в его работе.

Подписи: Х. Бём, А. Кушнир, Я. Тимман, У. Браун, Л. Пахман, В. Унцикер, М. Врекен, Г. Пфлегер, Э. Форманек, Я. Доннер, А. Сейди, М. Эйве.

Комитет обращается с особым призывом к советским шахматистам, спортсменам и любителям спорта: «Ваше участие в работе Комитета будет особенно эффективным». Мы надеемся также, что судьба Игоря и Беллы Корчных не оставит равнодушными советских женщин. Секретари Комитета обратились с открытым письмом к советским гроссмейстерам, текст которого приводится ниже. В конце июля это открытое письмо опубликовали все ведущие газеты Аргентины — страны, в которой проходил очередной матч претендентов на звание чемпиона мира по шахматам с участием гроссмейстера Виктора

Львовича Корчного.

Глубокоуважаемый господин гроссмейстер!

От имени международного Комитета защиты семьи Вашего коллеги В. Л. Корчного обращаемся лично к Вам с просьбой выступить в поддержку наших друзей Игоря и Беллы Корчных, помочь Игорю освободиться из заключения и получить вместе с матерью разрешение на эмиграцию из СССР. Не оставайтесь Равнодушными к их судьбе: сегодня советские власти расправились с семьей Корчного, завтра им не угодите Вы и жертвами станут Ваша семья, Ваши близкие. Трехлетние мучения ни в чем не повинной женщины и ее сына, едва достигшего совершеннолетия, ничего, кроме позора и падения престижа Советской шахматной федерации, не принесли властям. Ваше молчание, как и безразличие других видных советских шахматистов превращает каждого из вас в глазах шахматистов всего мири в соучастников глумления над семьей Корчного.

Хотим верить в Вашу порядочность и искренне надеемся на Вашу помощь. Однако до тех пор, пока наши с Вами усилия по спасению Игоря и Беллы Корчных не увенчались успехом, мы будем вынуждены рассматривать любого советского шахматиста, оказавшегося равнодушным к судьбе наших незаконно преследуемых друзей, как сообщника тех лиц в советском руководстве, которые продолжают мстить сыну и жене гроссмейстера Корчного за талант и независимое поведение их отца и мужа.

Секретари Комитета: Е. Габович (ФРГ), Х. Роттенберг (Нидерланды), Эм. Штейн (США).

Комитет обращается ко всем читателям настоящего сообщения с просьбой направлять письма в защиту Игоря и Беллы Корчных в высшие партийные и государственные органы СССР, а также по следующим адресам:

Москва, Г-19, Гоголевский бульвар, 14, Центральный шахматный клуб СССР, чемпиону мира Анатолию Карпову.

Туда же. Президенту Шахматной федерации СССР космонавту СССР Виталию Севастьянову.

Рига, бульвар Падомью, 16, редакция журнала «Шахе», экс-чемпиону мира Михаилу Талю.

Заканчивалась эта публикация в журнале «Континент» стихотворениями Игоря Корчного, каким-то образом переданными из мест заключения.

Игорь КОРЧНОЙ

Грязный занавес робко
Приподняв кое-как,
Хорошо бы за скобки
Личный вынести знак.

Все пути, распрямившись,
Приведут меня в Рим,
Сам я буду из «бывших»,
А пока — пилигрим.

И преграды растают,
Не оставив следа,
Это будет, я знаю!
Только будет... когда?

Понте Веккио, Дожи
Вашингтон и Марсель
Подождите немного —
Я опять не успел.

Так что рейс отложили
До конца темноты,
А меня посадили
На транзите в Кресты.

Каждый день приближает.
Неизвестно к чему,
А мои продолжают
Заявляться в тюрьму.

Бедолага-диспетчер
Перепутал листок;
Мчу заре я навстречу,
Поезд жмет на восток.

..*

До тебя — галерка, коридор,
Кованая дверь, на ней запор,
Два пролета, лестница и холл,
Сверху — сетка, снизу желтый пол.

Влево, вниз ступенек этак семь —
Двери открываются не всем,
Наискось через тюремный двор —
Дверь в «собачник», снова коридор.

Клетка, сверху неба черный свод,

После — створы серые ворот,
Улицы, каналы и мосты,
Позади постылые Кресты,

В полную катушку влепят срок,
Вот и все, до воли путь далек...
И на волю и к тебе пути
Через зону все должны пройти.
Из журнала «Континент» (Париж) № 25, 1980

Усилия отца, письма и обращения международной общественности не помогли: Игорь Корчной отбыл весь срок. Но и без ответа они не остались; в сентябре 1981 года, накануне матча Карпов— Корчной в Мерано, в «Советском спорте» появился откровенный пасквиль «Облыжный ход претендента», авторы которого, некие «Дм. Орлов» и «Вл. Петров», побили все рекорды непристойности, разбирая семейные дела претендента на шахматную корону. А вскоре было опубликовано и официальное разъяснение МВД СССР: «Никакими провокационными и антисоветскими — а они носят именно такой характер — пресс-конференциями и выступлениями для специально собираемых журналистов нельзя подменить существующий и обязательный для всех порядок. Вопросы выезда из страны граждан СССР регулируются советскими законами и являются исключительно внутренним делом СССР».

Против такой постановки вопроса не возражал (во всяком случае открыто) и молодой коммунист Карпов. Тем любопытнее его нынешняя оценка политической ситуации того времени; «На дворе — -1981 год. В стране— апофеоз застоя, партия — его воплощение. Все живое изгоняется из страны, глушится химией в психушках, гноится в тюрьмах и концлагерях. Понятно, что мало у кого было мужество чтобы выразить свой протест» («Сестра моя Каисса», Нью-Йорк, 1990)

Лев АЛЬБУРТ (США) ПОЦЕЛУЙ ВОЖДЯ

В шахматы играют люди. Естественно поэтому, что в шахматном соревновании любого ранга (а в матче на первенство мира — особенно), кроме чисто шахматного сюжета, всегда присутствует сюжет человеческий: столкновение амбиций, характеров, темпераментов. Гораздо труднее понять появление в шахматах политических мотивов. Все-таки шахматы — игра, и притом индивидуальная, даже в командных соревнованиях игра идет один на один. Тот факт, что, к примеру, кубинец Капабланка выиграл матч на первенство мира у немецкого еврея Ласкера, никак не свидетельствовал о преимуществе кубинского образа жизни над немецким. Равным образом и поражение Капабланки от Алехина означало лишь то, что один сильный шахматист уступил другому, еще более сильному.

Открытием политического смысла шахмат мы целиком обязаны Великому Октябрю. Этому способствовал ряд обстоятельств. Например, в шахматы играл В. И. Ленин — человек вообще не слишком спортивный. Страстным поклонником шахмат был Н. Крыленко — грозный нарком юстиции. Победы Михаила Ботвинника во второй половине 30-х годов были для Сталина весьма кстати. Вкупе с полетами Чкалова, эпопеей «Челюскина», папанинцами они помогали ему заглушить эхо политических процессов и сформировать облик счастливой страны и ее мудрого вождя — лучшего друга летчиков, пионеров, мореходов, шахматистов.

Однако массовый выход советских шахматистов на международную арену совершился только после второй мировой войны. СССР вошел в содружество Объединенных Наций, советские спортсмены — в олимпийское движение, шахматисты — в Международную шахматную федерацию ФИДЕ.

Появилась возможность пропагандировать советский образ жизни уже не от случая к случаю, а глобально, так сказать, по всему фронту. Конечно, шахматы — сфера специфическая, локальная, но в идеологической борьбе нет мелочей. Всесоюзная шахматная федерация подчинена Спорткомитету СССР, Комитет же входит в епархию сектора спорта Отдела пропаганды ЦК КПСС.

Задачи советских шахматистов были определены четко. Во-первых, завоевать шахматный Олимп. Во-вторых, стать законодателями в ФИДЕ. Нет необходимости объяснять, что обе эти задачи были взаимосвязаны. Американский гроссмейстер Сэмюэл Решевский, участник матч-турнира на первенство мира

1948 года и последующих турниров претендентов, деликатно заметил, что русские всегда играют как «одна команда». А как могло быть иначе, если на первой доске в этой команде всегда играют власти?

У экс-чемпиона мира Макса Эйве, когда он ехал на турнир в Москву, конфисковали в Бресте тетради с шахматными записями. Таможенники, видите ли, вообразили, что это шифр. По просьбе Михаила Ботвинника тетради потом вернули (Эйве был растроган и сердечно благодарил), но копии записей каким-то образом попали к советским гроссмейстерам. Власти провели свою партию в отличном стиле...

Казалось, все шло по плану. Чемпионский титул советские шахматисты завоевали, влияние их в шахматном мире стало весьма значительным, даже определяющим. И тем не менее было в системе слабое звено, деталь, которая внушала сомнения: облик чемпионов. Да, конечно, это были советские люди. И все-таки не то, типичное не то. Шахматному юноше, спрашивающему «делать жизнь с кого?», язык не поворачивался ответить четко и определенно: «Делай с Ботвинника, Таля, Петросяна, Спасского».

Ботвинник, хоть и основоположник, был Михаил Моисеевич, явный еврей. Таль, во внешности которого хитроумные корреспонденты обнаружили нечто индийское, тоже был, увы, еврей, к тому же человек несолидный, богема, анекдотчик. И Петросян не вполне свой, а для представительства за рубежом и вовсе малоподходящий: не речистый, прозаический, играет сухо, скучновато. Объявить, что именно таков советский шахматный стиль, было никак невозможно.

Люди, далекие от шахмат и политики, возлагали надежды на Спасского. И напрасно. Борис Васильевич в высшей степени независимый и смелый человек. Вот несколько фраз из его публичных выступлений. «У Кереса, как и у его родины Эстонии, — трагическая судьба». «Впрочем, и американский слесарь зарабатывает в десять раз больше советского». «Какому-нибудь мелкому чиновнику я отвечать не стану, а вам скажу...»

(кстати, «мелкому чиновнику» относилось к персоне весьма именитой — заведующему сектором ЦК КПСС Бойкову).

Борис Спасский постоянно ходил по лезвию ножа, и выручу ли его, по-видимому, лишь высокопоставленные поклонники ценившие его талант и уважавшие его как человека. Кульминацией неподобающего поведения Спасского был его проигрыш на первенство мира Роберту Фишеру. Впрочем, главное — даже не сам проигрыш. Спасский не позволил включить в состав делегации спецов из КГБ и отказался, несмотря на приказы из Москвы, сорвать матч. Более того, он сделал все чтобы судьба

шахматной короны решилась за шахматной доской. Это был воистину матч века: играли не только величайшие шахматисты, но и крупные личности. Фишер победил и стал одиннадцатым чемпионом мира.

Взглянем на эту ситуацию с позиции Москвы. Как выразился один из номенклатурных товарищей: «Мы тратим на шахматы миллионы, а получаем чемпиона мира — американца!» К тому же Фишер вовсе не был «тихим», аполитичным американцем. Он прямо говорил о советских махинациях в шахматах, начиная со сговора претендентов в Кюрасао (1962). Публично рекомендовал Соединенным Штатам не давать Советскому Союзу в кредит американскую технику и зерно. А так как Фишер стал суперзвездой, его высказывания печатались на первых страницах газет, подрывая веру в мудрость и неизбежность детанта.

Фишеру необходимо было дать по рукам. И сделать это должен был не Ботвинник, Таль или Спасский, а действительно «наш» человек. Такой человек нашелся: спрос рождает предложение.

В середине 60-х годов Анатолий Карпов был всего лишь одним из многих талантливых молодых мастеров, соперничавших за место под шахматным солнцем: за стипендии, тренеров и, конечно, заграничные поездки. Не по годам рассудительный, он быстро понял, что путь наверх зависит не только от личных успехов в турнирах, но и от влиятельных покровителей.

Обстановка благоприятствовала его планам. В те годы партийное начальство делало ставку на молодых: «старики», разгромленные Фишером, уже не годились. Карпов, с его хорошей анкетой, солидный, основательный, надежный, был именно тем человеком, на которого можно рассчитывать. Осознав это, он начал создавать себе облик примерного комсомольца-активиста: одевался в манере средней руки комсомольских вожаков — скромный костюмчик, светлая рубашка, галстук; выступал на собраниях, когда нужно, говорил то, что полагалось. Но главное, он изо всех сил налаживал полезные контакты.

В Ленинграде Карпов нашел себе тренера — «ходячую энциклопедию» Семена Фурмана; приобрел друга и наставника — умного и цепкого интригана Александра Баха (сотрудник Спорткомитета, в 1990—91 годах исполнительный директор Шахматной федерации СССР.— Ред.), который более других способствовал появлению Карпова-чемпиона; наконец, нашел «партийную любовь» — секретаря одного из ленинградских райкомов партии Анатолия Тупикина (позднее работал в аппарате ЦК КПСС, затем зампредом Всесоюзной телерадиокомпании.— Ред.). Тупикин стал председателем

Шахматной федерации Ленинграда и ловко делал карьеру — в том числе и на Карпове.

Но главным достижением Карпова было знакомство, а потом и многолетняя дружба с могущественным партийным вельможей, в то время первым секретарем ЦК ВЛКСМ Евгением Тяжельниковым. Собственно, Тяжельников и сделал Карпова чемпионом мира. Помощь комсомольского вождя была многообразной, в частности, он предоставил Карпову независимость от Федерации и Спорткомитета, а затем поставил его над этими организациями. Не сыграв ни одной партии мирового чемпионата за пределами СССР, Карпов получил право на матч с Фишером.

Карпов всегда трезво оценивал свои возможности. Он знал, что не только выиграть у Фишера хотя бы одну-две партии, но и сделать с ним ничью почти невозможно. Единственный шанс состоял в том, чтобы сорвать матч. Был разработан целый репертуар трюков, которые должны были вывести из равновесия чувствительного и не привыкшего к таким методам американского чемпиона. Как говорил сам Карпов: «Этот матч нормально не закончится. Либо меня заберут в больницу (Анатолий весил тогда 48 кг и даже в конце московского матча с Корчным держался лишь на стимуляторах), либо его — в сумасшедший дом».

В итоге СССР (и Карпов) получил желанный титул. Все Действительно кончилось скандалом. Фишера возмутило, что ФИДЕ отвергла его предложение, чтобы при счете 9:9 в игравшемся до 10 побед матче чемпион сохранял свой титул. Дело тут было в принципе: Фишер требовал сохранения традиционной привилегии всех чемпионов. Федерация же явно поддерживала претендента. Интересно, что Карпов, став чемпионом, добился для себя значительно больших льгот. ...

Нужно отдать должное Карпову: королевский венец не вскружил ему голову. Он проанализировал ошибки предшественников и извлек из них надлежащие уроки. Например, чемпионы предпочитали турниры, которые можно было выигрывать без особых усилий и риска. Карпов заставил себя играть в турнирах сильных и нужных, так что его опыт и класс игры постоянно росли.

И все-таки Карпов — чемпион мира по шахматам — интересен не столько отводом своих слонов на исходные поля сколько тем, что первым из шахматистов (а возможно и спортсменов вообще) сумел стать членом правящего класса номенклатуры. Советские чемпионы мира по шахматам всегда были (по советским масштабам) людьми богатыми и

привилегированными. Если следовать классификации профессора М. Восленского, они входили в категорию «декоративной знати» — вместе с космонавтами, знатными овцеводами, прима-балеринами, лауреатами сталинско-ленинских премий. Никакого реального влияния на общественную жизнь это сословие не имело и не должно было иметь. Власть и влияние чемпиона мира по шахматам никогда не выходили за пределы его области, да и там оставались далеко не безраздельными: председатель Спорткомитета СССР и его заместитель по шахматам оставались для чемпиона начальством. В разногласиях, если таковые возникали, последнее слово обычно оставалось за Спорткомитетом. Спорить же с заведующим сектором спорта ЦК было совершенно бессмысленно и даже опасно, ибо партия не ошибается.

Чемпион мира мог выпросить у великого покровителя, из ЦК или даже Политбюро, «Волгу» вне очереди или дачу, но если бы он рискнул заговорить о смещении зампреда Спорткомитета или желательности участия советских шахматистов в турнире в Израиле, его мгновенно поставили бы на место. Использовав свою исключительно благоприятную ситуацию — русский, коммунист, вернул шахматную корону в СССР,— Карпов сумел преодолеть этот барьер и войти в число тех, кто назначает и смещает, принимает решения и распределяет блага, карает и милует. Из пешки в чужой игре он сам стал игроком.

Помогла еще одна счастливая случайность. Отслужив свои срок в ВЛКСМ, Тяжельников, друг и покровитель Карпова, стал заведующим Отделом пропаганды ЦК КПСС. Это крупный пост: всего одна ступенька вверх — и ты уже секретарь ЦК. Но для Карпова особенно важным было то, что Тяжельникову, среди прочего, подчинялся и сектор спорта. Естественно, что приятель Тяжельникова приобрел в глазах цековских чиновников весьма ощутимый вес.

Для председателя Спорткомитета СССР (а им в те годы был бывший «румяный комсомольский вождь» Сергей Павлов) уже завсектором спорта ЦК был начальством. А тут друг «самого». Неудивительно, что и Павлов, и его заместитель Ивонин, курирующий шахматы, быстро оценили ситуацию. Шахматная федерация СССР, шахматные журналы, вообще советские шахматы стали сферой, где Карпов (а точнее, его люди — Рошаль, Батуринский) распоряжались практически бесконтрольно.

* * *

Прочно войдя в номенклатурную элиту, запасшись всеми ее внешними атрибутами (депутат, член ЦК ВЛКСМ, председатель Советского фонда мира) и вещественными благами (кремлевка,

лимузин с шофером, Четвертое управление Минздрава), Анатолий Карпов, как и в шахматах, не почил на лаврах и не остановился на достигнутом. К этому времени его характер полностью сформировался: крайний цинизм, расчетливость, бездушие. Держаться на плаву ему помогало и отсутствие сильных природных страстей, кроме одной — любви и вкуса к власти.

Последовавшие в 1978 и 1981 году матчи на первенство мира с Виктором Корчным еще больше укрепили его положение. Более того, открыли ему доступ в личное окружение Брежнева. В те годы впадающего в старческий маразм вождя не принято было обременять серьезными проблемами. И чем больше накапливалось таких проблем, тем меньше о них говорили. Но вождя надо было чем-то занять, отвлечь и развлечь — шахматы для этого подходили идеально. Леонид Ильич уважал спорт, а в матче Карпова с невозвращенцем Корчным отчетливо просвечивал классовый (и этнический) колорит: с одной стороны «наш хлопец», с другой — «изменник родины», нагло требующий освобождения семьи и засыпающий секретариат генсека издевательскими письмами.

По свидетельству очевидцев, маразматически-озабоченный Брежнев по нескольку раз в день спрашивал: «Как там наш Толик?» Как-то раз я был в Центральном шахматном клубе, когда позвонил помощник генсека Цуканов — справиться о положении в отложенной 14-й партии матча (в Багио.— Ред-). Звонил и другой помощник Брежнева— Александров-Агентов. В Спорткомитете, в приемной Павлова, стоял шахматный столик, возле которого с утра до вечера дежурил кто-то из гроссмейстеров, так что Павлов всегда мог дать компетентную справку.

После победы, которая в буквальном смысле слова была победой не только Карпова, но и Советского Союза, посыпались высочайшие телеграммы, награды и лобзания вождя.

В. Батуринский: *«По возвращении на Родину на груди чемпиона рядом с двумя золотыми медалями засверкал орден Трудового Красного Знамени. Его вручал Л. И. Брежнев. Как и полагается, Карпов поблагодарил за награду и сказал, что он старался оправдать доверие, но Брежнев его перебил:*

— Да, старался, а мы тут при счете 5:5 за сердце хватались.

Написал об этом и подумал: не даю ли козырь тем, кто пытается связать Карпова с периодом застоя? Надеюсь, читатели разберутся. есть связь между выдающимися спортивными достижениями, вкладом в развитие шахмат, многогранной общественной деятельностью двенадцатого чемпиона мира и теми

негативными явлениями в жизни общества, которые характеризуют период застоя» («Страницы шахматной жизни», 2-е изд., 1990).

Именно в ту пору Карпову удалось завязать личные связи с помощниками Брежнева. Имея огромное состояние, в том числе в валюте, постоянно бывая за границей, чемпион мог подарить детям начальства видеомагнитофон, жене — модное платье, самому — часы невиданного фасона. Конечно, все это можно было добывать и по другим каналам, но кругом враги, завистники, а Карпов человек свой, молчаливый, надежный.

Победа над Корчным в матче 1981 года в Мерано вознесла Карпова на вершину могущества. Лишь на дальнем горизонте маячило облачко — возможный соперник, 18-летний бакинец Гарри Каспаров...

Из статьи «Люди и шахматы» в журнале «Страна и мир» (Мюнхен), № 5, 1986

Гарри КАСПАРОВ ПАМЯТНИК СТАРОМУ РЕЖИМУ

Принято говорить: везет на друзей. Но точно так же может везти и на врагов. Карпову исторически крупно повезло, что его главным противником в течение многих лет был Корчной. «Отщепенец», «изменник», «предатель», «перебежчик»... Какими только эпитетами не награждала его советская пресса после того, как он остался на Западе. Неудивительно, что победе над Корчным придавалось огромное политическое значение. Победы в Багио и Мерано создали Карпову особый ореол в нашем обществе и позволили ему стать не просто шахматным чемпионом, но символом советской системы. И это очень устраивало спортивных руководителей, вообразивших, что они заняты не спортом, а большой политикой! Под флагом борьбы с «политическим врагом» они могли рассчитывать на самую высокую поддержку и на любую помощь со стороны государства...

Историю борьбы за мировое первенство создают не только чемпионы, но и те, кто составил им серьезную конкуренцию. Среди гроссмейстеров, в пору своего расцвета угрожавших шахматному трону, беспристрастный летописец назовет в первую очередь, конечно, Чигорина, Тарраша, Рубинштейна, Боголюбова, Бронштейна, Кереса... Но ни один из «вторых» не прошел столь тяжкий путь нешахматной борьбы, как Виктор Корчной.

Еще в 1974 году, во время его первого единоборства с Карповым, стало ясно, что симпатии аппарата всецело на стороне Карпова. Это вызвало раздражение Корчного, который в послематчевых интервью для зарубежных изданий заявил, что на него оказывалось давление в ходе матча. Кроме того, он обвинил спортивное руководство в том, что оно обеспечило Карпова самыми квалифицированными тренерами и лучшими условиями для подготовки. Но это был глас вопиющего в пустыне: у Корчного не было никого, кто бы защитил его.

...Когда Карпов вернулся из Багио, Брежнев торжественно принял его, и об этом Анатолий Евгеньевич вспоминает как об одном из «самых значительных» событий в своей жизни. Карпову был вручен в Кремле орден Трудового Красного Знамени, после чего Брежнев напутствовал его: «Взял корону, так держи!» Вряд ли Леонид Ильич мог предположить, что его слова воспримут буквально, но высокопоставленные чиновники отнеслись к ним со всей серьезностью.

Победа Карпова была важной во всех отношениях. Она

окончательно стирала воспоминания о Рейкьявике и восстанавливала престиж советских шахмат. Блеск победы Карпова увеличивался еще одним важным обстоятельством: поражение потерпел «невозвращенец», что обесценивало его критику в адрес наших властей. Так случилось, что оба они — и Фишер, и Корчной,— сами того не желая, оказали Карпову огромную услугу. Один без борьбы отдал ему чемпионскую корону, другой способствовал превращению его в политическую фигуру...

К концу 1981 года, когда Карпову вновь предстояло встретиться в матче с Корчным — на этот раз в Мерано, чемпион оказался в центре беспримерной патриотической кампании. Он получил лучших тренеров и всевозможную помощь, какую только мог оказать ему государственный аппарат. Как и три года назад, Корчной в претендентских матчах победил Петросяна и Полугаевского, а затем, в финальном поединке — Хюбнера.

Об атмосфере подозрительности, окружавшей матч в Мерано, можно судить уже по тому факту, что советская делегация (включая и Карпова) побывала там за несколько недель до матча, чтобы проверить питьевую воду, климатические условия, уровень шума и радиации,— во всяком случае, так заявил председатель оргкомитета в интервью швейцарскому журналу «Чесс-пресс»...

Соперники находились в совершенно разных условиях. Если Корчной был подготовлен плохо (не могло не сказаться и неучастие в крупнейших турнирах, куда ему закрывал доступ бойкот со стороны советских шахматистов), то Карпову помогали все наши лучшие гроссмейстеры. Мы были обязаны снабдить его информацией о своих дебютных разработках и вариантах, раскрыть все свои профессиональные секреты. Нам дали ясно понять, что это наш патриотический долг, ибо «изменника» надо разбить во что бы то ни стало.

Многие гроссмейстеры выполнили то, что от них требовалось. Но я отказался, заявив, что необходимости в этом нет — поражение Корчного и так предрешено (и действительно, борьбы как таковой в Мерано не было: Карпов выиграл со счетом 6:2). Не исключаю, что Карпов просто хотел воспользоваться случаем, чтобы выудить все теоретические новинки из советских гроссмейстеров.

После матча в Мерано Карпов и Брежнев снова, как и три года назад, обменялись теплыми телеграммами, а через месяц в Кремле чемпиону была вручена высокая государственная награда — на сей раз орден Ленина. Удостоился Карпов и высокой общественной должности — председателя Советского фонда мира.

Итак, Карпов продолжал быть шахматным королем. Как и положено царствующей особе, он был окружен многочисленной свитой. В его власти было решать, кто поедет за границу, а кто нет. Все шахматисты оказались поделены на «выездных» и «невыездных», причем принцип такого деления секрета не составлял.

Помнится, начальник Управления шахмат Н. Крогиус (сменивший Батуринского в 1981 году.— Ред.) сказал мне: «У нас есть чемпион мира, и другой нам не нужен». Эти слова — памятник старому режиму, и не только в шахматах. Карпов должен был оставаться чемпионом до скончания века — а если так, то зачем что-то менять, развивать? Такой подход не считался безнравственным..,

К тому времени политическая сторона матча стала важнее, чем сами шахматы. Красноречивое свидетельство тому — строки из статьи Севастьянова «Карпов, каким мы его любим», опубликованной в декабре 1981 года в «Литературной газете» (к слову, для бывшего космонавта Карпов оказался тем «спутником», который вывел его на новую орбиту — председателя Шахматной федерации СССР)...

Из книги «Безлимитный поединок» (Москва, 1989)

Наверное, не будет преувеличением сказать, что статья В. Севастьянова, которую цитирует в своей книге Каспаров,— тоже «памятник старому режиму». Даже при том, что в «Литературке» было напечатано отнюдь не всё произведение нынешнего народного депутата России, не изменившего большевистским принципам и после августовского путча 1991 года. Авторский оригинал, представленный в свое время Виталием Ивановичем в издательство «Физкультура и спорт» в качестве предисловия к сборнику «Мерано-81», позволяет восполнить этот досадный пробел (в приводимых фрагментах статьи «выпавшие» из газетной публикации места выделены курсивом).

Виталий СЕВАСТЬЯНОВ КАРПОВ, КАКИМ МЫ ЕГО ЛЮБИМ

...Сейчас, когда результат матча известен,— о чем, собственно, говорить? Михаил Таль даже пошутил, что счетом-то Корчной может быть доволен больше, чем Карпов. Получил-таки с превеликим трудом два очка. В шутке сей немалая доля правды.

Но сам Карпов о своем сопернике отозвался так: «Упрямый, опасный, трудный противник, имеющий огромный практический опыт...» Положение отягощалось и тем, что Корчной — бывший советский гроссмейстер.

Что же толкнуло его на путь измены? Совершенно убежден: постепенная деградация личности, непомерное развитие таких черт характера, как тщеславие, зависть, жадность. Именно тщеславие помешало ему объективно оценить итоги матча с Карповым 1974 года и воздать должное своему победителю. Напротив, причины своего поражения он стал искать в чем угодно, только не в собственной игре, отсюда и его бегство, подогреваемое к тому же расчетами на получение крупного барыша.

Так в жизнь шахмат ворвался антисоветизм — чего раньше не было, ибо Корчной не мог не понимать, что его существование на Западе возможно лишь при условии единения с самыми бешеными мракобесами современной эпохи. Да какое там единение — в услужение пришлось пойти: Корчной готов был и на это.

Недавно вышла на Западе его книга «Антишахматы» (характерное, однако, название). Книга, кстати, удивительно глупая, написанная несусветно плохо, даже для столь поверхностного и пустого человека, как Корчной. Автор захлебывается от клокочущей в нем ненависти, слюни брызжут во все стороны,

ни одной связной мысли, только выкрики, пошлые историйки и анекдотцы и, конечно же, клевета, клевета, клевета. Что-нибудь от нее да останется? Останется, пожалуй. Сам автор, наизголявшийся в своем неординарном, даже для Запада, стриптизе. Хорошенькая получилась фигурка. Естественно, что и предисловие к такой книге написал небезызвестный отщепенец, выдворенный из Советского Союза, уголовник Буковский. Сей подонок откровенно заявил, что Запад обязан помогать Корчному, так как Карпов — член ЦК ВЛКСМ, идол советской молодежи. Ну, что касается понятия «идол», очевидно, оно не из нашего

лексикона. Но смысл ясен: Корчному надо помогать потому, что для СССР это — вредно, для советского народа — плохо.

Перед началом матча было опубликовано так называемое «открытое» письмо, которое вместе с Буковским подписали еще несколько таких же «уважаемых лиц» — Иосиф Бродский, Наталья Горбаневская, Гинзбург (Александр.— Ред.), Эдуард Кузнецов, Эрнст Неизвестный,— провозгласивших Корчного знаменем в их борьбе с коммунистической идеологией. Вот так — ни больше, ни меньше.

А нынешнее окружение Корчного? Пришельцами назвала их югославская газета «Политика» — «пришельцами, которые после того, как сбежали из своего мира, бегут и сами от себя».

Вот один из них — Штейн (автор приведенных выше статьи «Кентавровы шахматы» и «Открытого письма А. Карпову».— Ред.). Откровенный сионист, сбежавший из Польши, ныне гражданин США, сотрудник «Голоса Америки» и ряда антисоветских журналов, Штейн выступал в команде Корчного в роли пресс-атташе. В Мерано он специально подошел ко мне, чтобы демонстративно заявить, что он готов хоть завтра лететь в Москву с автоматом и стрелять там во всех, кто ему попадется, начиная от Красной площади и до МГУ. Вот она, человеконенавистническая суть антисоветизма!

Этот ярый враг (да и Корчной тоже) разгуливал во время матча со значком польского так называемого профобъединения «Солидарность». Тоже характерная деталь!

Или мадам Петра Лееверик, бывшая шпионка, ныне подруга жизни Корчного. В Багио она прославилась разве что непотребными скандалами. В штабе Корчного на сей раз она была лишена власти: сообразили, что фигура эта — увы! — одиозна. Предполагаю, что сцена безудержной якобы ярости Корчного, прорвавшейся в нецензурной брани, была отрежиссирована (заранее!) именно ею.

Среди тренеров-консультантов — тоже беглецы: Альбурт (гроссмейстер, многократный чемпион США; автор приведенной выше статьи «Поцелуй вождя».— Ред.), Гутман, Иванов, Шамкович... Короче, как считали древние, подобное тянется к подобному. Поражение Корчного явилось и их поражением — духовным, моральным, политическим. И, безусловно, закономерным.

Предоставляю читателям самим судить, какие могут быть у Корчного политические взгляды и могут ли они у него быть вообще. И каково должно быть воинство, не сумевшее отыскать себе более достойного знамени.

Пути назад, увы, не было. Матч в Багио способствовал лишь

обострению крайне уязвленного мировосприятия претендента. Клевета на СССР, на советский народ стала для него привычным, обыденным занятием. И прежде не отличавшийся благородством нрава, он все более и более опускался как человек. Подозреваю, он и сам понимал это, не мог не понять, но оттого по прежней своей привычке (виновны все, только не я) становился еще злей и беспардонней.

Каждое время выдвигает своего чемпиона. И каждое поколение — тоже. Ботвинник — это жизнерадостные тридцатые годы. Это счастье строительства нового мира. Таля не зря называют романтиком. Но разве эта черта не была свойственна и его сверстникам — романтикам покорения целины, первооткрывателям первых сибирских дорог и космических трасс?

...С Карповым в шахматы вошло новое поколение — не просто послевоенное, но и родившееся после войны. Не буду напоминать спортивную биографию чемпиона: убежден, она знакома любому читателю. Хотелось бы сказать о другом.

Многим Анатолий необыкновенно близок именно в силу самой своей натуры. Его считают своим миллионы советских людей. Родом он из небольшого уральского городка, из глубинки — раньше у нас таких чемпионов мира среди шахматистов не было. Убежден, и это имеет значение, все-таки большинство населения нашей страны живет не в столицах. Людям импонирует его внешний облик: юношеская подтянутость и глубокий, горящий взгляд, где сочетаются романтическая самоотверженность и трезвый рационализм. Нравится сам стиль его поведения: элегантность, коммуникабельность, простота и тот лишенный всякой вычурности демократизм, который и обеспечивает естественность его отношения к жизни.

Сталь его уральского характера прошла отжиг в рабочей среде тульских оружейников, а затем получила закалку в дружных рядах Ленинского комсомола, членом Центрального Комитета которого стал чемпион мира коммунист Анатолий Карпов...

Уже после матча мне пришлось просмотреть в редакции «64 — Шахматного обозрения» письма. Десятки, сотни писем, пришедших со всех концов советской земли... Трогательные письма, многие даже в стихах, пусть неумелых, но искренних. Так вот — были, однако, в письмах не только добрые слова.

Были и полные гневного презрения по отношению к предателю Русский язык остер. И уверяю, что такие наименования, как «иуда», «выродок» или, скажем, «власовец от шахмат», отнюдь не были самыми нокаутирующими из

написанного. (Некоторые из писем, кстати, опубликованы в журнале. Многие сотрудники настаивали, чтобы высказывания читателей приводились без всяких сокращений. Решал, конечно, главный редактор. Мягко, но настойчиво он попросил, чтоб в выдержках из писем не содержалось оценки политического вымогательства претендента. «И так из-за него слишком много вреда шахматам»,-— заметил Карпов.)

Сила шахматного таланта Анатолия Карпова — в его колоссальной ответственности за успехи советской шахматной школы, за ее прошлое, настоящее и будущее. Поэтому чемпион мира, член президиума Шахматной федерации СССР так много времени и труда уделяет пропаганде шахмат... Можно только восхищаться и поражаться его энергии, организованности, трудолюбию.

Да, организованность — одна из главных черт его характера, подкрепленная научным поиском: его дипломная работа в Ленинградском университете посвящалась проблеме организации свободного времени. Вопрос очень важный. Тем более, когда у нынешнего чемпиона мира, старшего научного сотрудника кафедры политэкономии МГУ, свободного времени в обычном понимании просто нет. Оно отдано «играющим», как называют Карпова, чемпионом мира общественной деятельности. Карпов — член президиума Советского комитета защиты мира, член советской Комиссии по делам ЮНЕСКО, член Центрального комитета ФИДЕ, главный редактор журнала «64 — Шахматное обозрение». Его свободное время — это служение гражданина делу защиты мира и сотрудничества народов, приобщение широких масс любителей древней игры к высокой шахматной культуре...

Место шахмат — в одном ряду с литературой, искусством, интересом к родной истории, заботой о своей земле. Шахматы среди средств, которые мы предлагаем для того, чтобы отвлечь неокрепшие души от развлечений не столько пустых, сколько небезопасных. Не панацея, конечно, но вот в Горьком, в одном из рабочих клубов, даже с водкой помогают бороться шахматы. Потому что любая возможность должна идти на благо народу, любая.

Партией сейчас уделяется очень большое внимание развитию физической культуры среди народа. И развитию шахмат, естественно, тоже. Шахматы давно уже стали частью нашей общенародной культуры. Культуры современного социалистического общества. И одно и наидостойнейших олицетворении ее — трехкратный чемпион мира Анатолий Карпов.

В Мерано он защищал не только свое звание. Не только шахматы, потому что, случись по-иному — и деятельность Международной шахматной федерации, сомневаться не приходится, была бы подвергнута чудовищному шантажу.

Он защищал честь и достоинство нашей страны и нашего строя. Контраст между представителем Страны Советов и его озлобившимся, растерявшимся оппонентом поразил даже журналистов из буржуазных изданий, вряд ли посланных своими хозяевами в Мерано с целью быть объективными и правдивыми. Это было различие не только между двумя людьми. Точнее — не столько между двумя людьми. Это была разница между миром лжи и наживы и миром светлого завтрашнего дня.

«Толин миллион» (процесс Карпов— Юнгвирт)

Уж сколько лет наблюдаю у шахматистов массовую безнравственность,— а привыкнуть не могу. Конечно, рыцарский дух еще жив в шахматах, но традиции его мелеют прямо на глазах.

А. Карпов, 1990

Под таким заголовком в западной печати появилось первое сообщение о давних деловых связях представителя «светлого завтрашнего дня» с упомянутым Севастьяновым «миром лжи и наживы». Случилось это осенью 1985 года, во время второго матча Карпова с Каспаровым (первый, как известно, после двух подряд поражений Карпова был прекращен с подачи Севастьянова президентом ФИДЕ Кампоманесом).

«Как раз в это время,— вспоминает Карпов в книге «Сестра моя Каисса»,— я начал уголовный процесс в Гамбурге против западногерманского журналиста Гельмута Юнгвирта (уже знакомого читателям: см. стр. 61 и 112.— Ред.). Каким-то образом это стало достоянием нашей прессы — и она набросилась на меня, расцвечивая ясное дело всевозможными инсинуациями. Я старался не читать газет, но ведь вокруг люди — от дураков не спрячешься. К тому же Грамов (тогдашний председатель Спорткомитета.— Ред.) пригрозил открыто: «Вот пусть доиграет матч — мы с ним разберемся, как это он затевает такие процессы в обход государства, не получая на то Дозволения»... Не правда ли, отличная иллюстрация к представлению о наших свободах?»

Тут какое-то недоразумение. В 1985 году советская пресса хранила на сей счет гробовое молчание; она осмелилась сообщить о «ясном деле» только через три года, когда в ФРГ начался суд над Юнгвиртом (см. «Московские новости» № 37, 1988). Но и тогда на Карпова никто не набрасывался. «Всевозможные инсинуации» остались, как водится, уделом «буржуазных изданий».

«ШПИГЕЛЬ»; «В контракте, заключенном 13 октября 1978 года (напомним, в день проигрыша Карповым 31-й партии в Багио, когда счет в матче стал 5:5.— Ред.) с гонконгской фирмой «Новаг», принадлежащей гражданину ФРГ Петеру Луге, чемпион мира связал себя обязательством делать соответствующие заявления и позволять использовать свои фотографии для рекламы компьютеров. За каждый проданный компьютер он

должен был получать по 2,5 доллара. 17 января 1981 года Луге подписал последний чек... Всего он подписал 22 чека на общую сумму 446 тысяч 177,5 доллара, что по современному курсу соответствует 1,2 миллиона марок ФРГ.

В соответствии с контрактом Луге посылал деньги не самому Карпову, а Гельмуту Юнгвирту... В письме, датированном 6 декабря 1983 года, компьютерного фабриканта попросили предъявить доказательства выплаты денег. Но письмо было подписано не Карповым, а широко известным Флоренсио Кампоманесом, президентом ФИДЕ...

Оказалось, что Юнгвирт, которому пересылались деньги для Карпова, находится под подозрением в присвоении и растрате миллиона, принадлежащего чемпиону мира. Член КПСС Карпов и член ХДС Юнгвирт в течение многих лет называли друг друга попросту Толей и Гельмутом, однако теперь между ними пролегла трещина, связанная с борьбой за миллион... Каким бы преданным партии человеком ни выглядел Карпов у себя дома, на Западе он, безусловно, ведет себя как весьма ловкий бизнесмен» (№ 40, 1985).

«ФРАНКФУРТЕР АЛЬГЕМАЙНЕ ЦАЙТУНГ»: «В первый день процесса обвиняемый сообщил, что Карпов, играя в 1978 году матч за звание чемпиона мира на Филиппинах против Корчного, в случае поражения намеревался эмигрировать на Запад. Подобные планы, как должна была понять Большая уголовная палата, требовали дорогостоящих приготовлений...

Юнгвирт сообщил также, что во время турниров Карпов обычно заполнял два договора: один официальный. другой -— на сумму в два или три раза большую — неофициальный. Благодаря этому советские власти вводились в заблуждение...»

(5 сентября 1988).

«ШПИГЕЛЬ»: «Если верить версии Юнгвирта, то он несколько лет пребывал в роли разъездного финкурьера. Множество раз он носился с реактивной скоростью всего лишь на день куда-нибудь на край света, где Карпов играл в очередном турнире, и выдавал ему несколько сотенных или тысячных бумажек.

Но и в Германии, по словам Юнгвирта, у него забот был полон рот. Как-то он на грузовом автомобиле переправлял в Москву «мерседес-450», который Карпов лично присмотрел и оплатил в Штутгарте. Доставал лекарства для больного раком отца Карпова, пристраивал Толины книги в немецких и английских издательствах.

Не менее сенсационно, чем сообщение о планировавшемся побеге Карпова, выглядит рассказ Юнгвирта о том, что он по поручению чемпиона пытался вытащить из калифорнийского

подполья на матч с Карповым шахматную легенду — Бобби Фишера. Результат: пять поездок в США, две встречи, расход времени — «300 часов», финансовые расходы — 28000 долларов.

Во всем этом, если верить не Юнгвирту, а Карпову, нет ни слова правды. Редко встречаются в подобных денежных аферах столь взаимоисключающие показания сторон.

Как утверждает Карпов, после матча 1978 года в Багио он встречал Юнгвирта всего лишь несколько раз... Совсем не то говорит Юнгвирт: «С 1976 по 1982 год мы встречались практически каждый месяц и обсуждали различные проблемы, после чего я получал соответствующие поручения ..»

Экс-чемпиона мира афера лишила того капитала, который был для него дороже полумиллиона долларов,— почти неограниченного доверия советских властей. До этого Карпов без проблем соединял активное членство в Коммунистической партии с западной географией своей шахматной профессиональной деятельности. Не было ни одного сообщения или даже намека на какие-либо его конфликты со строгими законами своей страны.

И тут всплывает миллионный контракт, о котором Карпов дома умолчал. По советским законам большую часть своих валютных доходов от соглашения с фирмой «Новаг» он должен был сдать в государственную казну, а остаток — около 20 процентов — получить частью в рублях, а частью в чеках, за которые в советских спецмагазинах можно приобрести западные и другие дефицитные товары.

В ходе уголовного разбирательства против Юнгвирта во всеуслышание будет сказано о том, что пока таится в материалах дела: товарищ чемпион имел по крайней мере три банковских счета на Западе, хотя это строго-настрого запрещено советским законодательством...

За накопленными западными дензнаками Карпов присматривал с соблюдением конспирации. Будучи в Гамбурге, он звонил в филиал «Дойче банка» на Клостерштерн и появлялся там перед самым открытием или сразу после того, как окошки уже закрывались. Советский клиент приказывал показать ему выписки из счетов и подтверждал факт контроля своей подписью. По словам руководителя филиала Вернера Зандера, показания которого зафиксированы в протоколе гамбургской уголовной полиции, Карпов «очень точно проверял предъявляемые ему выписки из счетов и документов — на цифры у него великолепная память,— а после проверки тут же уничтожал бумажки с подсчетами, разрывая их на мелкие кусочки».

Даже решившись на процесс против Юнгвирта, Карпов

постарался оставить Москву в неведении. Он определенно пытался спасти гонконгские доллары от рук советских властей, поэтому помочь в поисках денег он попросил не советский Спорткомитет, а шахматных функционеров — президента ФИДЕ Флоренсио Кампоманеса и Альфреда Кинцеля, бывшего президента Шахматной федерации ФРГ» (№ 33, 1988).

«ДИ ВЕЛЬТ»: «Из показаний коммерческого директора Шахматной федерации ФРГ Хорста Метцинга: «Хуже всех из вовлеченных в это дело шахматных деятелей выглядит президент ФИДЕ филиппинец Флоренсио Кампоманес». На допросе Метцинг сказал, что тот покупал голоса на выборах в ФИДЕ. На какие деньги он живет, неизвестно. Поговаривают о его финансовых связях с супругой бывшего президента Филиппин Имельдой Маркое. В общем и целом, это «легендарная» личность...» (21 сентября 1988).

АГЕНТСТВО ДПА: «Экс-чемпион мира по шахматам Анатолий Карпов выступил вчера в западноберлинском уголовном суде на процессе против журналиста Гельмута Юнгвирта... Карпов заявил, что не получил от обвиняемого ни пфеннига из причитающихся ему гонораров. Редактор северогерманского вещания, которому он полностью доверял, солгал, сказав, что компьютерная фирма «Новаг» разорилась и стала неплатежеспособной.

Обвиняемый решительно возразил Карпову, заявив, что снял для него дом в США и купил автомобиль, так как Карпов намеревался не возвращаться в Советский Союз. В выступлении Карпова были противоречия относительно того, давал ли он Юнгвирту комиссионные или нет.

Перед началом процесса возникли трудности, связанные с тем, что Карпов и два его берлинских адвоката должны были пройти через трехчасовую беседу в советском генконсульстве. Представителям СССР было не ясно, почему советский гражданин должен выступать в западноберлинском суде перед гамбургской судебной палатой» (20 октября 1988).

«ДИ ВЕЛЬТВОХЕ»: «Как Карпов вообще мог рассчитывать на сокрытие своих доходов от рекламной деятельности? На процессе всплыл второй, ранее не известный договор между Карповым и фирмой «Новаг». На бумаге значится: «Все доходы должны быть направлены на цели развития шахмат», то есть на организацию турниров, призы и пропаганду. Юнгвирт: «Этот договор был нужен Карпову как алиби перед финансовыми органами. В советском посольстве в США стало известно, что Карпов занимается рекламой на Западе, и они хотели видеть валюту...» (№ 45, 1988).

«Кстати, суд я выиграл,— победно сообщает Карпов

читателям «Сестры моей Кайссы», при этом «забывая» уточнить, из-за чего, собственно, он судился.— Присяжные признали Юнгвирта безусловно виновным. Он подал на апелляцию в Верховный суд ФРГ, но и там подтвердили приговор, так что этой весной (1990 года.— Ред-) Юнгвирт начал отбывать свое тюремное заключение в два года и восемь месяцев».

Выступив 19 октября 1988 года на уголовном процессе, Карпов устремился в Москву, где на 22 число был назначен «дворцовый переворот». В этот день, в отсутствие (точнее — за спиной) чемпиона мира Каспарова, Спорткомитет спешно созвал внеочередной пленум Шахматной федерации СССР- После двухлетнего перерыва на пост председателя был возвращен В. Севастьянов. Его первым замом стал наследник Батуринского, вице-президент ФИДЕ Н. Крогиус, а возглавить комиссию по пропаганде и печати снова доверили А. Рошалю. (Все они получили отставку лишь в самом конце 1989 года, на съезде

шахматистов страны.)

Вскоре после того «исторического» пленума Каспаров в публичном выступлении подвел своего рода итоги десятилетия, прошедшего после Багио: «Шахматная федерация СССР, безоговорочно поддерживая руководство ФИДЕ, скомпрометировала себя в глазах всего мира... Шахматный мир noflOUiefl к кРаю пропасти, и дальше идти по этой дороге — с насквозь КорРУмпиРованным руководством (я этих слов не боюсь, ибо это легко доказать, полистав документы ФИДЕ) — невозможно... Сотни тысяч швейцарских франков, перечисляемых в Международную федерацию, идут в основном на содержание бюрократического аппарата и на единственную в истории ФИДЕ зарплату президента. Кампоманес — первый президент, получающий официально 150 тысяч швейцарских франков в год».

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ КАК МЫ ДОШЛИ ДО ЖИЗНИ ТАКОЙ?

Мне хотелось бы поговорить о нравственной стороне шахмат. Ныне над шахматной доской возникла гигантская надстройка — надстройка казенная, чиновничья. И сегодня уже непонятно, что важнее: качество игры или работа руководящего механизма. В конце концов давайте вспомним, кто были шахматные чиновники времен Морфи, Стейница, Чигорина, Алехина? Мы их не знаем. Мы знаем чемпионов и их соперников, помним ход поединков.

А сейчас за спиной шахматиста, выходящего на первый план, возникает довольно большая гвардия, которую иногда хочется назвать даже и мафией. Формируется уже не просто шахматная команда (хотя и это само по себе неприятно, ведь шахматы не футбол!), а некая боевая группа, кровно заинтересованная в победе своего, уж не знаю, как сказать,— то ли подопечного, то ли лидера, то ли, скорее, гладиатора. И, естественно, эта группа готова пойти на многое, для того чтобы в результате победы получить серьезные жизненные преимущества.

Попробуем добраться до корней нынешней ненормальной и просто некрасивой ситуации. Спросим себя: когда впервые в нашей шахматной прессе появились по-настоящему неприятные вещи?

Вспомним матчи 50—60-х годов. Шахматная печать сохраняла профессиональное достоинство: за мировую корону боролись только советские гроссмейстеры. То и дело звучала банальная, иногда лицемерная, примирительная фраза: «Кто бы ни победил — чемпионом будет советский шахматист».

Но вот на горизонте появился очень крупный, яркий талант. Увы, «не наш» — американец Роберт Фишер. То, что здесь началось, я бы назвал профессиональным неприличием. Против одаренного юноши развернулась газетно-журнальная кампания. Но это были цветочки, а дальше пошли ягодки, о которых нельзя вспоминать без презрения. Когда Фишер стал реальным претендентом на мировую корону, чего только о нем не писали! Его представляли корыстолюбцем, полудебилом, который и по образовательному цензу, и по интеллектуальному уровню, и чуть ли не по анкете не достоин быть чемпионом мира...

Кому нужна была эта ложь? Фишер, на мой взгляд, один из самых бескорыстных шахматистов современности. Он добивался какой-то компенсации затраченных усилий фактически не для себя (во всяком случае, не только для себя), а вообще для шахмат.

Когда Фишер добровольно ушел с шахматной сцены, почему-то никто не отказался от больших призов...

После ухода Фишера главным соперником Карпова стал Корчной, и тут определенно начался второй акт «нечистых» шахмат. Впервые советскому шахматисту противостоял не просто зарубежный гроссмейстер, а эмигрант — более того, человек, нелегально уехавший из страны, оставшийся за границей. И вот здесь, мне кажется, наша казенно-шахматная общественность просто потеряла чувство приличия.

Дело даже не в размерах нашей команды. Вспомните, что писали о Корчном газеты. Можно было что угодно писать о нем как о шахматисте (хороший, плохой — пожалуйста, ваше право). Но писали о его семейных делах в таком тоне.

таких выражениях, которые порядочный человек не может себе позволить. Все сплетни выволакивались на газетные страницы, что вызывало острейшее чувство брезгливости.

Сложилась «традиция» о чем-то кричать во весь голос, а о чем-то сознательно умалчивать. Освещение матчей в Багио и Мерано было процентов на 80 нешахматным и опять-таки малодостойным (сообщали, к примеру, об американском военном самолете, который кружил над Багио. мешая Карпову спать). Можно болеть за любимого шахматиста, но нужно соблюдать хоть минимум приличия— кому нужна эта дешевая тенденциозность?

Мне кажется, что сегодня мы в значительной мере платим за те околошахматные игры, которые начались с некрасивой кампании против Фишера и непристойной кампании против Корчного...

Что же случилось дальше? Против Карпова стал играть Каспаров. Окончание их первого матча было, с точки зрения спортивной и просто человеческой этики, отвратительным. До какого-то момента шла жестокая, но честная шахматная борьба. Но то, что началось потом, было позорно. Пошли бесконечные «технические» тайм-ауты, проволочки длиною до двух недель. Затем приехал Кампоманес и. пряча глаза, закрыл матч. Это был неслыханный в истории шахмат позор!

Решение Кампоманеса стало последней каплей. Не будем вдаваться в подробности (мы их незнаем), но ощущение было такое, что за дело взялась целая категория надстроечных, казенных людей. Они оберегали своего лидера, своего гладиатора, чувствуя растущую опасность. Они боролись за него, как, скажем, хозяин конюшни борется за своего призового рысака. По-видимому, поражение Карпова за доской приближало бы и их поражение в жизни,..

Надо вернуть шахматам присущее им благородство. Хотя

шахматный поединок — не дуэль, но нужен все-таки некий дуэльный кодекс — правила чести, от которых нельзя отступать. А руководство должно быть таким, чтобы шахматисты просто могли честно играть — большего и не требуется.

Из интервью в журнале «Шахматы в СССР» № 11 и 12, 1988

Выступление писателя Леонида Жуховицкого было едва ли не первым в советской печати, в котором делалась попытка непредвзято взглянуть на события, происходящие вокруг шахматного Олимпа, дать им нравственную оценку. А вскоре в беседе с корреспондентом «Спортивной недели Ленинграда» судьбы Корчного коснулся Михаил Ботвинник-. «В свое время он был одним из сильнейших советских шахматистов. К сожалению, его преследовали... но я считаю, что Корчного можно и нужно вернуть в СССР» Но прошло еще целых полтора года, прежде чем в нашей прессе наконец появились беседы с самим Корчным — первые после многолетнего «заговора молчания»...

Виталий МЕЛИК-КАРАМОВ ИГРА БЕЗ ВАРИАНТОВ

Моя встреча с 59-летним Виктором Львовичем Корчным произошла почти случайно — на международном турнире в испанском городе Мурсия в июне 1990 года...

Корчной начал турнир хорошо. Два с половиной очка в трех турах. Зная о его вспыльчивом характере, я ходил вокруг него, но подойти не решался. Любопытство победило, да и потом, если бы он меня и прогнал, кто бы видел мой позор? А тут мы оказались на обеде по соседству — и я рискнул. «Я советским журналистам интервью не даю»,— первое, что мне заявил Виктор Корчной. «Хотя нет,— подумав, добавил он,— я недавно разговаривал с одним эстонцем. Его как прикажете считать?» «Мы еще сами не разобрались,— неуклюже увернулся я, но я не прошу интервью, мне бы хотелось просто поговорить с вами...»

Надо быть более чем наивным человеком, чтобы поверить в подобное. И, конечно, Корчной понимал меня. Тем не менее он сказал: «Пятнадцать минут после турнира вас устроят?»

Что заставило непреклонного Корчного уступить? В своей книге «Безлимитный поединок» Гарри Каспаров пишет, что, возможно, из-за того, что по малолетству он не принял участия в общем поношении Корчного (было бы странно, если бы письмо в газету подписывал в числе наших ведущих гроссмейстеров и 13-летний кандидат в мастера из Баку), точнее, его не включили автоматически в набираемый хор, в котором, безусловно, были и солисты-добровольцы, отношения с гроссмейстером-изгоем у него складывались приличные. В конце концов Корчной согласился переиграть с Каспаровым матч, в котором ему уже засчитали победу.

И хотя я постарше Каспарова и пару гадостей про «претендента» успел бы и опубликовать, но не сделал этого. Впрочем, вряд ли Корчной подозревал о моем прошлом скромном диссидентстве в советской спортивной прессе. Должно быть, меняются времена, а с ними, наверно, становятся мягче и «железные» люди.

...В конце беседы, которая действительно состоялась после турнира (правда, пять дней я заговорщически улыбался Виктору Львовичу, тем самым напоминая, что не забыл про его обещание), но продолжалась, к счастью, несколько дольше, я сказал, что если сумею опубликовать наш разговор, то вырезку обязательно пришлю. «Зачем,— поднял брови и передернул плечами Корчной,

— я прессу о себе не собираю».

Расшифровывая магнитофонную ленту, я на другой стороне кассеты наткнулся на выступление Каспарова в МАИ, причем включился в тот момент, когда он отвечал на вопрос о Корчном. Я понимаю, что подобное невероятное совпадение может подорвать доверие к автору, но удержаться не в силах. Считайте высказывание Каспарова эпиграфом к предстоящей беседе.

Итак, чемпион мира о Викторе Корчном: «Это незаурядный шахматист, большой талант с совершенно невероятными бойцовскими качествами, которые позволяют ему почти в 60 лет показывать высокие результаты, хотя стабильности прежней уже нет. Что касается его человеческих качеств, то мне трудно о них судить. Но за те семь лет, что я его знаю, наши отношения всегда были уважительные. Корчной человек эмоциональный, зажигающийся.

Что я думаю насчет тех конфликтов в Багио и Мерано, которые привлекли внимание к Корчному? Он вел себя в них как обычный человек. Он, естественно, был возмущен, что на него в матчах на первенство мира обрушили мощь государственной машины и делали это не таясь. Второй матч с Карповым, я считаю, к шахматам вообще отношения не имеет. Хотя, скажу откровенно, я не думаю, что Корчной мог победить. Карпов в то время играл сильнее. Но во многом влияла и обстановка, созданная теми же людьми, которые сделали все, чтобы Корчной покинул страну. Теми людьми, которые создали ту нетерпимую обстановку в шахматах, которая существовала еще до недавнего времени.

Повторю, все его поступки были человечны, хотя порой и несдержанны. Иными словами, он по-человечески реагировал на акции, которые человеческими не назовешь. Он не мог понять, что шахматы живут в тех же измерениях, что и вся страна, даже если матч проходит за рубежом».

Виктор Львович, начну с традиционного вопроса советских журналистов к бывшим соотечественникам: входит ли в ваши планы побывать в СССР?

Это не исключено, хотя иностранцы, которые недавно были в Советском Союзе, рассказывают ужасы о нем. Ничего, говорят, в стране не работает. Я понял так: все, что делалось в стране, делалось по некоему военному принципу, а не для пользы населения... Военный принцип в общем-то понятен — врагу насолить. В этом случае уже не до того, чтобы дать своим согражданам нормальные условия для жизни.

Существует ли такое чувство, как ностальгия, или его придумали слабые люди?

Видите ли, когда человек уезжает, он, как правило, плохо знает язык, у него нет на новом месте друзей, не на кого там опереться. В конце концов, если он немолодой человек, если он привык к определенным условиям, которые, естественно, потерял, то ему приходится привыкать к новым — наверное, это и называется ностальгией.

Что касается меня, то все было по-другому. Я прожил инкубационный период именно в Советском Союзе, когда от меня все отвернулись. Мне хорошо постарались показать, что это не моя земля. Я уже не чувствовал себя полноценным гражданином страны, а друзья, которые у меня были, если можно этих людей так назвать, они все отвернулись от м^ня. Таким образом, я ничего не оставил за собой и уезжая, принял решение никогда не возвращаться. В некотором смысле так человеку жить легче.

Что испытывает человек, когда его бесчестно, причем много лет подряд, скажем так, подвергают критике в его родной стране, а защититься он не может? Вырабатывается «броня», приучаешься не замечать клеветы?

Не знаю. Я делал то, что мог... Я выступал. Но я выступал на шахматные темы. Я рассказывал людям то, что не написано в газетах, и таким образом расширял их кругозор. В некотором роде, если хотите, я готовил их к перестройке, так как люди получали полную информацию. И только в тот момент, когда на мои шахматные выступления стали присылать инструкторов горкома партии критиковать меня по партийной линии, а я был членом партии, я понял: терпеть больше нельзя, я сделал все. что мог.

Фамилия Корчной в Союзе не забыта. И хотя о вас несколько лет писали только в черных тонах, а затем старались вовсе не вспоминать, мне кажется, что если не для большинства, то для многих она непонятно отчего, а может быть, по диалектическому закону «отрицания отрицания», хранится в памяти скорее со знаком плюс, чем минус. Может, у вас есть какой-то другой ответ на этот вопрос?

Мой претендентский матч с Карповым в Москве, в 1974 году, транслировался по Центральному телевидению — это способствовало моей популярности во всей стране. Возможно и то, что я владел и владею «словом», а ведь сотни и тысячи людей слушали мое «слово», которое отличалось от других, и это, наверно, способствовало моей популярности... Я тоже помогал развитию живой мысли в стране, а тогда, когда этой мысли не стало, показал пример, что пора уезжать из этой страны.

Не хочу преувеличивать свою роль. Я не был диссидентом — меня заставили им стать, уже здесь, на Западе, когда мне

навязали войну, когда объявили мне бойкот, когда держали и не выпускали мою семью. В состоянии войны с советскими властями я и обучился политике. Думаю, моя личность и мое поведение оставили какой-то след в политическом развитии многих людей. Я говорю о тех, чья память обо мне, как вы сказали, со знаком плюс.

Это, кстати, доказывает, что оценка моей деятельности, которую выставила государственная пресса, никогда не была слишком популярной в Советском Союзе. Никогда государственной идеологии массы до конца не доверяли. Не случайно, например, что в Восточной Германии социалистическая система лопнула в несколько месяцев. Я на самом деле не могу этого понять. Два поколения, казалось бы, до конца научились мыслить по-социалистически, но достаточно оказалось поманить их пальцем из Западной Германии, как все рухнуло.

Конечно, очень важно и то, что они поняли: советские танки вмешиваться не будут. Нельзя не оценить заслуги Горбачева в улучшении ситуации во всем мире. Потому что прежде СССР портил эту ситуацию. Но как только в мире стало ясно, что такая огромная сила больше не вмешивается, вы же замечаете,— во всем мире наступает улучшение.

Вы никогда не спрашивали себя, что заставило ваших коллег-гроссмейстеров, многие из которых люди, безусловно, порядочные, которым не угрожали ни психушки, ни лагеря, столь решительно и дружно осудить вас? Неужели никто из них не понимал, что своими руками они создают ситуацию, когда подобному остракизму может подвергнуться любой из них?

В 1985 году, когда перестройка только начиналась, я дал интервью журналу «Нью ин чесе». Мало кто на Западе еще представлял, что происходит, а я высоко оценил усилия Горбачева поставить страну на другие рельсы. Кроме того, я сказал: «Так исторически сложилось, что все прежние годы русский народ пытались привести в рабское состояние». Многие эмигранты прислали мне, я бы сказал, очень критические письма. Но ведь после того как так называемая революция свершилась, десятки лет шли прочистка мозгов и давление власти. Одно поколение за другим склонялось все ниже и ниже. Поколение за поколением воспринимало опыт выживаемости, опыт страха...

Но, с другой стороны, наш человек, по-моему, всегда был совестлив. Я заметил, что почти каждый из советских шахматистов здесь, на турнире, старается к вам подойти, поздороваться, или, как говорили раньше, «отдать почтение». Наверное, кончился страх, рухнула внутренняя «берлинская стена» и слишком очевидна несправедливость по отношению к

вам?

Больная совесть предполагает вину. Не могут же молодые ребята, а их здесь большинство, считать себя виноватыми, они же совсем молодые!

Мой вопрос неприличен для Запада, но обычен для советского человека Виктор Львович, уж если говорить по-нашему: какая у вас зарплата? Чтобы не выглядеть, мягко говоря, не очень умным, я спрошу так: легко или сложно вам живется, если говорить о финансовых проблемах?

Я отвечаю на любые вопросы. Я заработал неплохие деньги на матчах с Карповым...

То есть умереть с голоду он вам не дал.

Да. Но даже если бы я их не заработал, то в первые годы я был невероятно популярной личностью на Западе. Сейчас я мог бы зарабатывать значительно больше. Меня упрекают друзья, что я не прошу те гонорары, которые мне приличествуют. А я отвечаю: «Ведь я жил под бойкотом и был благодарен за каждое приглашение на турнир. Вот и воспитался таким образом, что можно много и не зарабатывать». Сейчас я финансово независим. Могу играть в турнирах, могу не играть, я обеспечен.

Виктор Львович, вы получили швейцарское гражданство?

Нет, еще не получил. Дело в том, что каждый эмигрант, который хочет получить швейцарский паспорт, должен жить в стране не менее десяти лет. А когда я обратился к властям спустя десять лет, мне ответили, что люди из некоторых сомнительных стран должны ждать не менее двенадцати лет. Безусловно, рано или поздно гражданство мне дадут. Но, как у Пушкина: «Черт догадал меня родиться в России с душой и талантом!» Помню, эта строчка была эпиграфом к постановке Акимова «Горе от ума» в Ленинградском театре комедии.

Вы читаете советскую прессу?

Я подписался на «Литературную газету». Но и без нее я в курсе всего, что происходит в Советском Союзе. У нас, на Западе, очень хорошо работают журналисты, с душой, рискуя жизнью, показывая самые острые моменты в жизни других стран.

Знаете ли вы, что изобретенная нашей прессой замена вашего имени на слово «претендент» в итоге превратила его чуть ли не в ругательное, и теперь, как мне кажется, шахматные журналисты пользуются им с большой осторожностью?

Нет, я этого не замечал. Но знаю, что лет двенадцать назад у меня была кличка в Советском Союзе. Поскольку называть по имени было не совсем удобно, то меня коротко называли «злодей».

Я помню, как этим термином пользовался Никитин при

занятиях с молодым Каспаровым.

Вот видите, и до меня это дошло. Мне казалось, в этом прозвище есть уважение к человеку, который рискнул выступить против Советской власти, как это тогда расценивалось...

Из журнала «Огонек» № 29, 1990

ВОЗВРАЩЕНИЕ НЕВОЗВРАЩЕНЦА?

Осенью 1990 года в Москве вышел в свет энциклопедический словарь «Шахматы» (главный редактор Карпов, и в составе редколлегии «знакомые все лица» — Батуринский, Севастьянов, Крогиус, Рошаль...). Из США на это событие откликнулся Эм. Штейн: «Когорта имен: редакционная коллегия почти как футбольная команда, включая запасных... Руководит шахматной «командой» шахматист-литератор Анатолий Карпов, автор вышедшей в Америке довольно непопулярной книги «Сестра моя Каисса».

Так начинается рецензия, опубликованная в журнале «Знамя» (№ 8, 1991). А заканчивается она вопросом: «...Замалчивание в нашу эпоху гласности, разве оно не хуже лжи?» Вопрос Штейна не риторический. Оказывается, в словаре хватает разного рода умолчаний, а имена некоторых эмигрантов отсутствуют вовсе. Однако, что можно было позволить с другими — нельзя с Корчным:

«Этого имени из шахматной песни не выкинешь. Статья о В. Корчном содержит тридцать одну строчку текста, без диаграмм партий и библиографии. А вот пресс-атташе А. Карпова, А. Рошалю, например, посвящается 38 строчек текста, сталинскому прокурору В. Батуринскому, как и Корчному, тоже 31 строчка. Но и в этих немногих строках о гроссмейстере не удалось избежать некоторого передергивания. Неправильна сообщена дата рождения Корчного: перепутан июль с мартом — это, наверное, небольшая беда. Но вот фраза: «Победитель ряда международных турниров...» За емкое русское словечко «ряд», оказывается, можно многое спрятать. А ведь из ныне здравствующих шахматистов Корчному принадлежит первенство по числу побед в крупных международных турнирах и в соревнованиях союзного значения. Количество таких побед у Корчного приближается к фантастической цифре — 100!»

Незадолго до выхода словаря, в августе 1990 года, ТАСС сообщил: «Продолжая работу по устранению допущенной несправедливости в отношении лиц, лишенных советского гражданства с 1966 по 1988 год, Президент СССР отменил принятые Президиумом Верховного Совета СССР указы о лишении гражданства СССР ряда лиц, проживающих в настоящее время за границей. Министерству иностранных дел СССР поручено сообщить этим лицам о принятом Президентом СССР решении».

Указом Президента СССР в советском гражданстве были

восстановлены 23 человека, среди них — Александр Солженицын, Василий Аксенов, Владимир Войнович, Валерий Чалидзе, Лев Копелев, Георгий Владимов, Юрий Орлов, Виктор Корчной...

А вскоре корреспондент «Известий» передал из Женевы:

В. Корчной собирается в СССР

Об этом он заявил во Фрибуре, где тренирует швейцарскую национальную сборную по шахматам... «Я доволен тем, что мне предложило Советское правительство, и вижу в этом признание моего вклада в развитие шахмат в СССР»,— заявил Корчной в интервью для католической газеты «Курье».

В то же время гроссмейстер сказал, что не может принять советское предложение, поскольку ожидает решения по своей просьбе о предоставлении ему швейцарского гражданства. По словам Корчного, он намерен посещать Советский Союз для участия в шахматных событиях, но не ранее, чем получит швейцарский паспорт.

P. S. 26 августа 1991 года В. Корчной наконец получил швейцарское гражданство, а в мае 1992-го прилетел на неделю в Санкт-Петербург. Спустя долгих шестнадцать лет самый знаменитый из шахматных невозвращенцев вновь ступил на родную землю.

СОДЕРЖАНИЕ

Р. Загайнов. Я ждал этой встречи шестнадцать лет
ЗАПИСКИ ЗЛОДЕЯ
О. Скуратов. Охота на волков
Записки злодея
«Хочу жить по совести!»
Первые уроки
Запрещено!
Главный порок
«Как за-гонять скот...»
ЧП в Комитете
Роковой год
Наказание
АНТИШАХМАТЫ
В. Буковский. «Серые начинают и выигрывают»
Антишахматы
«Невозвращенец»
Тройной заслон
Как мы попали в Багио
Домашние хлопоты
Первые столкновения
Сюрпризы на старте
Обстановка накаляется
«Протянутую руку надо пожать!»
Психолог или парапсихолог?
Перелом
Пресс-конференция в Маниле
Чудеса в решете
Бурный финал
«Последний и решительный...»
После матча
Заключение
ВОЗВРАЩЕНИЕ НЕВОЗВРАЩЕНЦА
Эм. Штейн. Кентавровы шахматы
А. Карпов. Зачем нужен психолог
В. Малкин. Кто вы, доктор Зухарь?
Эм. Штейн. Открытое письмо А. Карпову
В защиту семьи Корчного
Лев АЛЬБУРТ (США) ПОЦЕЛУЙ ВОЖДЯ
Г. Каспаров. Памятник старому режиму
В. Севастьянов. Карпов, каким мы его любим
«Толин миллион» (процесс Карпов— Юнгвирт)

Л. Жуховицкий. Как мы дошли до жизни такой?
В. Мелик-Карамов. Игра без вариантов
Возвращение невозвращенца?

Литературно-художественное издание

МОСКВА 1992
ББК 75.581 К70
Художник Юрий Гордон
Художественный редактор И. А. Прибыткина Технический редактор И. Б. Резников Корректор Н. Н. Мальцева
Сдано в набор 09.04.92. Подписано в печать 01.07.92. Формат 60х90 '/'в-Бумага офсетная. Гарнитура «Тайме». Печать офсетная. Усл. п. л. 13. Уч.-изд. л. 15,73. Усл. кр.-от. 15,37. Тираж 100000 экз. Заказ 2827. С-1.
Агентство «КомпьютерПресс» 113093, г. Москва, аб. ящик 37.
Полиграфическая фирма «Красный пролетарий» РГИИЦ «Республика»
103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

notes

Примечания

1

Похоже, и это число меранских «товарищей» не окончательное. По словам пресс-атташе советской делегации А. Рошаля, «даже в самом продолжительном «грузинском тосте» не удалось бы в эти радостные для советских шахмат и всего нашего спорта дни назвать всех, кто способствовал этой большой победе» («Спорт в СССР» № 1, 1982).— Ред.

2

Спорное мнение. По словам Карпова, «Александр Рошаль — один из самых ярких и самобытных шахматных журналистов нашего времени» (энциклопедический словарь «Шахматы», Москва, 1990).— Ред.